

Часть I

- Глава I. От легенды к истории
- Глава II. В стране запорожских казаков
- Глава III. Непокорная молодость
- Глава IV. От борьбы к терроризму
- Глава V. На каторге
- Глава VI. Социальная революция в Гуляй-Поле
- Глава VII. Приливы и отливы революции 1917 года
- Глава VIII. Странствия
- Глава IX. Встреча с Лениным
- Глава X. Снова на родине
- Глава XI. Начало партизанской войны
- Глава XII. Гражданская война в России
- Глава XIII. Рождение махновской повстанческой армии
- Глава XIV. Советская власть и власть советов
- Глава XV. Союз с красной армией
- Глава XVI. Разрыв соглашения с Москвой и крушение южного фронта
- Глава XVII. Григорьев, Дыбец, Якир, Слащев и другие

Глава I. От легенды к истории

Нестор Иванович Махно, украинский анархист, имя которого связано с попыткой социальной революции, личность хорошо известная всем тем, кто интересуется русской революцией. Опыт, в котором он принимал активное участие, длился на протяжении переломных лет 1917-1921 и затронул миллионы жителей юга Украины. Однако Махно и его товарищи вынуждены были защищать с оружием в руках свои социальные завоевания, поэтому они известны до сих пор, главным образом, как организаторы широкого повстанческого движения, тем более что их борьба была определяющей для судьбы русской революции и, тем самым, для всей истории нашего столетия.

Сыгравший решающую роль в этом движении Махно по сей день воспринимается по-разному: для одних – противников – он какое-то пугало, чистокровный бандит, плохо скрывающий под флагом Анархии простое желание грабить и систематически уничтожать Государство – каким бы оно ни было – и его представителей; для других – он выдающийся деятель анархистского движения, стремившийся воплотить в жизнь учения Бакунина и Кропоткина, главных основоположников теории анархистского коммунизма.

Проиллюстрируем различия в подходах некоторыми качественными эпитетами, прозвищами и ярлыками, использовавшимися по отношению к Махно: главнокомандующий белой армии Деникин видит в нем «отважного и очень популярного разбойника и талантливого партизана – облеченного в одежды «идейного анархиста»⁷¹, некоторые украинские националисты его считают «казацким атаманом», «украинским Наполеоном», «национальным героем»⁸²; для Анатоля Монзи, французского политического деятеля, он – «анархист во дворянстве»⁹³; тогда как большевистские противники считают его «президентом бандитов», «некоронованным королем партизан»¹⁰⁴. Виктор Серж описывает его как «пьяницу, неграмотного идеалиста, несравненного стратега-само-родка»¹¹⁵; для писателя-историка Даниеля Герена речь идет об «анархистском герильеро» и «Робин Гуде»¹²⁶; анархистские почитатели представляют его как «второго Бакунина»¹³⁷. Наконец, анархистский пропагандист Себастьян Фор восхваляет его как «личность крепкую, лояльную, скромную, бесстрашную, неподкупную»¹⁴⁸. Добавим для полноты к этим оценкам, взятым из таких разных источников, что боевые побратимы Махно для того, чтобы воздать должное его отваге и твердости духа прибавили к его имени казацкий титул «батько»¹⁵⁹ и называли его также «первым среди равных». Не потому, что он был более равным, чем остальные, как некоторые могли бы сказать с иронией, а в том смысле, что он был «первым в связке», потому что он всегда был в первом ряду атак своей знаменитой кавалерии и всегда был первым в пропаганде идей анархического коммунизма. Легенда о его военной непобедимости родилась из того, что он, неуязвимый для смерти, принимал участие в более чем двухстах штурмах и боях и выжил, несмотря на многократные тяжелые

ранения.

В дополнение к этим многочисленным точкам зрения укажем, что советские историки, в отличие от руководителей той эпохи, часто говорят о «королевстве» или «республике Махновии», когда они обозначают район, который находился под непосредственным влиянием махновского движения. Эта территория включала Екатеринославскую губернию, север Таврической, восток Херсонской и юг Полтавской и Харьковской, что представляет собой прямоугольник 300 км в длину и 250 км в ширину с населением около семи с половиной миллионов жителей.

Это массовое движение получило, по имени своего основателя, название «Махновщина», в котором увеличительный суффикс может иметь полууничижительное значение в русском языке. Отметим также проявление культа личности наизнанку: родной городок Махно и в некотором роде столицу движения Гуляй-Поле его враги большевики часто называли «Махноград»¹⁶¹⁰.

В биографической статье, посвященной Махно в третьем издании Большой Советской Энциклопедии и выражающей саму суть официального понимания истории, можем прочесть следующее:

Махно Нестор Иванович 17(29).10.1889, Гуляй-Поле, ныне Запорожской обл., – 27.7.1934, Париж], один из главарей мелкобурж. контрреволюции на Украине в 1918–21 во время Гражданской войны (см. Махновщина). Род. в крест. семье, окончил церковно-приходскую школу. Во время Революции 1905–07 вступил в анархистскую группу, участвовал в террористич. актах и «экспроприациях». В 1909 за убийство полицейского пристава был приговорён к смертной казни, замененной, как несовершеннолетнему, 10 годами каторги. Отбывая заключение в Бутырской тюрьме в Москве, М. оформился как анархист. Освобождённый Февр. революцией 1917, он уехал в Гуляй-Поле и в апр. 1918 создал вооруж. анархистский отряд. Этот отряд начал партиз. борьбу с австро-герм. оккупантами и гетманскими властями и приобрёл большую популярность среди крестьян. Отличался личной храбростью и жестокостью. В 1919–20 воевал против белогвардейцев и петлюровцев¹⁷¹¹, а также против Красной Армии. Трижды вступал в соглашение с Сов. властью и трижды нарушал его и поднимал мятеж. В 1921 отряды М. окончательно превратились в банды грабителей и насильников. 26 авг. 1921 бежал в Румынию, в 1922 переехал в Польшу, а в 1923 – во Францию, где работал сапожником и типографским рабочим.¹²

В отличие от микстуры обычно подаваемой современной советской историографией – у нас будет еще возможность в этом убедиться – которая состоит из смеси лжи и правды в пропорции лошадиная доза первой и птичья – второй, эта короткая статья, за исключением некоторых неточностей, которые мы исправим ниже, и обычных анафем – мелкобуржуазные, грабители, преступники – представляется достаточно точной. В том же издании статья посвященная Махновщине, завершает официальный анализ: в ней сказано, что социальной базой движения являлось зажиточное крестьянство, «кулаки»¹⁸¹³, что это было не только местное движение, поскольку оно простиралось от Днепра до Дона, что оно состояло из добровольцев, что оружие добывалось исключительно у противника, и что, наконец, его

идеология определялась лозунгами «анархистского государства» (sic!) и «свободных советов», что на практике значило, по мнению редакторов, бороться против пролетарского государства.

Интересно сравнить эту оценку с оценкой, содержащейся в пространном некро-логе, опубликованном на страницах в целом хорошо информированной газеты Ле Там (Le Temps) – предшественницы Ле Мوند (Le Monde), принадлежавшем перу московского корреспондента Пьера Берлана:

Ле Там сообщала уже о безвременной кончине знаменитого Н. Махно, умершего в Париже 27 июля 1934 года от туберкулеза и кремированного на кладбище Père-Lachaise. В советских газетах не нашлось места для некролога, посвященного вождю анархистов, ни даже строки внизу на шестой странице, чтобы сообщить о его смерти... Однако Нестор Махно был очень любопытной фигурой и никакой заговор молчания не сможет заставить забыть ту важную роль, которую сыграл народный «Батько» во время русской революции, в частности в борьбе против Деникина. В отличие от его эфемерных большевистских союзников, которые поспешили от него избавиться, как только победа над белыми была достигнута, историки будущего найдут ему должное место среди зодчих революции.

*[...] Его политическая программа? Будучи анархистом, он хотел дать крестьянам землю, рабочим фабрики в полную собственность, и советовал им объединяться в свободные коммуны. То есть он видел своих врагов в белых генералах, которые хотели возвращения «помещиков». [...] Он несколько раз заключал союз с большевиками, которых он считал в то время наименьшим злом. [...] Проявления грабежа, террора и антисемитизма жестоко карались Махно и его заместителями. Он сумел удерживать власть на Юге Украины и попытался реализовать некоторые из своих «утопий»: упразднение тюрем, организация общинной жизни, «свободные коммуны», «советы рабочих», из которых не исключалась никакая социальная категория. Под его эфемерным правлением существовала полная свобода прессы, и он разрешал публикацию газет правых и левых эсеров, как и большевистских органов рядом с анархистскими изданиями. Роль Махно и отрядов его партизан становится решающей на протяжении 1919 года во время наступления Деникина.**

[...] Махно направил против Врангеля многочисленные отряды своих партизан, и именно его кавалерия пересекла болота и взяла штурмом Перекопский перешеек. [...] Вне всякого сомнения, поражение Деникина объясняется в большей степени крестьянскими восстаниями, размахивавшими черным знаменем Махно, чем успехами регулярной армии Троцкого. Отряды партизан „Батьки“ склонили чашу весов в пользу красных, и если Москва предпочитает забыть это сейчас, беспристрастная история примет во внимание этот факт.1914

Берлан объяснял разрыв между Махно и большевиками неприятием с их стороны анархистской пропаганды в пользу строя без центральной власти, в пользу федерации «свободных советов», короче, всего, что противоречило «марксистской концепции диктатуры пролетариата, осуществляемой от имени масс коммунистической партией».

Этот второй удар колокола уравнивает первый и позволяет восстановить истинное по историческим меркам значение деятельности Махно и его сторонников. Тем не менее, между этими двумя самыми официальными версиями располагается целая серия других, расплывчатых, неточных, которые идут от ложных впечатлений до открытой клеветы, большой и малой, и все это способствует серьезному «затемнению» вопроса.

Известно, что благоговейно повторенная ложь может стать иногда для некоторых умов полуправдой; именно это и произошло со многими одновременно грубыми и серьезными обвинениями: в антисемитизме, в бандитизме и в военном анархизме.

Впрочем, прием известен: стоит очернить руководителя или руководителей и тем самым снижается значение самого движения; а это дает возможность оправдать самые жестокие расправы и репрессии – так поступили с парижскими повстанцами в июне 1848 года и с коммунарами в 1871 году.

Как бы там ни было, мы подробно остановимся на всех этих обвинениях и при помощи очевидных и упрямых фактов мы установим, как было на самом деле.

Однако следует немедленно исправить некоторые обычно совершаемые ошибки, среди которых автоматическое отождествление личности Махно и движения, получившего его имя. Хотя, они, бесспорно, пересекаются, но не совпадают, и нельзя приписывать одному Махно ответственность за некоторые жизненно важные или губительные решения, например двукратное заключение соглашения с красной армией и властями Кремля. Эти решения всякий раз принимались коллективно, после долгих и ожесточенных дискуссий, заканчивавшихся голосованием. Напротив, за некоторые решения Махно ответственен лично. Впрочем, политическая окраска движения не ограничивается черным цветом Анархии, а охватывает всю гамму крайне левых того времени: левые эсеры, максималисты, большевики, порвавшие с партией, и даже «беспартийные» – все они объединялись на основе идеи свободных советов. Уточним еще, по этому поводу, что махновское движение было только самым значительным – по силе и продолжительности – и самым видным – по социальным достижениям и своей внутренней структуре – среди десятков партизанских движений, которые расцвели тогда в Украине, в Центральной России и в Сибири, большинство из которых также были сторонниками свободных советов и которые были с большим трудом уничтожены ленинским режимом на протяжении 1920-1924 годов. Наконец, если Махно был символом своего движения, гуляйпольская группа коммунистов-анархистов была его душой. Наше исследование охватывает всю совокупность движений: хотя судьба и личная деятельность Махно использованы в книге в качестве путеводной нити.

Для иллюстрации нашего изложения будут использованы письменные свидетельства главных участников, большинство из которых написаны на русском языке, освещаая события, малоизвестные по сей день; в приложении будут представлены некоторые показательные документы.

О последней части жизни Нестора Махно – его пребывании в Париже мы собрали многочисленные свидетельства и интервью лиц, которые его знали, встречались с ним, и мы

выражаем им здесь нашу благодарность. Прежде всего ветерану среди них, которому девяносто лет, Грише Бартановскому († 1986), по прозвищу Барта, который впервые встретился с Махно

в 1907 году в Екатеринославе, когда они работали вместе на заводе и жили в ночлежках, а затем встретились вновь в изгнании в Париже. Назовем также болгарских анархистов, очень близких к Махно в то время: Киро Радев († 1979), Ереван († 1976) и Никола Чорбаджиев (Иосиф Синтов, † 1994, он жил три года в том же доме, что Махно и Аршинов в Венсенне), Ида Метт (девичья фамилия Гильман, † 1973), секретарь Махно с 1925 по 1927 год, рассказала нам о чертах его характера и об условиях его жизни в эти годы. Поблагодарим также выдающуюся деятельницу французского анархистского движения Мэй Пикрэ († 1983), которая приняла Махно, его жену и дочь, когда они прибыли в Париж. Наконец, Никола Фосье († 1990) и Ренэ Буже († 1989), активные анархисты того времени, предоставили нам сведения о взаимоотношениях Махно с французскими анархистами. Отметим также свидетельство Марселя Оливье (Гольденберг, 1896–1993), французского делегата на съезд по созданию Коминтерна, который нам сообщил об обстоятельствах победы красных над Врангелем в Крыму и об их коварстве в отношении махновцев. Добавим к этой совокупности источников, собираемых, начиная с 1964 года, источники из семейной среды автора этих строк, некоторые из его родственников были в разной степени связаны с описываемыми событиями 2015, обстоятельство, не чуждое причинам, которые его подтолкнули к осуществлению этого тщательного исследования, но которое само по себе не влечет снисходительности, восхваления или – как знать? – очернения, но возможно, признаем это, большее стремление понять рассматриваемую тему.

Глава II. В стране запорожских казаков

Прежде всего, представляется полезным дать некоторые географические, этнографические и исторические сведения о территории, которая станет театром действий для Махно и его движения: об Украине и, в частности, о ее восточной части, левобережье Днепра.

Украина – это название страны, простирающейся от границ центральной России и Кавказа до отрогов Карпат, точнее между реками Днестр и Буг, притоком Днепра Припятью, реками Десна и Дон, и прилегающая к Черному и Азовскому морям. Слегка превосходящая по площади Францию, она почти полностью покрыта степями, которые являются естественным продолжением азиатских; этим положением объясняется тот факт, что через эту территорию пролегла на протяжении столетий ось направления многочисленных вторжений племен, которые постепенно заняли Европу и стали двоюродными братьями для большинства жителей старого континента. Последними по времени из этих завоевателей, до и сразу после начала христианской эры, скифы и сарматы – арии – жили здесь, сменив друг друга, до хазар, тюркской народности, которые их вытеснили, а потом сами были оттеснены кочевниками, печенегами и половцами. Славяне появляются здесь около VI века, под именем Русов с XI века; они группируются вокруг Киева, процветающего города, соперничавшего с Византией и прозванного матерью городов русских. Приняв в X веке христианство, Русь становится оборонительной линией Европы против азиатских набегов, до тех пор, пока бесчисленные орды Чингиз-хана в XIII веке не наводнят и не опустошат полностью эту страну. Именно тогда страна северных славян, Московия, перенимает имя Россия, оставшееся по сей день. Тогда как античная Русь с этого времени называется Украина, что значило «пограничная земля» или «крайняя земля» цивилизованного мира.

После татарского господства, настоящего бедствия, которое длилось два с половиной века, страна переходит. Прежде всего, представляется полезным дать некоторые географические, этнографические и исторические сведения о территории, которая станет театром действий для Махно и его движения: об Украине и, в частности, о ее восточной части, левобережье Днепра.

Украина – это название страны, простирающейся от границ центральной России и Кавказа до отрогов Карпат, точнее между реками Днестр и Буг, притоком Днепра Припятью, реками Десна и Дон, и прилегающая к Черному и Азовскому морям. Слегка превосходящая по площади Францию, она почти полностью покрыта степями, которые являются естественным продолжением азиатских; этим положением объясняется тот факт, что через эту территорию пролегла на протяжении столетий ось направления многочисленных вторжений племен, которые постепенно заняли Европу и стали двоюродными братьями для большинства жителей старого континента. Последними по времени из этих завоевателей,

до и сразу после начала христианской эры, скифы и сарматы – арии – жили здесь, сменив друг друга, до хазар, тюркской народности, которые их вытеснили, а потом сами были оттеснены кочевниками, печенегами и половцами. Славяне появляются здесь около VI века, под именем Русов с XI века; они группируются вокруг Киева, процветающего города, соперничавшего с Византией и прозванного матерью городов русских. Приняв в X веке христианство, Русь становится оборонительной линией Европы против азиатских набегов, до тех пор, пока бесчисленные орды Чингиз-хана в XIII веке не наводнят и не опустошат полностью эту страну. Именно тогда страна северных славян, Московия, перенимает имя Россия, оставшееся по сей день. Тогда как античная Русь с этого времени называется Украина, что значило «пограничная земля» или «крайняя земля» цивилизованного мира.

После татарского господства, настоящего бедствия, которое длилось два с половиной века, страна переходит под правление литовцев, поляков, потом, в 1654 году – Москвы, и с этого времени ее восточная половина входит в состав Российской империи, вначале под именем Новороссии, затем Малороссии.

Тем не менее, украинцы всегда отличались от русских – вопреки противоположным утверждениям московских патриотов – как по внешнему виду и языку, так политически и социально. Они – славяне более однородного происхождения, чем русские, которые смешались с финнами северо-запада. Это чувствуется в физическом типе: украинцы в подавляющем большинстве темноволосые с карими глазами, тогда как у русских преобладает светловолосый или русский тип со светлыми глазами.

Языки настолько же различны, как например, французский и итальянский, хотя оба восходят к общеславянскому. Обычаи и привычки также отличаются. Украинские крестьяне носили вышитую сорочку, заправленную в широкие шаровары, обували кожаные сапоги, голову покрывали папахой, большой меховой шапкой, а верхней одеждой была свитка из грубого сукна. Русские крестьяне, «мужики», оставляли свою большую рубашку «косоворотку» поверх штанов, подпоясывали ее широким поясом, обувались в фетровые валенки или в плетеные лапти, надевали кафтан или поддевку со складками на талии, на голову надевали меховую шапку, отращивали сразу после женитьбы почтенные бороды, тогда как украинцы в соответствующем возрасте носили только пышные усы. Русской избе, деревянному дому из кругляка, соответствовала украинская хата с деревянными или глинобитными стенами, побеленными известью, покрытая соломой и окруженная садиком. Чтобы завершить эту краткую картину различий между двумя народами, отметим, что между ними всегда царила определенная неприязнь, как это часто бывает между жителями севера и юга, что взаимно проявлялось в презрительных кличках «кацапы», иногда также «москаля», и «хохлы».

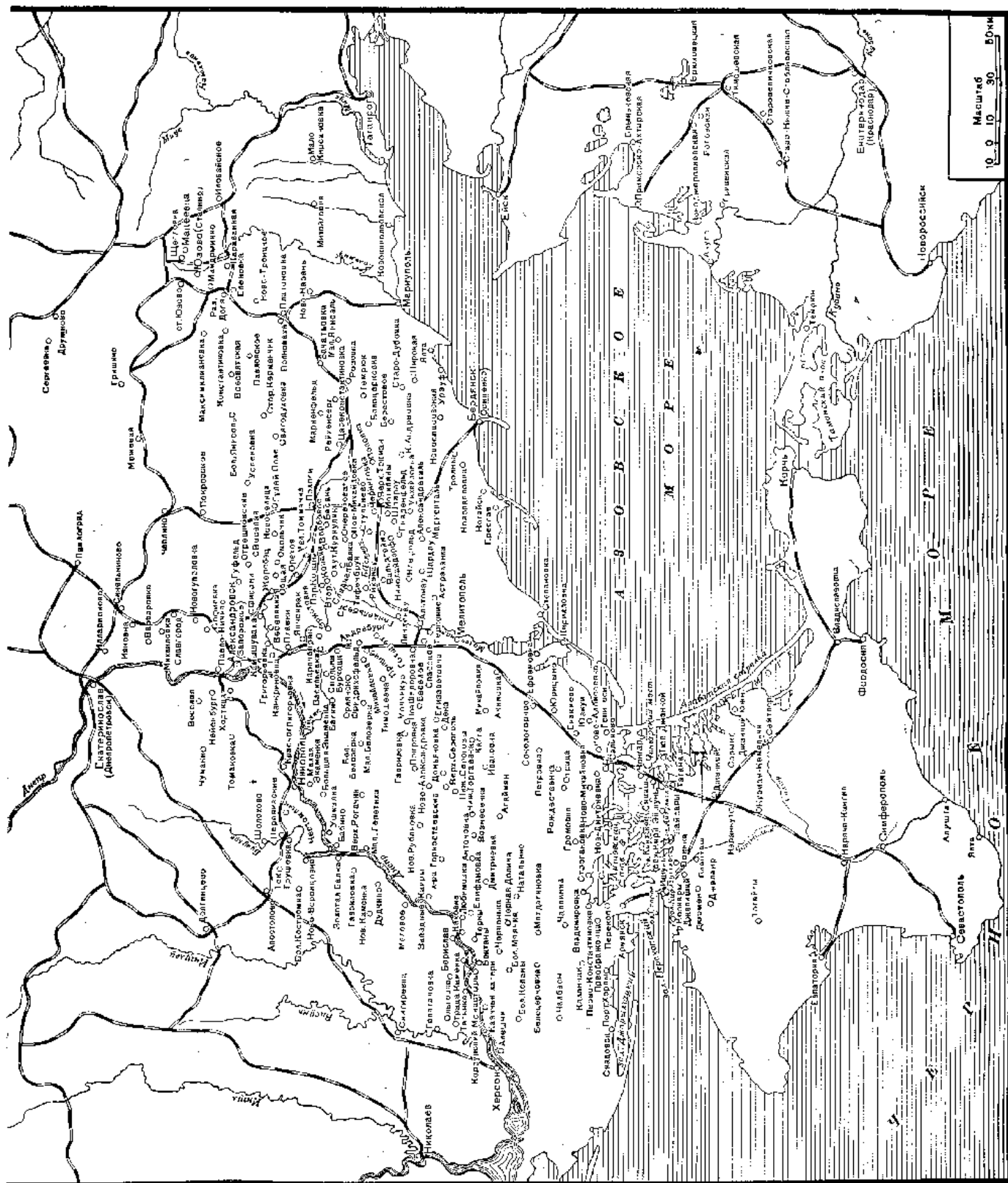
Единственные общие связи между двумя странами были чисто династическими через скандинава Рюрика, прибывшего в Киев и взошедшего на княжий престол в IX веке.

Украина пошла под покровительство московского царя в 1654 году; вследствие общности религии, православия, и как это ни парадоксально, чтобы сохранить свою независимость, как раз завоеванную после долгой и тяжелой борьбы против поляков и турок.

Это не помешало Москве сделать из нее вассальную страну и постепенно превратить ее население из крестьян и казаков, коллективных землевладельцев, на основе равенства и демократии, в закрепощенную массу, лишенную земли: это было осуществлено посредством прямой колонизации царей и их наместников, придворных и фаворитов всех мастей. К этому следует добавить внутреннюю социальную дифференциацию (привилегии казацкой верхушки), вызвавшую появление ненасытных украинских собственников. Несмотря на бунты и глухое сопротивление крестьянских масс, этот процесс был узаконен Екатериной II, официально установившей крепостничество, в 1781 году, то есть на полтора столетия позже России.

Чтобы лучше подчинить себе новую колонию, Москва способствует интенсивному насаживанию иностранных колонистов. В 1751-1755 гг. в Екатеринославской губернии земли отдаются православным славянам, бежавшим от Турок: сербам, волохам, молдаванам, болгарам, черногорцам, устроившимся в Славяносербском уезде. В 1779 году греки, грузины, поляки, цыгане, а затем пленные турки и татары также переселены на Украину. Между 1775 и 1782 гг. была проведена большая раздача земель: 5 миллионов гектаров были раздарены придворным фаворитам Екатерины II, просвещенной деспотичной императрицы, которую так почитали французские философы. Она не забывает при этом и своих немецких соотечественников, множество которых было поселено на самых богатых землях, знаменитых черноземах, плодородных благодаря быстрому росту трав на первичной грунтовой основе степей и разложения последовательных слоев растительности. Это вошедшее в пословицу плодородие земли превратило регион с незапамятных времен в житницу Византии и Европы, и само название всегда подогревало алчность его могущественных соседей.

Преемники Екатерины II продолжили ее губительную политику: в 1803 году по 1000 га роздано каждому выходящему в отставку офицеру, по 500 га – каждому унтер-офицеру. Для обработки этой земли из средней России было переселено около 100 000 крестьян, разумеется, крепостных. В 1846-1850 гг., в порядке эксперимента, государство организует еврейские сельскохозяйственные колонии в Александровском и Мариуполь-ском уездах. Уже в начале нашей эры евреи сопровождали греческих торговцев, устраивавшихся по периметру Азовского моря. Это старое присутствие массово усилилось под польским господством, особенно Преемники Екатерины II продолжили ее губительную политику: в 1803 году по 1000 га роздано каждому выходящему в отставку офицеру, по 500 га – каждому унтер-офицеру. Для обработки этой земли из средней России было переселено около 100 000 крестьян, разумеется, крепостных. В 1846-1850 гг., в порядке эксперимента, государство организует еврейские сельскохозяйственные колонии в Александровском и Мариуполь-ском уездах. Уже в начале нашей эры евреи сопровождали греческих торговцев, устраивавшихся по периметру Азовского моря. Это старое присутствие массово усилилось под польским господством, особенно на западной Украине, где польским помещикам было выгодно использовать в качестве администраторов и управляющих многочисленных польских евреев. Они составили впоследствии значительное национальное меньшинство, особенно в больших городах этой части Украины.

Южная Украина в 1919 году

Вследствие такого странного заселения украинцы составляли в 1917 году лишь две трети населения своей страны. Затем идут в порядке убывания русские, евреи, немцы, болгары, татары, греки и в небольших количествах представители других национальностей: сербы, армяне, грузины и т.д.

Заметим, между прочим, что в этой стране поселенцев мужчины преобладали над женщинами в пропорции 100 к 93. Наконец, в 1914 году в русской царской армии служили 4 миллиона украинцев.

Во время всеобщего упразднения крепостного права в российской империи большинство украинских крестьян получили лишь совсем маленькие индивидуальные земельные участки – в среднем 3 га, – которые они к тому же часто должны были выкупать у своих бывших помещиков. Как и у русских, братья, у которых сохранилось совместное владение землей – община, их самоуправление продолжало осуществляться общинным собранием – громадой (соответствующей русскому миру). В обоих случаях все лишились лучших земель, сохраненных за царем (земли царской короны), помещиками и духовенством, то есть знаменитой триадой сословий «Святой Руси». Так, например, в Екатеринославской губернии, в 1891 (цифры в значительной мере одинаковы для всей Украины) знать, которая представляла 0,9% населения имела 31,06% пашных земель: украинские крестьяне, 70% жителей, обрабатывали только 37,55% земель; немецкие колонисты, представлявшие 4% населения, владели 9,46% земель (главным образом наилучших); что касается греков, 2% от числа жителей, они имели 6,62% обрабатываемых земель (в среднем очень хороших). Еврейские сельскохозяйственные колонии представляют лишь мелкую часть: 0,34% площади²¹¹.

Сельское хозяйство было главным видом экономической деятельности, им занимались три четверти жителей. Сельскохозяйственная продукция состояла из зерновых, свеклы, табака и различных овощей. поголовье скота было значительным, и в среднем на пять жителей приходилась одна лошадь.

Около десятой части населения жило благодаря промышленности и угольным шахтам Донбасса и рудникам Кривого Рога. Пять процентов жителей существовало за счет торговли, остальную часть населения составляли служащие и чиновники государственных служб.

Порты на Азовском море, Бердянск (47 000 жителей) и Мариуполь (45 000 жителей), очень активные на протяжении всего года, были связаны железной дорогой с Екатеринославом (220 000 жит. в 1914 г.)²²², столицей южной Украины, который имел, через важную узловую станцию Синельниково, железнодорожное сообщение с Крымом, проходящее через Александровск (52 000 жит.) и Мелитополь (18 000 жит.).

Вопреки распространенным на Западе предрассудкам население не прозябало в полной неграмотности; например, в 1913 году среди детей, которые должны были пойти в школу в 1914, число умеющих читать и писать составляло на Украине 90% в городах и 73% в селах (для России соответствующие цифры 82 и 57%).

Другая особенность Екатеринославской губернии, колыбели махновщины, состояла в том, что она была историческим центром запорожского казачества, военных сообществ свободных людей, которые на протяжении столетий, ожесточенно сражались за сохранение своей независимости. В этом наблюдается сходство, и это заслуживает более подробного рассмотрения.

Корни казаков восходят к Средним векам, в частности, к сопротивлению против татарского угнетения, когда часть славянского населения предпочла остаться на месте, чтобы продолжить борьбу. Сам термин «казак» – татарского происхождения и означает одновременно пастух, всадник, свободный воин, бродяга и иногда разбойник. Те, кого так называли, начинали со своеобразного воинского братства, жившего вдоль реки Днепр. В основе всех последующих были два: донское и днепровское казачества, образовавшиеся в одно и то же время – в XV-XVI веках. Первое, донское, состояло из русских – выходцев из демократических городов Новгорода, Пскова и Рязани, бежавших от жестоких преследований против них со стороны московских царей-самодержцев. Убежав на донскую территорию, расположенную между Уральскими горами, югом России, востоком Украины и Северным Кавказом, они сохранили свои республиканские традиции, то, что было названо «казацкими вольностями», а именно, обычай решать все проблемы на общем сходе, «круге», соответствующем демократическому собранию в Новгороде – вечу, и самостоятельно назначать своего атамана, военного руководителя, избираемого и отзываемого.

Второе казацкое братство возникло на Украине, вдоль Днепра, и поначалу полностью состояло из украинцев. Оба казачества поддерживали между собой тесные отношения братства и сотрудничества: в те времена говорили, что «обе армии, донская и днепровская, как брат и сестра». Только к концу XVI века они присоединились, перед лицом турецкой угрозы, одна к московскому царю, вторая к польскому королевству, за исключением казаков низовьев Днепра – Запорожцев, – которые остались независимыми.

Принимая во внимание основную роль, которую сыграли потомки этих двух казачеств в русской гражданской войне 1917-1921, а значит и в нашем рассказе, мы рассмотрим более подробно главные черты их эволюции.

Донские казаки с самого начала селились в соседних районах – на Волге, на Урале, в Астрахани и т.д.; так один из них, ставший волжским казаком, Ермак, завоевал для царя в 1580 году почти всю Сибирь. Они сыграли определяющую роль для Москвы и даже для всей Европы, потеснив, а затем, покорив все кочевые народы Центральной Азии и Сибири, которые до этого часто завоевывали и опустошали Восток Европы.

Присоединение территории Дона к Москве в 1570 году было лишь федеративным; поэтому, когда царь попробовал открыто наступать на права казаков, они продемонстрировали вначале некоторое волнение, а затем начали открытые бунты, самыми известными из которых были восстания Степана Разина в 1670, Булавина в 1708 и уральского казака Пугачева в 1775. Они были сурово подавлены, особенно восстание Булавина, Петром Великим, который казнил большое число казаков из разных мест. Те, которым удалось избежать казни, были затем рассеяны по окраинам империи. Преобразованные в пограничные войска, они составили регулярные части, именовавшиеся «Войсками» по названиям рек и мест, где они располагались: Донское, Кубанское, Терское, Уральское, Оренбургское, Астраханское, Забайкальское, Семиреченское, Амурское и Уссурийское. Они потеряли между тем свою русскую этническую однородность из-за браков с пленными женщинами и из-за интеграции местных инородцев: калмыков, бурятов, чеченцев, черкесов, или из-за пополнения за счет бежавших сюда украинцев и запорожцев.

Указанные одиннадцать Войск образуют, начиная с этого момента, надежные войска империи, избалованные в этом качестве привилегиями со стороны властей. Они отличились во время походов и войн имперской России, в частности, разгромили до тех пор непобедимую наполеоновскую кавалерию в 1812-1814 и пришли напоить своих коней из фонтанов на парижских Елисейских полях.

Став опорой империи, казаки не довольствуются тем, что постоянно воюют и «носят на своих седлах русские границы», они также используются в целях внутренней безопасности. Им предписано регулярно направлять сотни (эскадроны из 150 человек) и полки для службы в силах порядка, на гарнизонную службу в важных городах и местностях страны, или для использования в качестве личной гвардии царя. Именно в качестве преторианской личной гвардии царя они жестоко подавили польские восстания XIX века и большую революционную волну 1905 года. Их нагайка становится с тех пор зловеще знаменитой среди непокорного населения.

В мирное время казаки могли выставить около 70 000 человек, а в военное втрое больше. В связи с войной 1914 года из них формируют многочисленные части: 162 конных полка, 24 пеших батальона, среди которых кубанские пластуны – ударные спецотряды – а также множество артиллерийских батарей, что составляло в целом 450 000 солдат.

Их боевое построение отличается от открытого строя регулярной русской кавалерии, и от рассеянного порядка по французскому уставу или от штурмового построения в одну шеренгу немецкой кавалерии. У казаков боевое построение – лава – диктовалось целью вести сражение в свободном строю, что наиболее способствовало индивидуальным действиям каждого бойца и позволяло командирам всех уровней прибегать к инициативным действиям, наиболее соответствующим ситуации. Интервал, разделяющий атакующих, позволял им быстро продвигаться вперед по любой местности и придавал особую разрушительную эффективность их действиям. Их обычное вооружение включало, разумеется, саблю, без которой нельзя себе представить казака, пику, винтовку, кинжал и иногда пистолет. Благодаря боевому духу и отваге казаки снискали славу грозных воинов.

В 1917 самыми многочисленными были Донское и Кубанское войска, составлявшие вместе около трех четвертей общего числа казаков в русской армии. Во время гражданской войны, в составе антибольшевистских войск генерала Деникина это соотношение сохранилось.

С другой стороны, среди населения казацких земель имела место значительная социальная дифференциация: на землях богатых казаков было много иммигрантов из России, которые работали как арендаторы и, не будучи казаками, рассматривались как пришлые. Среди казацкой массы была беднота, хотя каждый из них имел автоматически право на земельный надел, размеры которого зависели от чина. Например, на Кубани в 1870 общинные до того земли были разделены следующим образом: генерал получал 1500 га, полковник 400 га, есаул 200 га и простой казак всего 30 га. Существовали также различия на Кубани между казаками побережья, запорожцами по происхождению, и казаками внутренних земель, выходцами из России, и это было поводом для столкновений и соперничества.

Днепровские же казаки, украинцы, были подчинены, несмотря на различные перипетии и бунты, власти польских панов и постепенно растворились в общей массе населения под польским контролем; казаки, находившиеся под русским правлением, также усмиренные Петром Великим, несмотря на это, продолжали выставлять несколько полков, которые затем, во время войн империи стояли в 1814 г. в Париже, впоследствии также растворились в массе населения. Их потомки присоединились в большом количестве в 1918 к войскам Петлюры под сине-желтым украинским национальным флагом.

Наконец казаки, которые нас интересуют здесь наиболее – запорожские, названные так, потому что первые из них находили убежище на небольших островах среди недоступных порогов низовья Днепра (название Запорожье обозначает буквально «за порогами»). Отсюда они организовывали походы против татар и турок, находили пищу в диких полях, которые назывались Малой Татарией, на юге современной Украины, где роскошная природа предоставляла в огромных количествах дичь, рыбу, дикий мед и естественные укрытия.

Запорожцы были свободными людьми, или же стремились к этому, и особенно жаждали таковыми остаться. По этой причине они принимали в свои ряды много иностранцев, при условии, что те православной веры: русских, бежавших от деспотического режима и крепостничества, крестьян, городских, разных бродяг, бежавших от податей, принуждения и всевозможной неволи и привлеченных способом существования и свободным образом жизни - вольницей²³³ – запорожцев.

Они могли оставаться на постоянно или принимать казачество на время. В принципе, каждый свободный украинец был казаком, оставляя за собой свою землю, и мог быть мобилизованным в любой момент. Запорожские казаки стали военной и политической силой, игравшей решающую роль на протяжении XVI и XVII веков в этой части континента. Они выступили в союзе со шведами и Кромвелем в борьбе против поляков и Московии; грозные мореплаватели и отважные воины, они могли мобилизовать армию в 10 000 человек, цифра значительная для того времени. Их силы, рассредоточенные по всей Украине, подразделялись на полки и сотни. Их военным, административным и религиозным центром была Сечь, деревянная крепость расположенная на острове по Днепру, вначале на Хортице, затем на двух других островах ниже по течению реки. Женщины и дети на Сечь не допускались. Сечь подразделялась на 38 куреней, объединений для совместной жизни и работы, каждый из которых носил имя той местности, откуда были 150 казаков, несших там гарнизонную службу, что составляло в совокупности около 6000 запорожцев, находящихся в постоянной готовности.

Организационная структура была демократической и эгалитарной, поскольку избирательный принцип распространялся на все командование и ответственные гражданские посты; все избирались прямым голосованием сроком на год.

Должность можно было занять снова или быть отозванным в любой момент общим собранием – кошем, – и каждый простой казак мог получить любой пост. Выборы проходили обычно в октябре; на них избирались куренные атаманы, гетман или атаман всех куреней и его штаб (писарь, казначей, интендант, судья, и т. д.). Одновременно все земли, находящиеся в управлении Сечи, распределялись равными участками. Кроме обработки этих

участков, запорожцы занимались охотой, рыбной ловлей – располагая значительной флотилией – и, конечно же, принимая во внимание исторический контекст эпохи, войной. После бунта Пугачева, Сечь была разрушена в 1775 г. по приказу Екатерины Второй: Хортица стала местом поселения немецкой колонии, а запорожцы были превращены в крепостных или же вынуждены были уйти в изгнание на Кубань, в Крым, в Сибирь и даже в Турцию.

Так, после многих перипетий, земли и свободы запорожцев были разобраны по кускам и конфискованы местными феодалами и представителями московских царей; однако память об этом периоде независимости и свободы Вольницы осталась живой среди населения региона, названного Запорожьем, и мы можем констатировать, что махновское движение в некотором роде только естественно продолжило традиции анархического коммунизма, существовавшего в зародыше у запорожцев на протяжении всей эволюции царизма.

Следовательно, мы являемся свидетелями двойного явления: с казаками, крестьянами, воинами с вольным духом заигрывали, их объединяли в бригады, затем приручали, или же их преследовали, обезглавливали и уничтожали как таковых. Можно парадоксально утверждать, что настоящие казаки исчезали, оставив живыми свои завоевания, а те, кого так называют, лишь военная каста на службе у самодержавия – прямой противоположности их начального идеала. Революция 1917 года в этом плане вызвала поразительное возвращение истории.

Глава III. Непокорная МОЛОДОСТЬ

Нестор Махно родился 27 октября 1888 в Гуляй-Поле, большом селе на реке Гайчур, Александровского уезда Екатеринославской губернии. Гуляй-Поле обозначает «поле для ярмарки, для гулянья» и называют так, потому что с незапамятных времен здесь часто происходили ярмарки, знаменитые на всю округу. Запорожские казаки обосновались здесь более чем на два столетия раньше, этим объясняется тот факт, что село было разделено по военному признаку на роты или сотни. Когда Екатерина II отдала приказ о разрушении Сечи, много запорожских казаков не подчинилось и покинуло родные места; те, кто не смог или не успел, были превращены в крепостных. Гуляйпольские казаки по капризу какого-то фаворита императрицы были отданы некоему Шабельскому.

В начале XX столетия Гуляй-Поле насчитывало около десяти тысяч жителей²⁴¹ и немного позже, в 1917 году – около двадцати пяти тысяч, оно было центром волости, здесь находился комиссар волостной полиции, мировой судья и сельский староста; в селе было две православных церкви, синагога, три школы, медпункт и отделение почты и телеграфа. Два завода, Кригера и Кернера, производили сельскохозяйственный инвентарь, используя дешевую местную силу. Были здесь также две паровые мельницы, много ремесленных мастерских и несколько маленьких предприятий. Большинство земель принадлежало крупным землевладельцам, тогда как крестьяне владели 45% пригодной для обработки почвы; самые бедные из них – батраки – работали на помещиков, которые, кроме того, нанимали сезонных рабочих, приезжавших из Полтавской и Черниговской губерний на сезон полевых работ. В семи километрах находился вокзал, расположенный на железнодорожной линии Синельниково–Чаплино–Бердянск. На дороге, связывающей Гуляй-Поле с вокзалом, царил оживленный движение: из Гуляй-Поля и окрестных сел везли пшеницу, муку и сельскохозяйственные машины, а обратно – кокс и железную руду для разных местных предприятий.

Нестор был пятым и последним сыном Ивана Махно и Евдокии, в девичестве Передерий. Его родители, до отмены крепостного права царем Александром II в 1861, были крепостными помещика Шабельского. Поскольку земельный участок был недостаточным, чтобы прокормить семью, отец продолжал работать конюхом у бывшего хозяина. После рождения Нестора он нанялся кучером к богатому еврейскому промышленнику Кернеру, владельцу завода сельскохозяйственных машин, паровой мельницы и 500 га земли, которую он сдавал в аренду немецким колонистам. Вскоре, когда Нестору едва исполнилось одиннадцать месяцев, отец умер, оставив вдову совершенно без средств существования с пятью малолетними сыновьями на содержании.

В этих условиях раннее детство Нестора было отмечено крайней нуждой, отсутствием игр и радостей этого возраста. Матери пришлось отдать его в семью богатых бездетных крестьян, которые намеревались его усыновить. Через несколько недель по настоянию старших братьев она его взяла обратно, потому что он чувствовал себя несчастным у этих крестьян. В восемь лет Нестор пошел в сельскую светскую школу. Поначалу он был хорошим учеником, затем начал пропускать уроки и вместе с одноклассниками-сорванцами посвящал целые дни «изучению» катания на коньках и разным играм. Эти «подпольные занятия» длились целыми неделями до тех пор, пока в один прекрасный день лед не проломился, и он чуть не утонул в ледяной воде. Этот случай, должно быть, и стал причиной слабости его легких, сыгравшей фатальную роль впоследствии, во время «купания» его одежда заледенела, и он оставался некоторое время в таком состоянии, прежде чем нашел убежище у своего дяди и получил помощь.

Мать «полечила» Нестора надолго запомнившейся поркой. Он вернулся в школу и стал хорошим учеником до лета, когда он нанялся погоняльщиком волов к зажиточному крестьянину Янсону за плату в 25 копеек в день. Наибольшей радостью для мальчика было, преодолев одним махом семь километров, отделявших его от родного дома, принести свою недельную плату матери. Только эта мысль позволила ему выдержать все лето, несмотря на два удара кнутом за незначительную провинность, которые он получил от жестокого помощника управляющего. За эту работу маленький девятилетний Нестор получил всего двадцать рублей, свой первый заработок, полностью отданный матери, к которой он был всегда очень привязан.

Его братья также работали батраками и помогали очень нуждавшейся матери. Если верить воспоминаниям гуляйпольского крестьянина Анатолия Гака, нашедшего в последствии убежище в Канаде, хата семьи Махно, находившаяся на окраине села, была чрезвычайно бедной: во дворе не было – уточняет он – ни птицы, ни свиней, ни обычного для украинских хат украшения.

Нестор вернулся в школу осенью и оказался хорошим учеником по математике и, особенно, в чтении, первый признак его ораторского таланта. К сожалению, на этом его учеба закончилась, поскольку к концу учебного года положение семьи стало настолько критическим, что он вынужден был работать круглый год, хотя ему было только десять лет. Из-за этого печального обстоятельства Нестор чувствовал «какой-то гнев, злость и даже ненависть, против богатого собственника» у которого он работал, и особенно, против его потомства: «Против этих молодых бездельников, проходящих часто мимо меня, свежих и ловких, сытых, чисто одетых, пахнущих духами, тогда как я, грязный, оборванный, босоногий и провонявшийся навозом, подстилал солому телятам²⁵²».

С этого момента Нестор начал осознавать социальную несправедливость, хотя рассуждал он еще как смиренный раб, считал, что «таков порядок вещей»: помещик и его семья – «хозяева», а ему платят за неудобство – от него пахнет навозом.

Прошли годы Нестор «поменял» телят на лошадей, смирясь волей-неволей со своей судьбой до тех пор, пока однажды он не стал свидетелем сцены, которая оставила в нем неизгладимый след. Сыновья хозяина, управляющий и его помощник имели обычай жестоко

пороть конюхов за малейшую погрешность. Из-за «темноты ума» Нестор вынужден был смириться с этим подлым зрелищем и как «истинный раб» старался, как и все остальные вокруг него, отвести глаза, сделать вид, что ничего не видит и не слышит. Однако мать ему рассказала, как во времена крепостничества ее саму, еще ребенка, дважды били палками только за то, что она по праву отказалась выполнить не свою принудительную работу. Она должна была прийти на крыльцо большой господской усадьбы, чтобы получить пятнадцать ударов палками в присутствии «хозяина». Мать рассказывала ему также о героической борьбе за свободу их предков запорожских казаков, против врагов всех мастей.

Так, в один летний день 1902, юный Нестор, в возрасте тринадцати лет стал свидетелем обычной сцены: сын помещика, управляющий и его помощник начали ругать, а затем избивать второго конюха, в присутствии всех остальных конюхов «ни живых, ни мертвых от страха перед гневом хозяев». Нестор не выдержал и побежал предупредить первого конюха, батька Ивана, подрезавшего хвосты лошадям в стойле. Узнав обо всем батько Иван, полный стихийной силы, ворвался как в приступе безумия в помещение, где происходило «наказание», набросился с кулаками на «молодых господ» и их подручных. Атакованные нападающие разбежались в панике, кто через окно, кто в первую попавшую дверь. Это стало сигналом к бунту: возмущенные поденщики и конюхи пошли все вместе требовать заработанное и увольняться. Старый помещик испугался и покладисто попросил простить «глупость своих молодых наследников», остаться у него на службе. Он даже пообещал, что никогда больше ничего подобного не повторится.

От батьки Ивана, комментировавшего происшествие, юный Нестор услышал впервые в жизни бунтарские слова: «Никто не должен здесь мириться с позором быть битым ... а ты, мой маленький Нестор, если когда-нибудь кто-то из хозяев тебя ударит, хватай первые попавшие под руки вилы и воткни в него». Этот совет, одновременно поэтический и дерзкий, произвел жуткое впечатление на молодую душу Нестора и заставил его осознать свое достоинство. С тех пор он держал под рукой на всякий случай вилы или другое орудие.

Год спустя Нестор оставил свою работу конюха и нанялся по совету старших братьев учеником на местный литейный завод. Здесь он обучался «ремеслу отливания колес для жаток».

Между тем, положение семьи значительно изменилось. Три самых старших брата, Карп, Савва и Емельян, женились и стали жить отдельно. Только Нестор и старший брат Григорий оставались на содержании матери. Некоторое время спустя Нестор оставил завод и нанялся продавцом к торговцу вином. Через три месяца он бросил это занятие, казавшееся ему мерзким. Возможно, после этого опыта он сохранит отвращение к вину и алкоголю, несмотря на все распространявшиеся рассказы о его якобы склонности к пьянству.

Тогда Нестор занялся четырьмя гектарами принадлежавшей матери земли, обрабатывая ее единственной лошадью. Работал он нерегулярно, главным образом, чтобы помочь братьям; он нанялся, например, на время к малярам, только чтобы выручить братьев.

В 1904 г. один из братьев, Савва, был мобилизован и отправлен на русско-японскую войну. Настала революция 1905 года. События захватили Нестора и подтолкнули к чтению

подпольной политической литературы. Вначале он попал под влияние социал-демократов, соблазненный «их социалистической фразеологией и ложным революционным пылом». Однако в начале 1906 он познакомился с гуляй-польскими крестьянами-анархистами и вскоре стал приверженцем их группы. Эта группа была организована Владимиром Антони и Прокопом Семенютой. Антони, сын чешских рабочих-иммигрантов и сам работавший токарем, оказал решающее влияние на Нестора, «изгнав навсегда из его души последние малейшие остатки духа рабства и покорности любой власти».

Крестьянская группа анархо-коммунистов Гуляй-Поля действовала в тяжелых условиях, так как царские репрессии были в разгаре: во всей стране было введено чрезвычайное положение, свирепствовали военно-полевые суды, карательные отряды расстреливали «предполагаемых» зачинщиков бунта. В Гуляй-Поле на всякий случай стоял отряд донских казаков, который проводил ничем не оправданные репрессии против мирных жителей. Анатолий Гак описывал увиденную им сцену, когда два донских казака ввели с саблями наголо сельского учителя, а третий сзади бил его прикладом винтовки, приговаривая при каждом ударе «Вот тебе, сволочь, за твою революцию!263».

Несмотря на эту обстановку, гуляйпольская группа анархистов собиралась регулярно, по крайней мере, раз в неделю, иногда чаще, в количестве от десяти до пятнадцати членов. Махно вспоминает с грустью эти собрания. «Эти ночи (мы собирались чаще всего ночью) были для меня полны света и радости, мы крестьяне, знавшие так мало, собирались: зимой в хате у одного из нас, летом в поле, около пруда, на зеленой траве; или же, время от времени, среди дня, как гулявшая молодежь. Мы собирались, чтобы обсудить вопросы, которые нас интересовали».

С этого момента, Нестор с головой ринулся в борьбу за социальную революцию.

Глава IV. От борьбы к терроризму

Нестор прошел вначале шестимесячный стаж в кружке по изучению анархизма и лишь затем, хорошо усвоив идеи и цели анархического коммунизма, стал полноправным членом гуляйпольской группы. В это время он работал литейщиком на заводе Кернера. Группа пропагандировала с определенным успехом анархистские идеи среди крестьян района, издавала и распространяла листовки, она также ответила прямыми действиями на правительственный террор, подобно другим анархистам Русской империи, которые объявили «Черный террор» против царизма.

Чтобы раздобыть средства на осуществление своей деятельности, группа решила провести «экспроприации»²⁷¹, как местных богачей, так и в окрестностях. Обвинительный акт, составленный прокурором одесского военно-полевого суда во время процесса над группой гуляйпольских коммунистов-анархистов, содержит перечисление следующих фактов:

- 5 сентября 1906 в Гуляй-Поле группа в составе трех человек, вооруженных револьверами, вымазав сажей лица, осуществила нападение на дом купца Плещинера.
- 10 октября новое нападение, в Гуляй-Поле, на другого купца, Брука, в составе четырех человек, с бумажными масками на лицах которые потребовали, угрожая револьверами и бомбами, 500 рублей в пользу «голодающих».
- Немного позже, третье нападение на богатого местного заводчика, Кернера, осуществленное четверьмя человеками, тогда как трое других стояли на чеку.
- В августе 1907, в ближнем селе Гайур, четвертое нападение, еще раз на купца, Гуревича, сделанное четверьмя налетчиками в солнцезащитных очках.
- 19 октября 1907 нападение на почтовую карету; убиты жандарм и служащий.
- В 1908, три других нападения, все на купцов²⁸².

Добытые таким образом деньги пошли на развитие пропаганды и на закупку в Вене оружия и бомб через посредничество Владимира Антони. Группа поддерживала, кроме того, связи с екатеринославской, александровской группами и некоторыми московскими.

Другой аспект «Черного террора» состоял в поджоге имений и имущества крупных помещиков региона в ответ на столыпинскую реформу, имевшую целью распустить общинные собрания, громады, с тем, чтобы способствовать образованию новой прослойки зажиточных крестьян, на которую рассчитывали как на новую опору режима.

Все эти акты взбудоражили жандармов региона. Местному «Шерлоку Холмсу» (по выражению Новополина), комиссару полиции Караченцеву, собрав информацию от стукачей и получив отдельные сведения путем «допросов с пристрастием» свидетелей, удалось установить некоторых участников нападений, хотя за неимением доказательств он не мог их немедленно арестовать. Нестор был схвачен в сентябре 1907 при странных обстоятельствах: его друг эсер Маковский попросил одолжить ему свой револьвер под предлогом мести начальнику жандармов, который его недавно избил. На самом деле Маковский воспользовался оружием, чтобы решить любовную проблему со своей невестой: он выстрелил в нее дважды, потом разрядил оставшиеся патроны в себя! Махно, присутствовавший при этой сцене, не успел помешать этому неожиданному акту и попытался помочь раненым. Эта участливость его и погубила: он был схвачен на месте полицией. Несколько дней спустя Антони, который попытался с ним связаться через охранника, был также арестован.

Напрасно пытались «раскрутить» Махно и Антони, ничего не помогло, из них нельзя было выколлотить ни малейшего признания. Караченцев заявил по этому поводу начальнику местной почты:

«Я никогда еще не видел людей такой закалки. У меня достаточно доказательств, чтобы утверждать, что они опасные анархисты... Хотя я немного заставил пострадать их плоть, я ничего от них не добился. Махно, когда на него посмотришь, выглядит глупым крестьянином, но у меня есть очень убедительные свидетельства для вывода о том, что стрелял по жандармам 26 августа 1907 именно он. Так вот, я сделал все что мог, чтобы получить его признания, и никакого результата. Напротив, он привел мне факты, – которые я проверил и вынужден был признать их точность – показывающие, что он даже не был в тот день в Гуляй-Поле... Что касается второго, Антони, когда я его допросил, беспощадно избивая, он посмел мне заявить: «Ты, сволочь, никогда ничего не добьешься от меня!»... А я ведь показал ему, что такое "качели"».

Несмотря на неубедительность выдвинутых против них обвинений, Антони был отпущен только через месяц, а Махно через десять месяцев; этим долгим сроком в возрасте 18 лет Нестор Махно начал свои продолжительные пребывания в тюрьмах.

Парадоксально, что именно один гуляйпольский заводчик, некто Вичлинский, внеся залог в 2000 рублей, помог ему выйти на свободу. Поскольку остальные боевики группы находились на нелегальном положении, было решено, что Махно будет придерживаться «примерного поведения», то есть останется на легальном положении. Он нанялся, таким образом, в красивую мастерскую, но продолжает активную борьбу, организовав учебный анархистский кружок для двадцати пяти молодых крестьян в Бочанах, окраины Гуляй-Поля. На еженедельных собраниях он читает и объясняет вместе с ними основополагающие тексты анархистского учения.

Их анархистская группа обнаружила двух "шпионов", проникших в ее ряды, Гуру и Кушнера, и сразу же их казнила, потом было решено провести общее собрание, чтобы прояснить ситуацию, так как возникло подозрение, что один из членов, Иван Левадный, имеет связь с полицией. Подозрения подтвердились, когда к концу собрания дом, в котором оно

происходило, был окружен эскадроном донских казаков и членами местной охраны²⁹³, Левадный предложил сдаться, его предательство было очевидным, но все решили сопротивляться и сражаться. Благодаря отважной вылазке под покровом ночи им удалось проложить себе дорогу выстрелами из револьверов, убив при этом Лепетченко, заместителя начальника местной полиции, нескольких казаков и сыщиков.

Во время боя, Прокоп Семенюта, основавший группу вместе с Антони, был ранен в ногу: его брат Александр выносил его на спине, но, увидев приближавшихся преследователей, Прокоп решил остаться, чтобы их задержать. Когда у него осталась последняя пуля, он застрелился.

Чтобы отомстить за смерть брата, Александр Семенюта, вместе с Махно и Филиппом Онищенко, решили, ни мало, ни много как убить губернатора, который должен был лично прибыть в Гуляй-Поле, чтобы увидеть на месте эти беспорядки. Этот сенсационный план провалился, поскольку молодым людям не позволили приблизиться к губернатору, который пожелал обратиться лишь к отцам семейств и поделиться с ними своим возмущением по поводу присутствия террористов в их селе.

Это не помешало Махно предложить взорвать местное отделение охраны при помощи двух бомб – в 9 и 14 фунтов, предназначенных вначале губернатору. Заговорщики готовы были пожертвовать собственной жизнью. Только случай помешал им довести до конца намеченное: они натолкнулись на казацкий патруль, который хотел проверить их документы, еще раз им удалось уйти, прикрываясь огнем из револьверов. Однако Онищенко был схвачен у себя дома, а Махно вскоре также арестовали. Этот арест, вероятно, спас ему жизнь, так как Нестор намеревался вернуться через несколько часов, чтобы возобновить попытку взрыва.

Оказалось, что группа была выдана в полном составе, вначале из-за неосторожной болтовни Назара Зуйченко, близкого друга Нестора, с «подсадной уткой» Яковом Брином, сидевшем вместе с ним в Екатеринославе, затем из-за «признаний» Левадного и Альтгаузена. После активных допросов Караченцева, Зуйченко подтвердил свои признания с множеством деталей и мотивировал свои поступки и действия группы чисто политическими целями, продиктованными идеей «свободы народа»³⁰⁴. Всего было арестовано шестнадцать членов группы. Только Антони и Александр Семенюта ушли от облавы и нашли прибежище сначала во Франции, затем в Бельгии.

По словам Левадного, Махно считался «одним из самых опасных террористов в группе, после братьев Прокопа и Александра Семенют». Сначала его обвинили во многих экспроприациях и убийствах жандармов: однако, за неимением доказательств и признаний, против него остались только некоторые из этих обвинений.

Все обвиняемые были переведены в Александровскую тюрьму. Следствие длилось более года. В промежутке Александр Семенюта, который не терял контакта со своими, отправил письмо с личными поздравлениями Караченцеву:

*Село Гуляй-Поле, Екатеринославской губернии, волостное правление, получить Караченцеву, чорту рябому. Господин пристав, я слышал, что вы меня очень разыскиваете и желаете видеть. Если это верно, то прошу пожаловать в Бельгию, здесь свобода слова и можно свободно поговорить. Подпись: Александр Семенюта, анархист Гуляй-Поля.*³¹⁵

Поступая так, Семенюта вводил полицию в заблуждение, так как он вернулся в Украину, чтобы организовать бегство Махно и его товарищей. Прежде всего, он решил свести счеты с Караченцевым, «Шерлоком Холмсом», который был причиной ареста всей группы. Полицейский был большим любителем театра, и ни о чем не подозревая, поскольку считал, что Семенюта находится за тысячу миль отсюда, в один осенний вечер 1909 г. спокойно пошел посмотреть театральную пьесу, развлечение очень ценимое на Украине. Семенюта следил за ним, сел на три ряда дальше, с двумя заряженными револьверами в кармане, но не осмелился выстрелить, так как боялся попасть в невинных жертв среди зрителей. Он спрятался за деревом у выхода из театра, застиг Караченцева врасплох и убил наповал тремя пулями. В Екатеринославе Александр Семенюта казнил еще одного офицера жандармерии, который особо отличился во время репрессий, потом занялся планом бегства Махно.

Все было готово к 5 января 1910 года, к моменту перевозки заключенных из Александровска в Екатеринослав. С оставшимися на свободе местными анархистами Семенюта, переодевшись в крестьянскую одежду: большой бараний кожух и папаху, ожидал на Александровском вокзале; товарищи поджидали поблизости с санями наготове. Все было хорошо, как вдруг сообщили, что поезд попал в метель и опаздывает. Тогда Семенюте пришлось зайти в зал ожидания, где, несмотря на переодевание, его узнал Альтгаузен, член группы, ставший доносчиком, и, испугавшись покушения на свою жизнь, поднял на ноги охрану. Этот прецедент провалил план бегства, но бесстрашному Семенюте удалось еще раз бежать с револьверами в каждой руке.

Когда власти узнали о его возвращении в Украину, у них не было сомнений в том, что он является организатором многих и громких покушений и обещали крупную сумму за его поимку, живого или мертвого, объявленного врагом общества № 1. На протяжении многих месяцев он расстраивал планы розысков, предпринимавшихся против него, но конец его, однако, был трагичен, из-за ностальгии по родному краю, можно бы сказать. Действительно, он вернулся в сопровождении молодой анархистки Марфы Пивень, в Гуляй-Поле к 1 мая 1910 г. Один из братьев Махно радушно предоставил ему дом, а сам ушел спать к матери.

О присутствии Семенюты немедленно доложил местной полиции, – как оказалось в результате разбора архивов полиции в 1917 г., – Петр Шаровский, которому не терпелось получить вознаграждение. Полицейские окружили и обложили дом. Семенюта долго оборонялся, тогда полиция подожгла дом и предприняла штурм. Семенюту обнаружили мертвым – он пустил в себя последнюю пулю, его подруга была тяжело ранена.

Легко понять, что такой отважный и фанатически преданный делу Анархии борец мог оказать большое влияние на подростка Махно – уже достаточно решительного самого по себе, который будет об этом эмоционально вспоминать всю свою жизнь³²⁶.

В прямых террористических действиях гуляйпольской анархической группы не было ничего исключительного для 1906-1909 гг., так как царские репрессии были в разгаре, расстрелы и повешения становились все более частыми. Робкие реформы, на которые вынужден был пойти вначале Николай II, преисполненный значимости своей роли, были быстро аннулированы и предпочтение отдано силе. Поэтому все революционеры в Российской империи прибегали к такого рода действиям. Многие борцы за свободу, как Махно и Семенюта погибли в это время или в боях, или на эшафоте, были депортированы в Сибирь или же отправлены на каторгу. Немногие выжившие в этой героической борьбе не забудут самопожертвования своих товарищей и возьмут на себя труд напомнить о нем в 1917 году жандармам и полицейским самодержавия.

Члены гуляйпольской анархо-коммунистической группы были в большинстве своем молоды, не более двадцати пяти самым старшим, Махно был младше всех. В составленном против группы обвинительном акте шестнадцати обвиняемым инкриминировалось в первую очередь создание «незаконной подрывной организации», затем различные преступные действия: экспроприации, вооруженная борьба против властей.

По делу привлекались четырнадцать человек: Нестор Махно, братья Антон и Егор Бондаренко, Клим Кириченко, Филипп Чернявский, братья Филипп и Петр Онищенко. Иван Шевченко (осужден и повешен до общего процесса), Мартынова и Заболодский (украинцы), затем Ефим Орлов (русский) – все крестьяне, Наум Альтхаузен, Лейба Горелик (евреи) и Казимир Лисовский (поляк) – мещане.

Отметим попутно разное национальное происхождение членов группы (как указано выше для каждого из них), которое достаточно хорошо отражает различия в местном населении и свидетельствует, также, достаточно интернациональный характер деятельности группы.

Очевидно, что число членов группы было более значительным; остальные или были в бегах, или же не оказались среди обвиняемых за неимением доказательств против них.

Обвиняемых, фамилий которых нет в обвинительном акте, было двое: Левадный (украинец), который по официальной версии умер от тифа в тюремной больнице, а согласно утверждению Махно, был задушен за предательство анархистом, лежавшим вместе с ним в лазарете; другой боевик группы, очень близкий к Махно, Кшива (еврей), обвиненный в убийстве агента провокатора Кушнера и повешенный 17 июня 1909.

Назар Зуйченко (украинец), «болтовня» которого стала причиной обнаружения группы, заболел острой формой тифа и не мог быть осужден вместе с остальными (это была, несомненно, хитрость со стороны властей, которые не хотели компрометировать своего информатора).

Владимир Антони, укрывавшийся в Бельгии, вскоре эмигрировал в Южную Америку, стал «советским патриотом» и вернулся на Украину только через полвека, после скитаний в Аргентине, Бразилии, Уругвае, чтобы строить, как он считал, «коммунизм». Остальные члены группы, которые ускользнули от царских ищеек, на время притихли, но постепенно возобновили организационную и пропагандистскую работу в районе Гуляй-Поля, продолжая,

таким образом, деятельность погибших и заключенных в тюрьму товарищей.

Глава V. На каторге

Суд по делу гуляйпольской анархистской группы состоялся в марте 1910 года в Екатеринославе. Здание суда было окружено множеством жандармов и солдат, так боялись, несмотря, на всемерные предосторожности, вооруженного нападения Александра Семенюты, и его товарищей, чтобы освободить Махно и других заключенных. Охрана получила приказ при малейшей атаке извне убить обвиняемых на месте.

Один местный начальник, посетив обвиняемых в тюрьме, настоял на том, чтобы его представили Махно и, рассмотрев его, потом заявил начальнику охраны: «Внешне этот Махно выглядит безобидным... Однако, говорят, что он очень опасен...».

После пяти дней процесса, 26 марта 1910 года, вынесли приговор: Мартынова, Лисовский, Заблудский осуждены к шести годам каторжных работ; Кириченко, Егор Бондаренко, Орлов, Альтхаузен и Махно были осуждены вначале – за создание преступной организации к пятнадцати годам каторжных работ, а затем – к смертной казни через повешение за террористические акты и «экспроприации».

Адвокат предложил осужденным подписать прошение о помиловании. Все, кроме Альтхаузена, презрительно отказались. Махно заявил своему защитнику: «Мы не намереваемся ничего просить у этого мерзавца царя... Эти сволочи нас осудили на смерть, пусть они нас и повесят!»

Нестора с товарищами перевели в специальную камеру для смертников. Ее стены, покрытые надписями тех, кто томился до них в этом преддверии смерти, вдохновили Махно на несколько патетических строк в воспоминаниях:

Попав в подобную камеру, чувствуешь себя уже одной ногой в могиле. Такое ощущение, что судорожно удерживаешься на поверхности земли только кончиками пальцев. Думаешь тогда о всех тех, кто еще на свободе сохраняет веру и надежду, рассчитывает сделать еще что-то хорошее и полезное для борьбы за лучшую жизнь.

Принеся себя в жертву этому будущему, чувствуешь особую пронзительную боль, глубокую и очень искреннюю, к товарищам по борьбе. Они кажутся такими близкими, такими дорогими! Желаешь им от всего сердца сохранить до конца веру и надежду, нести до последнего любовь к угнетенным, ненависть к угнетателям...

У всех двенадцати осужденных в камере оставалась одна-единственная забота – навязчивая мысль о близкой казни, и они стараются мужественно готовиться к ней.

Егор Бондаренко, один из самых близких товарищей, предсказал Махно самое активное революционное будущее:

Послушай, Нестор! У тебя есть шанс, что казнь заменят на каторжные работы. Потом наступит революция и освободит тебя. Я убежден, что, вернувшись на свободу, ты поднимешь черный флаг Анархии, который у нас вырвали наши враги... Ты у них его отнимешь и подымешь его гордо и высоко... Я предчувствую это, я видел тебя в деле, ты не дрожишь перед палачами.

Бондаренко хотел, чтобы Махно пообещал взять на себя эту ответственность. Но Нестор при поддержке двух других товарищей, Орлова и Кириченко, заметил, что он, с одной стороны, слишком слаб физически, а с другой, не обладает достаточным умом. Бондаренко ответил: чтобы сохранить веру и внутреннюю силу, вовсе не нужна большая физическая сила или исключительные умственные способности, достаточно показать большую волю и глубокую преданность делу.

Однажды ночью, когда пришли за Кириченко и Бондаренко, чтобы их повесить, первый из них покончил с собой, проглотив стрихнин, второй, прежде чем пойти к палачу, понимая, что Махно избежит виселицы, кратко с ним попрощался: «Нестор, брат мой, ты останешься жить... Я умру, не проявив слабости... Я знаю, что ты выйдешь на свободу». Они по-братски обнялись, и Егор Бондаренко направился твердым шагом к своим палачам: его предсмертное предсказание еще более укрепило в Махно, если в этом была потребность, волю и решительность, необходимые для того, чтобы сдержать обещание.

После пятидесяти двух дней тяжелого ожидания Махно действительно узнал, что ему и его товарищу Орлову казнь заменена пожизненными каторжными работами³³¹ из-за их юного возраста в момент осуществления преступлений. Возможно сыграло роль его непоколебимое поведение на протяжении всего следствия, во время которого Нестор систематически отрицал все выдвинутые против него обвинения.

Вследствие пережитого Махно, физически ослабевший, заболел тифом. Он провел два месяца в тюремной больнице, оставаясь в обмороке на протяжении многих дней. Врачи поставили на нем крест и перевели его в палату для умирающих. Ему удалось выкарабкаться из этого положения, и он нашел даже силы, чтобы протестовать против проводимого врачами лечения. Уточним, что в то время в тюрьме и на каторге, каждый считавшийся опасным заключенный носил на руках и на ногах кандалы в принципе днем и ночью, и некоторые заключенные, специалисты в искусстве взламывания замков, помогали своим сокамерникам от них на время избавиться. Ему пришлось носить эти цепи на протяжении всего заключения, то есть более восьми лет, так что после освобождения ему понадобилось некоторое время, чтобы заново научиться ходить нормально, не теряя равновесия!

Махно был переведен затем в Луганскую тюрьму, где он провел в заключении около года, в крайне суровых условиях; некоторые не выдерживали и кончали самоубийством, другим удавалось выдержать только благодаря надежде на побег или на близкую революцию, которая освободила бы их. К нему на свидание приезжали мать и брат Григорий, от них Нестор узнал о смерти Александра Семенюты.

Его снова вернули в Екатеринослав и после пребывания на протяжении пяти с половиной месяцев в Екатеринославской тюрьме, 2 августа 1911 г. его отправили в московскую тюрьму, печально известные Бутырки. Посмотрев его дело, начальник отделения каторжников многообещающе заметил: «Здесь ты больше не будешь баловаться побегом!», намекая на все провалившиеся попытки, задуманные с сокамерниками в предыдущих тюрьмах. Для подкрепления этой угрозы с него сняли наручники и заковали в цепи, потом его отправили на неделю в карантин. Только затем он познакомился со своим новым жильем.

В этой каторжной тюрьме было собрано большинство политических заключенных разных направлений, считавшихся самыми опасными или важными – всего около трех тысяч узников, за которыми присматривали несколько сот тюремщиков или «двуногих псов», как их называл Махно. Однако, настоящей удачей для него было наличие исключительной коллективной библиотеки, собранной каторжниками. Благодаря ей, он смог пополнить свои знания по истории и литературе; он проглатывал все жадностью: учебник русской истории Ключевского, произведения Белинского, Лермонтова и даже Льва Шестова. Он знакомится также с основными документами и программами различных революционных групп – эсеров, социал-демократов и разных течений в них. Он читает также анархистскую литературу, книгу Кропоткина «Взаимная помощь» он полюбил с первого взгляда и больше с ней не расставался.

Соппротивление издевательствам со стороны надзирателей стоило Нестору долгих пребываний в карцере, и он заболел острой пневмонией. Его госпитализировали, а через три месяца диагностировали туберкулез легких. Он провел восемь месяцев в больнице и, благодаря хорошо организованной помощи политическим узникам, ему удалось поправиться; однако на протяжении всего заключения с этих пор его помещают на два-три месяца в год в больницу.

Именно там, в Бутырках, Махно встретил известного анархистского активиста Пет-ра Аршинова (Марина), с которым его связала крепкая дружба, длившаяся более двадцати лет. Он заметил, между прочим, разницу в отношении со стороны администрации к интеллектуальным и политическим «знаменитостям», с одной стороны, и к простым рабочим и крестьянам, с другой, и, одновременно, отношение первых ко вторым. Тогда как простых рабочих и крестьян часто били, интеллигенты охотно пожимали руку виновникам такого плохого обращения, также они без труда получали привилегию не носить постоянно кандалы, работали в более легких и интересных мастерских и, что особенно важно – держали в своих руках контроль над внутренним управлением заключенных; это означало, что вся внешняя помощь проходила через их руки и они ее распределяли по своему усмотрению. Махно, таким образом, окончательно понял, что «такова психология интеллигентов, которые ищут в социалистической идее и в участии в борьбе только средство, чтобы утвердиться как хозяева и руководители. Эти господа доходят до того, что больше не понимают, что недопустимо пожимать руку, делать подарки, предметами и деньгами, палачам, которые, положив подарок в карман, уходят, чтобы избивать товарищей по идее, тех, кто их только что дружески приветствовал». Так что Махно с тех пор не питал никакого уважения к «выдающимся политическим личностям», какой бы ориентации они ни были, и начал ставить под сомнение их роль.

Шли годы, наполненные неосуществленными планами бегства, долгими и пылки-ми политическими дискуссиями и обильным чтением. В этом закрытом сосуде темпера-мент Нестора разгорелся, он строил фантастические планы борьбы против государства. Так, в 1912 году он пишет свое первое произведение – революционный стих, страстный и пламенный, призывающий эксплуатируемых к бунту против эксплуататоров, против властей, против всех угнетателей.

Призыв

*Восстанемте, братья, и с нами народ,
Под знаменем черным восстанет вперед.
И смело под пулями ринемся в бой:
За веру в коммуну, как верный наш строй.
Разрушим все троны и власть капитала,
Сорвем все порфиры с золотого металла.
Не станем мы чтить, а кровавой борьбой*

*Зачем нам власть и все их законы –
Мы долго страдали под гнетом цепей,
В петле и по тюрьмам, в руках палачей.
Время восстать и сплотиться в ряды:
Под черное знамя великой борьбы!
Довольно служить нам тиранам машиной,
Ведь все это служит великой им силой.
Восстанем же, братья, рабочий народ:
И всех их сотрем мы, как хищников род.
Ответим тиранам за ложный их строй.
Мы вольные рабочие, мы воли полны.
Да здравствует Свобода, братья, коммуны!
Смерть всем тиранам тюрьмы.
Восстанем же, братья, под звуки сигналов,
Под знаменем черным на всех их тиранов.
Разрушим же власти и подлый их строй,
Который толкает в кровавый нас бой!³⁴²*

Этот проникновенный призыв к восстанию хорошо отражает непокорный характер Махно в возрасте двадцати трех лет, характер, который не изменится и в будущем. Тюрьма, жестокое обращение, каторга – ничто не смогло сломить раскаленную добела волю молодого революционера. Он утвердился в своих убеждениях, вспоминал рассказы матери, запомнившиеся с детства о былой жизни свободных общин запорожских казаков. Он не подозревал еще, что «вскоре наступит день, когда он почувствует себя их прямым потомком и будет вдохновляться этим, чтобы вложить свой вклад в свободное возрождение своей страны».

Хотя Махно оставался противником всякого национального сепаратизма, он интересовался идеями своих украинских соотечественников. Война 1914 года разделила узников на два

лагеря: патриотов и интернационалистов. Махно, естественно, примкнул к последним, несмотря на позицию Кропоткина, поддерживавшего союз западных стран. Он констатировал все больше и больше вредность любой государственной системы и патриотические и шовинистические заблуждения, которые она влечет за собой.

Наконец, в феврале 1917 года грянула революция, открылись ворота тюрем, однако не без трудностей, поскольку некоторые новые ответственные работники хотели просеять заключенных, якобы, отделяя «уголовников» от «политических». Махно, избавившийся от кандалов, еще нетвердо стоял на ногах некоторое время, настолько он потерял чувство равновесия из-за цепей, ставших привычными за восемь лет. Он зарегистрировался в городском совете Москвы, затем с бумагой, удостоверяющей его личность в соответствии с законом, нашел приют в бывшем госпитале. Ему посоветовали поехать лечить больные легкие в Крым. Однако он интуитивно чувствовал, что «только буря сможет его вылечить», и у него была единственная забота – броситься всем существом в революционный ураган. Он устанавливает связи с московскими анархистскими активистами и принимает вместе с ними участие во всерусской манифестации трудящихся.

Сначала он намеревался окончательно устроиться в Москве и только по настоянию матери и товарищей по гуляйпольской анархистской коммунистической группе, которые засыпали его телеграммами, он решил вернуться на родину. То, что он не спешил возвращаться в родные места внешне парадоксально, но объясняется ожиданием решающих событий в Москве. Как бы там ни было, он сел в поезд и после двухдневного путешествия встретился со своими близкими.

Глава VI. Социальная революция в Гуляй-Поле

После девятилетнего отсутствия Махно вдыхал родной воздух с понятным волнением. Теперь ему было двадцать семь с половиной лет, и лучшие годы молодости были потеряны в тюремных камерах и каменных подвальных мешках ненавистного царизма. Он должен взять реванш за свою жизнь, но это был уже опытный боец и только действие могло утолить его жажду социальной практики.

Вначале он отправился к матери: ей было семьдесят лет, и она ему показалась постаревшей не по возрасту и согнувшейся. Он увидел своих старших братьев Савву и Емельяна; остальные братья за это время обосновались отдельно, были мобилизованы на фронт.

Он встретился с оставшимися в живых членами гуляйпольской анархистской коммунистической группы, узнал о судьбе своих старых товарищей, познакомился с новыми и молодыми членами группы, главная деятельность которых состояла в подпольном распространении листовок. Многие крестьяне и крестьянки пришли поприветствовать «восставшего из мертвых», как его называли, что позволило ему осознать их готовность воспринимать анархистские идеи. Это прощупывание пульса переполнило Махно удовлетворением, и он собрал вместе с товарищами по группе импровизированное собрание. Он им изложил свой анализ ситуации: не дожидаясь, пока анархистское движение вновь обретет силы по всей стране и начнет организовываться, анархисты должны быть во главе революционного действия. Его активность натолкнулась на противодействие со стороны некоторых традиционных членов анархистского движения, которые проповедовали пропагандистские действия в среде трудящихся, направленные исключительно на их ознакомление с анархистскими теориями. Махно и его друзья оказались в группе в меньшинстве; но это не имело решающего значения, поскольку, ни в коем случае, он не мог удовлетвориться такой пассивной тактикой, и в нем кипело желание действовать, сдерживаемое на протяжении стольких лет. Уже на следующий день после своего возвращения он берет инициативу в свои руки и предлагает местным крестьянам избрать делегатов и создать Союз крестьян Гуляй-Поля. Несколько дней спустя, 29 марта 1917 г., Союз создан; он представлял большинство крестьян общины и в последующие дни к нему присоединились крестьяне уезда, затем всей губернии. Вслед за ними рабочие металлургической и деревообрабатывающей промышленности организуют свои комитеты; создана также касса взаимопомощи. Зараженные радикальными и полными энтузиазма речами Махно, все они избирают его своим председателем, несмотря на его возражения.

Хотя это было нарушением по отношению к анархистскому учению, не позволявшему осуществлять никакую официальную власть, Махно принимает все ответственные посты, которые хотели на него возложить, и успевает всюду сразу, в комитетах, в анархистской

группе; он ездит также по ближайшим селам. Он предпринимает также по настоятельной просьбе других революционных активистов, попытку разобрать архивы местной полиции. Из них он узнал, что бывший член группы Петр Шаровский выдал Александра Семенюту, чтобы получить вознаграждение в 2000 рублей, обещанное за его поимку; но жадность приятеля не была полностью удовлетворена, поскольку он получил, по данным архива, всего 500 рублей! Нестор понял, почему его бывший друг так и не появился со времени его возвращения³⁵¹.

Когда его избрали еще и председателем комитета общины, Махно отказался, так как, с одной стороны, он не знал об отношении анархистов в национальном масштабе к этим выборам, а, с другой стороны, он согласился быть председателем других комитетов только, чтобы уменьшить авторитет этих комитетов и помешать, чтобы представители других политических партий были избраны вместо него. Если бы им удалось овладеть волей трудящихся, считал он, они «непременно убили бы всякую творческую инициативу в революционном движении³⁶²». Таким образом, если он занимал такие ответственные посты, то только временно, чтобы быть хорошо осведомленным в действиях официальных властей и приучить трудящихся обходиться без «опекунов» и научиться вести дела самостоятельно.

Впрочем, Махно «летает» туда-сюда, и когда работа этих комитетов налаживается, передает свой пост кому-нибудь из верных товарищей, не теряя из виду эти дела.

Благодаря своей неутомимой деятельности Махно избран делегатом на районный крестьянский съезд в Александровске. По его предложению было принято решение о передаче земель помещиков крестьянским общинам, без какой-либо компенсации, к большому сожалению социал-демократов и кадетов, сторонников выкупа.

Его призывы к коллективизации земель, заводов и мастерских вызвали большой отклик, многие приезжали издалека, чтобы проконсультироваться с ним и следовать его примеру. Даже анархисты крупных городов, узнав о его успехах, обращаются к нему с просьбой приехать, чтобы помочь в их деятельности.

Но главным для него было Гуляй-Поле и там, постоянно востребованный, он никогда не уклоняется от работы. Приведем в качестве примера забастовку рабочих сельской общины, в которой он был избран председателем профсоюза. Когда рабочие попросили его взять на себя руководство забастовкой, он согласился, потому что его к этому обязывал занимаемый пост, а, с другой стороны, потому что он надеялся привлечь к анархо-коммунистической группе самых боевых рабочих.

Прежде чем начать стачку рабочие на общем собрании попросили его выработать и представить хозяевам их требования. После долгой общей дискуссии он собрал хозяев и потребовал увеличения заработной платы от 80 до 100% под угрозой немедленной всеобщей забастовки. Разъяренные хозяева отказались; он дал им день на размышления; они вернулись на следующий день и предложили от 35 до 40%. Махно ответил, что «рассматривает это предложение как прямое оскорбление» и предложил им подумать еще один день. За это время он договорился с заводскими комитетами и представителями

мастерских об одновременном объявлении забастовки во всех местах в случае, если хозяева еще раз отклонят их условия. Он даже предложил рабочим произвести немедленную экспроприацию всех капиталов, имевшихся на предприятиях и в банке Гуляй-Поля, чтобы окончательно обезоружить местную буржуазию и предупредить возможные действия властей против забастовщиков; все это пока рабочие сами не установят действительный контроль над предприятиями. Рабочие решили отложить на будущее осуществление этого последнего плана, поскольку они считали себя еще недостаточно готовыми и предпочитали объединить экспроприацию предприятий с экспроприацией земель помещиков.

На следующий день хозяева вернулись и после мелочных споров, длившихся два часа, они предложили несколько большее повышение зарплаты, но все же меньшее, чем требовали рабочие, в надежде достигнуть компромисса. Тогда Махно им объявил, что переговоры прерываются, и закрыл заседание. В этот момент, Кегнер, самый богатый из предпринимателей, бывший хозяин Нестора и его отца Ивана, который почувствовал, как старый лис, что дело может плохо кончиться, сказал с предупредительностью: «Нестор Иванович, Вы поспешили закрыть наше собрание. Я считаю, что требование рабочих вполне правильно. Они имеют право на то, чтобы мы его удовлетворили, и я подпишу свое согласие на это».

Волей-неволей, другие хозяева пошли за своим направляющим, и протокол о согласии был подписан. «С этого времени рабочие в Гуляй-Поле и в районе подготовились и взяли все предприятия, в которых работали, под свой строго организованный контроль, изучая хозяйственно-административную сторону дела, начали готовиться к взятию этих общественных предприятий в свое непосредственное ведение».

Кроме того, Махно и его товарищи разоружили местную милицию, забрали у нее право на аресты и обыски и ограничили ее роль до уровня сельских посыльных. Он собрал затем всех помещиков, конфисковал их документы на владение землей и на этой основе провел точную опись земель. Именно тогда крестьяне района отказались отдавать обычную арендную плату этим землевладельцам, надеясь после сбора урожая взять в свои руки их землю, «без всяких разговоров с ними и властью, охраняющей их, и распределить землю между собой и желающими обрабатывать ее рабочими заводов и фабрик».

Видя все эти акции и их положительные результаты, Махно удивился слабому размаху анархистского движения на Украине и в России, хотя активистов было достаточно большое число – десятки тысяч, но, в конечном счете, они оказались пассивными перед лицом левых политических партий, если не в их хвосте. В действительности, большинство анархистов довольствовалось пропагандой идей и теорий среди трудового населения и организацией, параллельно с этим, коммун для совместной жизни и клубов. Махно очень сожалел о том, что они не пытаются организовать в мощное общерусское движение, способное выработать общую тактику и стратегию, чтобы непосредственно участвовать в движении революционных масс и таким образом влиять на ход событий и соединить жизнь и деятельность городов и сел. Именно этим путем, по его мнению, можно бы направить социальное движение в сторону анархического коммунизма.

Всю свою жизнь Махно будет сожалеть о постоянном отсутствии организованности у анархистов, имевшей, несмотря на их число и качества, негативные последствия: неспособность осуществлять конкретно и продолжительно свой план освобождения. Он даже будет объяснять за счет этого серьёзного недостатка поражение русской революции и анархистского движения.

Со своей стороны, Махно в этом 1917 году полон решимости и веры, готовой сдвинуть горы, он принимает участие в самых радикальных и самых отважных инициативах. 29 августа 1917 г. наступление генерала Корнилова на Петроград с целью свержения временного правительства социалиста Керенского и установления сильной власти ускорило события. В Гуляй-Поле в спешке создан Комитет защиты революции, Махно доверили быть его председателем. Поскольку одновременно он являлся председателем Союза крестьян, преобразованного в «совет», ему пришлось разрываться между этими двумя обязанностями. В ответ на попытку контрреволюции он предложил «разоружить всю местную буржуазию и упразднить ее права на народные богатства: земли, фабрики, заводы, типографию, театры, кинотеатры и другие публичные заведения», которые отныне будут находиться под коллективным контролем трудящихся. Комитет защиты принял его предложение, тем не менее, поскольку Керенскому удалось еще удержаться у власти, соотношение сил не позволяло осуществить принятые решения. Пока крестьяне довольствовались тем, что не платили больше арендную плату землевладельцам и взяли под свой контроль земли, скот и сельскохозяйственные орудия. Только несколько больших земельных владений коллективизировано, в них устроены коммуны, состоящие из безземельных семей и сходных мелких групп. Каждая коммуна объединяла около двухсот человек.

Рассмотрим более подробно коммуны, организованные лично Махно в бывших немецких колониях Нейфельд и Классен.

Эти анархистские коммуны были основаны на принципе равенства и солидарности всех членов, мужчин и женщин. Кухня и столовая у них были общие, однако, каждый сохранял возможность питаться отдельно, при условии, что вовремя об этом предупредит. Все поднимались рано и сразу после завтрака, принимались за работу. При необходимости отсутствовать, коммунар должен был предупредить ближайшего соседа с тем, чтобы его могли заменить. План работы устанавливался по согласию на общем собрании. Деятельность не сводилась только к сельскому хозяйству, была и ремесленная и даже был создан механический цех³⁷⁴.

Как член одной из этих коммун, Махно участвует дважды в неделю в работе: во время весеннего сева он помогает бороновать и сеять; остальное время он работает на ферме или же помогает механику на электростанции.

В это время он живет со своей подругой Настей.

Все участники считают эту совместную свободную жизнь «самой высокой формой социальной справедливости». Некоторые землевладельцы присоединяются к этой концепции и начинают сами обрабатывать землю. Действительно, бывшим хозяевам оставлен выбор: они могли участвовать на полностью равных правах в жизни и работах

коммуны.

Другой пример анархистской коммуны, организованной в том же районе, возле Корбино, по Днепру, описан Виктором Кравченко, будущим сенсационным перебежчиком³⁸⁵. Его отец был одним из создателей этой коммуны, получившей название «Набат». Она объединила около ста рабочих семей прибывших из Екатеринослава и устроившихся в центральной части великолепного имения, включавшего двести гектаров пашни, сады, а также помещичий дом и пристройки флигеля. Отец Виктора Кравченко отказался вступить в коммунистическую партию, так как «не чувствовал никакого влечения к диктатуре и террору, по его откровенному признанию, даже если они завернуты в складки красного знамени», поэтому он хотел «оставаться свободным и продолжать бороться в одиночестве за лучший мир³⁹⁶». Это обустройство прошло в согласии с местными крестьянами, разделившими между собой остальные земли имения:

Местный совет, поддерживая его инициативу, разделил землю и предоставил корма и необходимый скот, чтобы дополнить то, что осталось от ресурсов старого имения.

В городах из-за нехватки сырья почти полностью остановилась промышленность, а снабжение продуктами снизилось до такого уровня, что люди почти умирали от голода. Поэтому бегство поближе к земле, дававшей каждому шанс на спасение, было хорошо воспринято. Желание удовлетворить духовные потребности также побудило многочисленных сторонников присоединиться к нам. Многие действительно горели желанием применить в узких рамках коллективного хозяйства некоторые теории, об осуществлении которых они горячо мечтали на протяжении долгих лет революционной борьбы. Набат, – говорили они, – будет постоянно бить тревогу, чтобы напоминать о том идеале братства, который казался полностью забытым в сутолоке братоубийственной войны, в которой большевики при помощи ЧеКа осуществляли массовые аресты и расстреливали людей направо и налево под пустячными предлогами.

(...) Городские рабочие внесли в труд на земле свою энергию отчаяния. Конечно, они хотели прежде всего накормить свои семьи, но они хотели также оправдать те жертвы, которые принесли в прошлой борьбе за свое Дело. Местные крестьяне посмеивались над тружениками города, ставшими пахарями: Мы посмотрим, – говорили они, подмигивая, – как эти «коммунисты» будут пахать нашу землю!

Эти насмешки были по сути беззлобными: это были скорее знаки дружеского внимания. Многие крестьяне спешили дать нам советы и помочь при первой возможности. Они были далеки от того, чтобы сердиться за наш опыт и смотрели на это как добрые соседи с интересом полным симпатий. Не один раз, когда у нас было слишком много работы, они нам оказывали неоценимую помощь, и благодаря им, наш первый год стал успешным.⁴⁰⁷

Впоследствии эта коммуна будет разрушена, став жертвой событий. «Идиллическая мечта о кооперативном предприятии» завершится в раздорах и горечи и даже в «мрачном отчаянии», коммунары оставили ее один за другим.

Замечательной была также деятельность отдела снабжения гуляйпольского совета. Он установил контакт с текстильными фабриками Москвы и других городов с целью организовать с ними прямой обмен. Несмотря на препятствия со стороны центральной «новой власти», большевиков и левых эсеров, объединившихся в коалицию – ужасных государственников – которые не могли допустить обмен между городом и деревней без посредничества государственных органов, два груза были доставлены: с одной стороны, несколько вагонов пшеницы и муки, а, с другой, вагоны с тканями в соответствии с заказом отдела снабжения совета. Речь идет не просто об обмене товарами одинаковой ценности, то есть не прямых торговых отношениях, нет, это был обмен ценностями в переменном количестве, определяемом исключительно потребностями, сформулированными той и другой стороной.

Интересно также узнать, как осуществлялись отношения между разными комитетами коммуны и делегатами, которых они назначали. Не превращались ли они в бюрократов, ревностно оберегающих свои прерогативы, не контролируемых и не отвечающих ни перед кем, как это часто имело место в истории? Дело Леона Шнейдера может послужить отличным примером контроля, который хотели иметь комитеты над избираемыми или назначаемыми на ответственные посты. Речь идет о члене местной анархистской группы, избранном делегатом комитета рабочих металлургической и деревообрабатывающей промышленности в качестве их представителя в екатеринославский губернский совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. В его задачи входило следить за снабжением заводов и мельниц Гуляй-Поля железом, чугуном, углем и другим необходимым сырьем. Шнейдер, зараженный «бюрократической» атмосферой, запустил свою работу, и когда у него потребовали объяснений по поводу задержки или отсутствия снабжения, он ответил, что у него нет больше времени этим заниматься, что окружной совет дал ему другое поручение и попросил гуляйпольский комитет назначить другого представителя на его место. Тогда он получил телеграмму, предписывающую ему немедленно вернуться в Гуляй-Поле и отчитаться о своем мандате, в противном случае будут посланы два товарища, чтобы его привезти.

Обеспокоенный в большей степени своим основным местом, он вернулся, отчитался и был отправлен к своему станку на завод Кернера. Униженный, он отомстит при первой возможности, как мы это скоро увидим.

Что касается роли Махно, ее трудно определить в этот период, несмотря на все его поручения и его интенсивную деятельность, на него смотрят, как на какого-то советника № 1, то есть у него всегда спрашивают его точку зрения и мнение, но их далеко не всегда автоматически принимают, и в анархистской группе, где их оспаривают особенно молодые члены, и в совете, и в комитете защиты революции. Одним словом, на нем большая ответственность, но власть его мала. В этом он, конечно, последовательный анархист.

Тем временем на голубом небе революции сгущаются тяжелые тучи: прежде всего, состоялся Октябрьский большевистский переворот, к которому присоединились левые эсеры, целью которого было монополизировать власть, под предлогом установления власти советов; затем поднялись против большевиков донские казаки под предводительством атамана Каледина, а также украинские шовинисты, которые хотели выгнать вон кацапов и

особенно, пересмотреть социальные завоевания, осуществленные революционным крестьянством.

В этой ситуации, гуляйпольский совет решил прийти на помощь городу Александровску, которому угрожала война Центральной Рады, правительства сформированного украинскими националистами. Это решение поставило сложный вопрос перед местными анархистами, так как они должны были поддерживать там правительственные силы, которые, даже если они и были «левыми», оставались, тем не менее, потенциальным врагом автономии масс. Махно считал тогда: «Будучи анархистами, мы должны, несмотря на противоречия, решиться сформировать единый фронт с правительственными силами. Верные анархистским принципам, мы сможем преодолеть все эти трудности и, уничтожив черные силы реакции, мы расширим и углубим ход революции для наибольшего блага поработанного человечества».

4 января 1918 г. был сформирован отряд численностью восемьсот или девятьсот человек, триста из которых были членами гуляйпольской анархистской группы. Отряд возглавил старший брат Нестора Савва Махно, и они отправились поездом в Александровск, чтобы присоединиться к красногвардейцам, которыми командовал Богданов. Нестора там назначили членом революционного комитета города. Ему поручили руководить следственной комиссией по делам заключенных офицеров, обвиненных в заговоре против революции: генералов, полковников, начальников милиции...

К своему изумлению Махно обнаружил среди них бывшего прокурора, который занимался его делом в 1909 г. и посадил его в карцер, потому что он пожаловался на условия содержания. В свою очередь он отправил его в ту же камеру, в которой сидел тогда сам, предписав экс-прокурору те же условия содержания. Колесо крутится: вот ирония истории, которая должна бы всегда заставлять задуматься ответственных за все репрессии.

Нестор воспользовался своим положением, чтобы освободить рабочих и крестьян, брошенных в тюрьму еще при Керенском, которых большевики отказались выпустить из-за страха, как бы они не восстали также против них!

Именно в это время Нестор получил боевое крещение в столкновениях с донскими казаками, несколько полков которых возвращалось с фронта на поездах, чтобы присоединиться к Каледину. Получив сильный отпор, они сдались, их разоружили и отправили домой. После этой операции, гуляйпольский отряд вернулся к себе, прихватив дополнительное оружие.

Махно столкнулся с трудной проблемой финансирования деятельности совета коммуны. Разумеется, он мог бы получить любую сумму от революционного комитета Александровска, но в этом случае это означало бы признать его власть и тем самым – правительство Ленина, чего Махно не хотел ни за какие деньги. Тогда он предложил совету реквизировать 2 500 000 рублей у местного банка. Его предложение было принято единогласно. У банка потребовали эту сумму, именем революции для нужд совета; через несколько дней она была выплачена и по инициативе Махно распределена между учреждением для военных сирот и отделом снабжения совета, остальное потрачено на потребности революционного комитета.

Так на протяжении года гуляйпольская группа анархо-коммунистов под влиянием ненасытного Нестора и его многообразной деятельности в представительских органах трудового народа смогла завоевать новые социальные права и в силу этого разбудить радикальное революционное сознание в районе.

Глава VII. Приливы и отливы революции 1917 года

До сих пор мы следовали событиям, происходившим на юге Украины; чтобы лучше понять дальнейшее изложение, здесь следует кратко напомнить общую ситуацию в бывшей Русской империи.

Дни февральского бунта 1917 года, известного под именем Февральской революции⁴¹¹, положили конец династии Романовых, неспособной решить проблемы, поставленные модернизацией страны и ее вхождением в круг развитых наций. Мировая война 1914 года обнажила со всей жестокостью это бессилие. Русская армия под командованием генералов, занятых только собственным продвижением по службе – часто пропорционально числу их убитых солдат, плохо вооруженная и оснащенная как попало, понесла огромные потери – более девяти миллионов убитых и раненых, считая поляков, и не знала достоверно, почему она воюет. Официально целями были завоевание Константинополя и независимость воссоединенной Польши; в действительности, кулуарные интриги французского и английского империализма против Германии могли только вызвать равнодушие русской крестьянской массы, стремившейся к миру. К этому первейшему стремлению добавились требования многочисленных национальностей империи и особенно аграрной реформы, непоколебимо овладевшие крестьянством, составлявшим около 85% всего населения.

Временное революционное правительство, пришедшее на смену царю, чувствовало себя обязанным соблюдать соглашения с западными союзниками и продолжать войну все более непопулярную в стране. Что касается неотложных вопросов о национальностях и о земле, то они были отложены им до осуществления старой мечты русской демократии – избрания Учредительного собрания, которое, будучи облеченным всеми полномочиями, решило бы наилучшим образом все острые вопросы.

Это политическое топтание на месте и законодательный формализм вызвали первый бунт левых, восстание кронштадтских матросов, с неохотой поддержанное большевиками в июле 1917 г., затем попытку военного путча правых, в августе 1917 г., под руководством генерала Корнилова, главнокомандующего армией, который хотел восстановить дисциплину и продолжить войну до победы; обе попытки были без труда подавлены и только усилили власть Керенского, неискоренимого болтуна и «Картонного Робеспьера»⁴²². Он продолжал выжидать и потерял всяческое доверие, чем воспользовался Ленин, влияние которого постоянно усиливалось, так как он давал все больше демагогических обещаний массам.

Поскольку одинаковые причины имеют одинаковые следствия, «картонный домик» Керенского был опрокинут в свою очередь восстанием нескольких тысяч рабочих и балтийских матросов. Ленин воспользовался неожиданной удачей и подобрал власть, которая «валялась на улице» и спешно создал новое правительство, в этот раз «народных комиссаров».

Большевистский переворот был в целом благожелательно принят трудящимся населением. Действительно, лозунги, во имя которых он был совершен: «Вся власть советам!», «Землю крестьянам, заводы рабочим!», «За немедленный мир!» и «Национальную автономию всем народам империи», соответствовали как нельзя лучше чаяниям народа. Однако «хитрый Ленин» (термин Махно) воспользовался этими чаяниями с единственной целью закрепиться у власти; получив рычаги управления, он направит все свои усилия на укрепление своей хрупкой власти, так как, очевидно, советы и другие, заводские и солдатские комитеты были нужны только как фигуранты; все решения принимались без какой-либо консультации с их стороны, с многочисленными буферными решениями и декретами, состряпанными «новым рабоче-крестьянским правительством».

Между Россией и ее противниками установилось фактическое перемирие; солдатские комитеты попали под контроль большевиков, которые поспешили устранить вражески настроенных офицеров и генералов.

Тем не менее, Ленин и его сторонники не посмели помешать выборам в Учредительное собрание, которые должны были состояться в конце ноября, то есть через месяц после их государственного переворота. Эти выборы – единственные свободные выборы в истории России – принесли подавляющее большинство эсерам, более 60% голосов, тогда как большевики, даже набив своими бюллетенями урны в больших городах, которые были под их контролем, собрали только четверть голосов⁴³³. Это было ошеломляющее выражение недоверия. В принципе новое собрание, заседание которого было намечено на 5 января 1918 г., должно было взять в свои руки управление страной и сформировать правительство, представляющее совокупность граждан. Большевики продолжали между тем действовать, как будто ничего не случилось, позволили себе «временно» закрыть оппозиционные либеральные газеты, создали ЧеКа в начале декабря 1917 г. и прилагали усилия, чтобы заключить соглашение с так называемой левой фракцией эсеров, предлагая им несколько министерских постов и второстепенные места в правительстве. Это им удалось благодаря принятию в целом аграрной программы их союзников и декрету о немедленном обобществлении земли без возмещений и условий, взяв на себя, таким образом, функцию Учредительного собрания, которое должно было принять решение по этому вопросу. Эта мера была поддержана крестьянской массой, так как часто она узаконивала фактическое положение.

Поэтому роспуск Учредительного собрания 6 января 1918 г. на следующий день после первого заседания не вызвал немедленного возмущения в стране. Эсеры и их союзники социал-демократы (меньшевики), больше всего потеряв в этом деле, были убеждены, что их законность, в конце концов, победит и не сочли нужным прибегнуть к военной операции – а у них для этого были средства – против узурпаторов, не желая проливать «ни единой капли русской крови» (Чернов, эсер, председатель Учредительного собрания). Эта попытка

уклониться стала причиной пролития не только русской крови, но и всех других в невиданных доселе масштабах.

В этой неопределенной ситуации несколько наций осуществили свои чаянья: Финляндия, Польша, Грузия и Украина отделились и провозгласили себя независимыми странами. Казаки Дона, Кубани и Терека также хотели автономии и создания казаческой федерации.

Австро-немецкие войска, до сих пор выжидавшие, воспользовались ситуацией и в феврале 1918 г. начали мощное наступление. Они безудержно продвигались вперед, так как русская армия была демобилизована, красногвардейцы, более пригодные к стрельбе по безоружным гражданским, чем к боевым действиям против настоящих солдат⁴⁴⁴, не могли их остановить. Немцы продвинулись на расстояние 150 км от Петрограда, пройдя через балтийские страны, подписали мирный договор с Центральной Радой, правительством независимой Украины и угрожали большевистскому режиму полным крахом. Ленин настоятельно предлагал им переговоры, вначале без аннексий и контрибуций, затем в безвыходной ситуации, он принял без дискуссий все условия, навязанные теми, кто в апреле 1917 г. позволил ему вернуться в Россию в знаменитом «пломбированном вагоне». Он спешно добился одобрения договора центральным комитетом своей партии и 3 марта 1918 договор был подписан в Брест-Литовске. Он предусматривал разделение бывшей Русской империи, то есть официальное признание независимости Финляндии, Польши, Балтийских стран и Украины, что по площади составляло территорию в 780 000 км² с населением в 52 миллиона человек, все они попали под австро-германский протекторат.

Парадоксально, но эта ситуация была на руку Ленину, и операция оказалась благотворной для него: ему удалось заставить центральные империи признать свою власть, и, во всяком случае, он никоим образом не контролировал все отданные территории; напротив, эта капитуляция дала ему передышку, чтобы укрепить свою неустойчивую власть.

Для украинских революционеров это был настоящий удар ножом в спину. Их части должны были позволить себя разоружить или же уйти из страны и допустить, тем не менее, себя разоружить красногвардейцам, подчинявшимся Москве.

Австро-немцы ринулись на Украину, вели их местные союзники. С ними вернулись все бывшие крупные помещики, изгнанные в предыдущем году революционным крестьянством. Около миллиона австро-немецких солдат оккупировали территории, которые уступили в Брест-Литовске. Грабеж и репрессии оккупантов и украинской олигархии вызвали вскоре движение народного сопротивления; родились десятки отрядов местных повстанцев, которые преследовали вражеские войска, начав жестокую войну за национальное освобождение.

Махно вначале думал сопротивляться нашествию немецких и австро-венгерских войск, составлявших в целом несколько тысяч солдат, – в «Воспоминаниях» Махно называет по Украине цифру 600 000, хорошоэкипированных и укомплектованных. С этой целью он предложил создать в Гуляй-Поле несколько батальонов и рот, в общей сложности около 1500 добровольцев. Он рассчитывал присоединиться с этим отрядом к красногвардейцам и группам партизан, которые держали какое-то подобие фронта перед захватчиками. Ему

удалось вооружиться при помощи штаба украинских красновардейцев, он получил несколько вагонов, содержащих три тысячи винтовок, патроны и шесть пушек со снарядами. Город Александровск призвал гуляйпольских добровольцев к себе на помощь. Туда отправился батальон крестьян и отряд кавалерии, сформированный членами гуляйпольской анархо-коммунистической группы. В это время Махно был вызван в штаб командующим фронтом Егоровым. Пока Махно напрасно пытался к нему добраться, неразбериха стала еще большей, и он застрял на какой-то товарной станции. Там он узнал ошеломляющую новость о том, что Гуляй-Поле оккупировали немецкие войска.

Действительно, кучке сельских украинских шовинистов, воспользовавшейся отсутствием Махно и самых надежных войск района, ушедших на фронт, удалось подкупить роту, сформированную еврейской общиной села и с ее помощью арестовать, 15 и 16 апреля, оставшихся на месте членов совета, революционного комитета и анархистской группы. Совершив предательство, заговорщики призвали немцев.

Среди этих украинских шовинистов были собственники, жаждавшие заполучить обратно земли, конфискованные в пользу сельскохозяйственных коммун, что не удивительно; но среди них был также отвечавший за артиллерию Василий Шаровский, которого обманули. Самым тяжким ударом была роль, которую сыграла вооруженная еврейская рота села. Ее командир Тарановский (который, впрочем, станет позже последним начальником штаба махновского движения) отказался участвовать в заговоре; его заместитель, Леймонский заменил его с рвением и при поддержке членов роты – торговцев, которым пришлось страдать от анархистского коллективизма, обманутых демагогическими речами украинских шовинистов – провел аресты местных революционеров, а также разоружил при помощи хитрости анархистский отряд, вернувшийся с фронта.

Отягощающее обстоятельство, Лев Шнейдер, делегат, призванный к порядку давшими ему мандат, сыграл во все этом чрезвычайно активную роль, разгромив помещение группы анархо-коммунистов и растоптав даже портреты Бакунина, Кропоткина и Александра Семенюты.

Новость повергла в отчаяние Махно; он был удручен тем, что кучка заговорщиков – несколько десятков – смогла так быстро разрушить дело, создаваемое такими усилиями на протяжении года. Его сразу обеспокоила опасность появления антисемитизма со стороны крестьян, который могло вызвать поведение вооруженной еврейской роты. Он хотел вернуться в Гуляй-Поле, но его в этом разубедили, так как австро-немцы контролировали уже коммуну и его бы немедленно расстреляли. Он тогда задумался над заглавием воззвания, которое он начал писать: «Душа предателя и сознание тирана так же черны как зимняя ночь». Однако продвижение вражеских войск было молниеносным, и, чтобы не оказаться в окружении, группы партизан, к которым Махно присоединился, отступили к Таганрогу, порту на берегу Азовского моря и железнодорожному узлу. В конце апреля все анархисты Гуляй-Поля и окрестностей, которым удалось добраться до Таганрога, собрались на конференцию. Был подведен итог создавшейся ситуации и решено, что некоторые из них отправятся в поездку по революционной России, с тем, чтобы, разузнав о трудностях, с которыми столкнулись в России, избежать их у себя. Другие останутся на месте для создания подпольной организации революционеров. Встреча была назначена на конец июня

– начало июля, период, который считался благоприятным для возвращения в Гуляй-Поле и начала общего восстания против оккупантов и их союзников.

Глава VIII. Странствия

Путешествие Махно, целью которого было посещение Москвы и Петрограда – запланированные Нестором встречи со столичными анархистами, а, может быть, и с вождями революции – началось в Ростове-на-Дону. И уже здесь, с первых же встреч, он осознает разобщенность революционеров, в том числе анархистов.

В Царицыне⁴⁵¹ он встретил своих товарищей гуляйпольских коммунаров, которые успели скрыться от мести землевладельцев. Там он увидел свою подругу Настю, беременную на сносях, но скрепя сердце, он должен ее покинуть, чтобы выполнить задание.

По дороге Махно становится свидетелем возмутительных сцен: «революционные» власти разоружали произвольно и систематически все подразделения независимых партизан и были готовы расстреливать всех тех, кто не хотел подчиниться их указам. В частности, он присутствовал при столкновении отряда партизан Петренко, активного беспартийного революционера, с чекистскими подразделениями. Эти последние потерпели поражение, Петренко мог бы взять ситуацию под контроль и «хозяйничать»; он великодушно⁴⁶² отказался. Тогда власти ему предложили переговоры, во время которых его предательски арестовали, потом разоружили его подразделение. Петренко был вскоре расстрелян по лживому обвинению.

На протяжении этого времени повсюду в России происходит систематическое наступление против анархистских группировок: их помещения разгромлены, их органы запрещены или издаются с очень жесткими ограничениями; непокорные посажены в тюрьму или даже расстреляны по различным поводам. Большевики и их союзники, левые эсеры, избавлялись от своих «несговорчивых» попутчиков, в действительности от всех тех, кто мог поставить под сомнение захват ими власти.

Повсюду Махно видел воочию революционную веру и преданность, которые поднимают рабочих, но также их отсутствие ясности перед лицом все возрастающих «прерогатив революционного правительства». Он видел в деле некоторые круги, называвшиеся революционными, состоявшие из ремесленников, лавочников и деклассированных рабочих, многие из которых были евреями и которые, несмотря на свою принадлежность к революционным группам всех оттенков, включая анархистов, «жульничали» и «пронырничали» в сферах власти. Они стали благоприятной почвой для всякого рода поручений, которые им охотно давали и становились чекистами, членами продотрядов, бюрократами всех мастей и т. п.

Эти печальные наблюдения заставили Махно поставить себе вопрос «о том, что революции суждено погибнуть по вине самих революционеров; что на пути ее развития стоит палач из рядов революционеров, имя которому – Правительство: правительство двух революционных партий, которые, при всех своих потугах, подчас колоссальных и достойных уважения, не могут вместить в рамки своих партийных доктрин ширь и глубину жизни трудящихся»⁴⁷³.

Он видит, что именно сами «официальные» революционеры действуют против освободительного движения революционных масс.

Махно продолжил свое путешествие на бронепоезде вместе с группой красногвардейцев. Он помог им не попасть в плен к донским казакам: на одном полустанке казаки окружили поезд и готовы были легко схватить всех пассажиров, Нестор изобретательно посоветовал сделать вид, что они готовят артиллерию к неожиданной стрельбе, чтобы оттеснить толпу и воспользоваться этим, чтобы отвести подальше поезд. Его изобретательность помогала ему много раз выпутаться, таким образом, из самых худших переплетов.

Махно остановился на несколько дней в Саратове, не без труда добрался до Астрахани в устье Волги, поскольку единственным документом-пропуском его был мандат Гуляйпольского революционного комитета. Наконец он достиг цели своего первого этапа, Москвы, ставшей новой столицей режима, поскольку Ленин считал Петроград слишком уязвимым.

Все руководители режима и официально признаваемых революционных групп находились там, Махно, который стремился немедленно войти в контакт с анархистами, обнаружил, что новая власть установила слежку за анархистским движением, и только с большим

трудом ему удалось встретиться с его самыми активными борцами. На митингах он слышал меньшевика Мартова, военного комиссара Троцкого, анархиста Алексея Борового, вызвавшего его восхищение. Он вновь увидел своего товарища по каторге Аршинова, который за отсутствием лучшего был вынужден заниматься союзом идейной пропаганды анархизма, издавая классические труды Бакунина и Кропоткина.

Москва казалась ему центром «бумажной революции», которая привлекала всех тех – социалистов и анархистов, кто увлекался единственной вещью: «много говорить, писать, и бывающих не прочь посоветовать массам, но на расстоянии, издаека...».484

С Кропоткиным Махно встретился накануне переезда в Димитров, близ столицы. Апостол анархии сердечно принял его, ответил на его вопросы и долго разговаривал с ним об украинских крестьянах; но когда Нестор спросил у него совета по поводу того, что он собирается делать по возвращении домой, Кропоткин категорически отказался ему что-нибудь посоветовать: «Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете правильно его разрешить»495.

Прощаясь, старый анархист заявил ему: «Нужно помнить, дорогой товарищ, что борьба не знает сентиментальностей. Самоотверженность, твердость духа и воли на пути к намеченной цели побеждают все...»,506 теоретик анархокоммунизма, конечно, обратил внимание на сильную личность Нестора и заметил его тенденцию к некоторой экзальтации, в противном случае, было бы непонятно, как автор этики мог так странно исключить чувство из революционной борьбы. Это был, вероятно, совет, чтобы Махно не отвлекался от своих целей. Во всяком случае, он произвел впечатление на бывшего террориста и каторжника, который будет его всегда вспоминать впоследствии. Вскоре Кропоткин передал ему еще, что «следует беречь себя, поскольку люди, такие как он слишком редки в России», что

свидетельствует об уважении, которое он внушил почтенному старшему товарищу, как и о том, что тот его особо выделил.

Глава IX. Встреча с Лениным

Встречи с московскими революционными кругами, посещение крестьянской секции при Всероссийском центральном исполнительном комитете советов утвердили Махно в мысли, что потребности в поездке в Петроград никакой нет, и он решил вернуться на Украину. Однако ему нужен был фальшивый паспорт, чтобы пересечь границу, установленную между Россией и оккупированной немцами Украиной. Он решил обратиться в «бюрократический центр» – святая святых – в Кремль. Идя от бюрократа к бюрократу, Махно попал, наконец, к Свердлову, председателю центрального исполнительного комитета советов, с которым начал дискуссию о положении в стране и на Украине. Свердлову его точка зрения показалась настолько интересной, что он предложил ему встретиться на следующий день с самим Лениным. Было назначено время встречи. Тем не менее, Свердлов не смог найти комнату для Махно, которому жить было негде. Таким образом, вождь «революционеров чернильного штампа» мог устроить ему встречу с «верховным вождем», но был совершенно бессильным устроить ему жилье! Какое несоответствие во властных полномочиях!

Нестору удалось устроиться у приятеля, с которым он познакомился еще в Бутырках, и он пришел на следующий день в Кремль со всеми необходимыми пропусками. Ленин принял его «по-отечески»: взял его под руку, положил ему руку на плечо, усадил его в удобное кресло. Потом он начал тщательно расспрашивать Нестора: откуда он приехал? Как крестьяне этой местности поняли лозунг «вся власть советам на местах»? Как они реагировали на тех, кто был против этого лозунга, особенно против украинских националистов?

Махно отвечал, что крестьяне поняли этот лозунг как выражение сознания и воли самих трудящихся, что сельские, волостные и районные советы есть не более как Встречи с московскими революционными кругами, посещение крестьянской секции при Всероссийском центральном исполнительном комитете советов утвердили Махно в мысли, что потребности в поездке в Петроград никакой нет, и он решил вернуться на Украину. Однако ему нужен был фальшивый паспорт, чтобы пересечь границу, установленную между Россией и оккупированной немцами Украиной. Он решил обратиться в «бюрократический центр» – святая святых – в Кремль. Идя от бюрократа к бюрократу, Махно попал, наконец, к Свердлову, председателю центрального исполнительного комитета советов, с которым начал дискуссию о положении в стране и на Украине. Свердлову его точка зрения показалась настолько интересной, что он предложил ему встретиться на следующий день с самим Лениным. Было назначено время встречи. Тем не менее, Свердлов не смог найти комнату для Махно, которому жить было негде. Таким образом, вождь «революционеров чернильного штампа» мог устроить ему встречу с «верховным вождем», но был

совершенно бессильным устроить ему жилье! Какое несоответствие во властных полномочиях!

Нестору удалось устроиться у приятеля, с которым он познакомился еще в Бутырках, и он пришел на следующий день в Кремль со всеми необходимыми пропусками. Ленин принял его «по-отечески»: взял его под руку, положил ему руку на плечо, усадил его в удобное кресло. Потом он начал тщательно расспрашивать Нестора: откуда он приехал? Как крестьяне этой местности поняли лозунг «вся власть советам на местах»? Как они реагировали на тех, кто был против этого лозунга, особенно против украинских националистов?

Махно отвечал, что крестьяне поняли этот лозунг как выражение сознания и воли самих трудящихся, что сельские, волостные и районные советы есть не более как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления, направленного на борьбу против буржуазии. Ленин трижды возвращался к этому вопросу, переспрашивая, считает ли он правильным такое понимание; когда Махно ответил утвердительно, Ленин заявил, что этот район заражен анархизмом, но это влияние долго не продлится.

В разговор вмешался Свердлов и спросил, следует ли развивать анархизм среди крестьянства. Ленин тогда заявил, что это означало бы переход к контрреволюции и привело бы пролетариат к гибели. Махно потерял выдержку и возразил, что так не может случиться ни в коем случае; Ленин подхватил, уточняя свое замечание: в его глазах, анархисты, не обладающие серьезной широкомасштабной организацией, не могут организовать пролетариат и бедное крестьянство и, таким образом, сохранить завоевания революции.

Далее разговор продолжился на другую тему: о деятельности красногвардейцев, которую Ленин оценил высоко. Махно без обиняков открыл ему глаза, объяснив, что в отличие от партизан, ведущих борьбу в глубинке, красногвардейцы довольствуются тем, что контролируют только на бронепоездах железнодорожные ветки и бегут, потеряв голову, при первой опасности: вот почему население, никогда их не видит и не может их поддерживать. Ленин сделал отсюда вывод – как это ни странно, – что создание красной армии это лучшее решение, затем пустился в рассуждения против идеализма анархистов, который их приведет к недооценке настоящего в пользу будущего: «Анархисты всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы; но, близорукие фанатики, пропускают настоящее для отдаленного будущего...». Ленин, тем не менее, попросил Махно не принимать это соображение на свой счет, так как он его считает: «человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была хотя бы одна треть в России», то коммунисты готовы были бы идти с ними на известные условия и совместно работать в пользу свободной организации производителей.

Убаюканный этими красивыми словами, Махно ощутил, как в нем рождается чувство глубокого уважения к своему собеседнику, пируэты, виражи и другие оппортунистские повороты которого были ему еще не известны. Что касается якобы озабоченности анархистов будущим в ущерб настоящему, он привел в пример Украину – исправив при этом Ленина, употреблявшего как многие русские разных взглядов выражение юг России или

Южная Россия, – где большинство партизанских отрядов, которые боролись против завоевателей, находились под руководством анархистов. Кроме того, почти все коммуны и ассоциации были основаны по их инициативе. Приводя эти убедительные примеры, он показал с очевидностью, что анархисты твердо стоят в «настоящем», где они ищут то, что может их приблизить к будущему, о котором, это верно, они очень серьезно думают. Заканчивая эти слова, Махно посмотрел Свердлову прямо в глаза, который смутился и слегка покраснел, но продолжал ему улыбаться. Ленин же разводил руками и говорил: «Возможно, что ошибаюсь...»

Если бы он знал уже в этот момент, что через несколько лет он лишится сна из-за Махно и натравит на него свору чекистов и спецподразделений красной армии, Ленин понял бы, что в действительности он ошибался. И, вне всякого сомнения, он сразу же исправил бы свою ошибку, несмотря на свой добродушный вид и слащавые слова, и приказал бы бросить своего будущего врага в подвалы ЧеКа.

Разговор продолжился еще немного, но основное было уже сказано, и Ленин осведомился, все так же «по-отечески», какие бумаги, удостоверяющие личность, нужны Махно и пообещал ему сделать все необходимое.

Несколько дней спустя, получив фальшивые документы, необходимые, чтобы пройти различные контрольные посты, Махно сел на поезд, отправлявшийся в Орел.

Его полуторамесячная поездка через всю страну, позволила ему «измерить температуру революции», осознать слабость анархистского движения, слабость органическую или вызванную репрессиями большевистской власти, увидеть «руководящую» среду, встретиться с самыми влиятельными лицами, одним словом составить себе точное представление о том, что сделано, и обо всем том, что предстоит сделать, чтобы удержать компас революции в правильном направлении.

Глава X. Снова на родине

Прибыв в Орел, приграничный город, Махно по неосторожности сошел с поезда и не смог сесть обратно, поскольку пассажиры брали вагоны штурмом. Ему удалось, тем не менее, пересечь границу, переодевшись украинским офицером запаса. Он встречает своих еврейских друзей из Гуляй-Поля, которые рассказали ему о местных событиях и среди прочего, о смерти его старшего брата, Емельяна, инвалида войны, которого расстреляли немцы, приняв его за Нестора Махно. Второй его брат, Савва, был арестован, дом матери был разрушен, а мать приняли к себе соседи, наконец, в Гуляй-Поле имели место расстрелы и зверства против анархистов и революционеров.

Подавленный этими первыми новостями, Нестор сумел противостоять им: он среди своих, крестьян Запорожья, верных столетним стремлением к свободе, вдали от речей, декретов и других благих пожеланий Москвы, столицы «бумажной революции». Теперь он в самом сердце настоящей проблемы, и в ее решении он может рассчитывать только на себя и своих оставшихся товарищей по гуляйпольской анархистской группе.

По мере того как Махно приближался к своему родному селу, он все чаще встречал людей, которые его узнавали; ему пришлось поменять форму украинского офицера на гражданскую одежду. На одной из остановок его друг Коган из Гуляй-Поля предупредил, что немецкие жандармы ищут его в поезде; он поспешно оставил вагон и прошел пешком 27 км, отделявших его от места назначения, села Рождественского, расположенного в 21 км от Гуляй-Поля.

Махно заметил на краю села табличку с надписью на немецком языке: «Deutsches Vaterland» – немецкая территория – Украина стала составной частью Германии и Австро-Венгерской империи! Еще более мощный, чем во времена Брест-Литовска немецкий экспедиционный корпус оккупировал ее и следил за соблюдением немецкого порядка.

Центральные империи, в восторге от помощи, оказанной Лениным и его правительством, надеялись благодаря богатым природным ресурсам Украины получить возможность обрести новое дыхание в войне на западе, против Франции, Англии и Соединенных Штатов.

Украинское национальное собрание – Рада, считавшаяся не совсем податливой, была устранена от власти 29 марта 1918; оккупанты заменили ее на гетмана⁵¹¹ Павла Скоропадского, предок которого был последним гетманом свободной Украины до ее аннексии Россией в 18 веке. Гетман, простая марионетка, которую дергали за ниточки, создал национальную гвардию – варту – ставшую дополнительной силой для немецких управителей страны.

Украинская буржуазия и феодалы поспешили стать на сторону новой власти, поскольку так они могли использовать оккупационные силы для того, чтобы обуздать непокорных крестьян, затем забрать обратно земли и имущество, конфискованные ими в пользу

коллектива. Реванш «панов» был безжалостным: тысячи крестьян были наказаны шомполами, брошены в тюрьмы, расстреляны, повешены. Вся страна была разграблена – товары потребления, оборудование – все вывозилось в Германию с благословения гетмана и местных вассалов. Послушаем свидетельство Ивана Ксидиаса, русифицированного грека из Одессы, солидного капиталиста, которого нельзя заподозрить в подрывном духе, несмотря на его либерализм:

«После проникновения на Украину немецких и австрийских войск, их командование стало перед выбором отношения к революционному захвату земель помещиков. Поскольку главной заботой центральных империй было перекачать в свою пользу богатства Украины, а установление справедливого социального мира их оставляло совершенно равнодушными, они предпочли стать на сторону буржуазии, и особенно крупных земельных собственников.

[...] По отношению к помещикам, немецкие оккупационные власти не только показали себя уступчивыми и благожелательными, не давая им почувствовать тяжесть своего господства, но они старались даже всеми способами стать для них приятными. Земельные собственники стремились больше всего вернуть себе право владения, отнятое революцией. Из всей истории гражданской войны это был один из самых постыдных эпизодов. Об этом следует сказать откровенно: из-за поведения по отношению к крестьянам процесс проникновения революции, который остановился на некоторое время, продолжился с еще большей силой, как только германские войска покинули русскую территорию. Многие собственники не ограничились тем, что вернулись на свои прежние земли, но при помощи германских и австрийских солдат, они стали отнимать у крестьян их земли и имущество. Карательные экспедиции превзошли по жестокости и цинизму печально известные экспедиции царских времен, тем более что австрийские и немецкие офицеры, командовавшие этими отрядами, вжимали с добычи свою часть. Так, когда в село входил отряд, по сведениям местных помещиков, крестьянам предъявлялся коллективный список с требованием возместить такое-то количество скота, орудий, мебели и т.д., после налета немецкий или австрийский офицер получал от 10 до 20% стоимости возвращенного имущества. Само собой разумеется, что германским военным, воспитанным в духе глубочайшего презрения к русскому народу, весьма нравился этот источник доходов, и они готовы были прибегнуть к любым средствам, какими бы жестокими они ни были, чтобы его активизировать.

[...] Карательные экспедиции устраивали расстрелы и повешения. Казни проходили без всякого суда; злопамятных помещиков это обстоятельство ничуть не беспокоило, а германские офицеры охотно отказывались от комедии правосудия. Расстреливали и вешали без всякого суда, часто даже не дав себе труда проверить личность «подозреваемого». Достаточно было, чтобы помещик или его управляющий заявили, что этот крестьянин принимал участие в конфискации земель, и «виновного» немедленно казнили.

Легко представить себе какая злость накапливалась в душе украинских крестьян, какую ненависть и желание мести помещикам вызывали эти варварские экзекуции. Бессильные против вооруженной армии на службе у их угнетателей, крестьяне смирились и страдали в ожидании реванша⁵²².

Гуляй-Поле, активный революционный центр, заслужило право на особое отношение: члены совета, революционного комитета и группы анархо-коммунистов были выданы украинскими шовнистами и местной буржуазией. Их арестовали, пытали и расстреляли, за исключением тех, кому удалось спрятаться и перейти в подполье. Среди анархистов, жертв этого «белого террора», были Моисей Калиниченко; во время расстрела, все еще живой после первого залпа, он продолжал проклинать своих палачей, пока его не прикончили. Лейбу Горелика, очень активного анархиста из еврейской общины коммуны, забили до смерти. Погибли также неопределимые борцы Степан Шепель, Коростылев, по прозвищу Кудлай, старший брат Нестора Емельян, почти слепой вследствие ранения, полученного на русско-японской войне 1904 г. был расстрелян в присутствии жены и пяти несовершеннолетних детей. Некоторых посадили в Александровскую тюрьму, где их ждала та же участь: Александра Калашникова, Савву, другого брата Нестора.

Вот какую печальную картину застал Махно, прибыв в эти места, где на протяжении почти года он интенсивно участвовал в создании свободного сообщества основанного на социальной справедливости. Он возобновил контакты со своими близкими, родными и многими членами анархистской группы, также вернувшимися из России, в соответствии с обязательствами, принятыми на конференции в Таганроге. Все ему советовали не появляться в Гуляй-Поле, так как на него немедленно донесет какой-нибудь продавшийся оккупантам стукач, он будет арестован и спешно казнен.

Несколько недель он прятался в соседнем селе, потом не выдержал и однажды ночью вернулся в родное село, чтобы встретиться с надежными крестьянами. С ними он анализировал ситуацию, рассказал им о результатах своей поездки. Письма, которые он им писал, переписывались и ходили по рукам в районе. В них он ратовал за самостоятельные и организованные действия крестьян и не советовал прибегать к террористическим актам, которые вызывали бы преждевременные репрессии и помешали бы общей организации восстания. Он выступал особенно против актов мести против членов еврейской роты, которые, запуганные или обманутые угрозами и обещаниями украинских шовинистов, способствовали аресту гуляйпольских революционеров. Эти действия могли быть плохо поняты, вызвать проявления антисемитизма и скомпрометировать, таким образом, революционную репутацию района. Он не смог, однако помешать, чтобы отступник, член группы Лев Шнейдер был осужден, хотя тот исчез в неизвестном направлении. Ему удалось также отделить дело Василия Шаровского и Тарановского, которые были втянуты помимо своей воли в заговор, но сразу же вышли из него и с тех пор горько сожалели о своей пассивности, о том, что они не сопротивлялись этому заговору.

О присутствии Махно сообщили властям, и он был вынужден покинуть Гуляй-Поле. Однако теперь, когда известно, что он здесь и пытается организовать вооруженные группы, власти больше не осмеливались казнить заключенных в Александровске анархистов из страха перед возмездием. За его голову назначили кругленькую сумму. Облавы и обыски стали более частыми, он еле ушел от вражеского патруля, только потому, что, занятый объяснением своим друзьям крестьянам, как работают револьверы Кольт и Маузер, он смог немедленно произвести практическую их демонстрацию и таким образом вырваться!

Первый отряд, назвавшийся махновским, был сформирован в ближайшем к Гуляй-Полю селе Воскресенка и наносил удары по мелким помещикам и карательным отрядам оккупантов.

Махно начал также совершать подобные атаки с крестьянами села Терновка, но он чувствовал, однако, что импульс должен исходить из Гуляй-Поля, которое пользовалось большой популярностью в этой части Украины.

Он вернулся, таким образом, туда и с согласия своих товарищей решил взорвать австро-немецкий штаб района, разместившийся в центре Гуляй-Поля. Один товарищ из группы, который не оставлял его ни на шаг, исполняя роль личного охранника, Исидор Лютый, которого прозывали Петя, пошел на разведку переодетый в женскую одежду. Нестор же, переодетый в «барышню» с накрашенным лицом, и вооруженный мощными бомбами, пошел вместе с Петей выполнять это задание. Только присутствие женщин и детей в зале, где находились офицеры, в которых они метили, заставило Нестора изменить решение (однако ему было трудно переубедить Петю). Действительно, он всегда рассматривал действия и их последствия как сознательный борец и очень хорошо знал, что в этом случае их покушение, в котором неминуемо были бы невинные жертвы, было бы плохо воспринято населением.

Глава XI. Начало партизанской войны

Распространив идею о всеобщем восстании во всей волости, Махно и его товарищи решили перейти к действиям и преодолеть первый шаг, заняв Гуляй-Поле, определенное как центр восстания. 22 сентября 1918 г. Нестор и его друзья по гуляйпольской анархистской группе – Алексей Марченко, Семен Каретник, Петя Лютый, Андрей Семенюта (последний брат Прокопа и Александра, пионеров группы), некто Фома Рябко, прибывший из других мест, и семеро крестьян из сел Терновка и Васильевка начали свою одиссею.

Группа находилась на расстоянии 90 км от Гуляй-Поля и рассчитывала преодолеть его за девять часов. Нестор, переодетый в форму капитана варты, сидел на тачанке⁵³¹, на которой был установлен пулемет максим; за ним на конях следовали его спутники, вооруженные винтовками; вскоре они встретили настоящий отряд варты. Обманутая красивой униформой, гетманская стража позволила приблизиться на тридцать метров, тогда Махно поднялся на своей тачанке и приказал им сложить оружие; они попытались было спохватиться, но очередь из максима, выпущенная над их головами, принудила их повиноваться.

Нестор допросил их, выдав себя за капитана, специально посланного гетманом для выявления революционеров в районе. Проникнувшись доверием, командир отряда варты дал ему все сведения об австро-немецких силах в районе их расположении и их боевых средствах; он похвастался, между прочим, своими личными подвигами в репрессиях против непокорных крестьян региона.

Не выдержав больше, Махно сказал ему тогда, кто он есть на самом деле, гетманская стража застыла, разинув рот. Затем они упали перед ним на колени, моля о пощаде и, пытаясь подкупить его большими суммами. Не имея доказательств их преступлений, Махно решил просто их связать и оставить спрятанными на обочине дороги, пока их не найдут пастухи или пока они не освободятся сами. Это было сделано для того, чтобы они слишком рано не выдали его присутствия. В этом проявилась одна из характерных черт его личности: вне боя он всегда испытывал отвращение к кровопролитию и только в самом крайнем случае, вынужденный жестокостью врагов, он шел на эти поступки. Но солдаты варты, полные недоверия, бросились бежать со всех ног. Тогда махновцам пришлось их застрелить. Недалеко от этого места они встретили одного из руководителей местной полиции, который потребовал ему объяснить, что значили прозвучавшие выстрелы. Когда он стал настойчиво ссылаться на власть гетмана, Махно повесил его на самом высоком кресте соседнего кладбища, нацепив ему табличку с надписью: «Надо бороться за освобождение трудящихся, а не за палачей и угнетателей!».

Этот эпизод может служить архетипом для всех последующих: Махно и его товарищи часто переодевались в форму регулярной армии и, пользуясь эффектом неожиданности от этой хитрости, разоружали и карали своих врагов.

Следующей ночью, продолжая продвижение на лошадях, отряд Махно, благодаря переодеванию в униформу противника, прошел без неприятностей села, расположенные на дороге, ведущей в Гуляй-Поле. Туда они прибыли на рассвете, чуть не оказавшись в самый последний момент в самой гуще многочисленных немецких войск, едва успев ускользнуть, они остановились в соседнем лесу. Там они встретили пастухов, которые рассказали, что немецкие власти и их местные сообщники распространяют повсюду слух, что Махно якобы, ограбив гуляйпольских крестьян, сбежал в Москву; он якобы там купил шикарный дом и живет на широкую ногу. Ему показали даже листовку, написанную об этом на русском и украинском языке. Чем больше ложь, тем она лучше, говорят себе часто профессиональные лжецы, именно здесь было начало «слуха» о Махно, который раздувался по мере того, как набирала размах борьба махновцев.

Вскоре в Марфополе, соседнем с Гуляй-Подем селе, Махно и его группа столкнулись с австрийским отрядом, который сопровождала группа гетманских милиционеров. Махно обманул их, начав бежать из села, но только чтобы заставить своих преследователей открыться и затем расстрелял их из пулемета, среди оставшихся в живых из вражеской группы был начальник полиции Гуляй-Поля, особо отличившийся в репрессиях против крестьян, его немедленно казнили. В числе других пленных были два украинца из Галиции, насильно мобилизованные в австрийскую армию. Махно им продиктовал письмо для перевода на немецкий язык и распространения среди солдат. Он предлагал им не подчиняться офицерам, прекратить участие в репрессиях против украинских трудящихся, вернуться к себе и осуществить свою собственную революцию. Если они будут продолжать идти за офицерами, они узнают на себе месть повстанцев, которые будут считать их также палачами крестьян. Махно отпустил солдат с этим посланием, потом, – поскольку его доверие было все же не полным – он вначале двинулся со своей группой в определенном направлении и когда они были уже вне видимости, повернул в сторону и остановился в ближайшем селе, Шанжоровке, расположенном в 17 км от Гуляй-Поля.

На другой день, австро-немцы провели серьезные репрессии против крестьян Марфополя. Через день, воспользовавшись отсутствием основных сил противника, Махно вошел в Гуляй-Поле, разослал почти всех своих людей по району, дав им задание поднимать крестьян, а сам остался в селе только с семьей человеками. На следующий вечер на местное собрание пришло четыреста жителей. На нем обсуждалось, как лучше начать восстание, куда и как его ориентировать, как захватить основные силы противника и разоружить всех оккупантов. Весь этот план был принят следующей ночью. Тем временем, Махно написал две прокламации, предназначенные для распространения, как только Гуляй-Поле будет под полным контролем восставших.

Как было предусмотрено, следующей ночью махновцы овладели всей местностью с большой легкостью и без потерь со своей стороны. Они взяли под свой контроль почту, телефонную станцию, вокзал и въезды в село. Два воззвания Махно были отпечатаны соответственно 7000 и 20 000 экземпляров и быстро распространены; за ними последовали восстания по

всему району. Немедленно был создан революционный комитет и по всей Украине разослана телеграмма Махно:

«Всем! Всем! Всем! Революционный комитет Гуляйпольского района сообщает о взятии повстанцами Гуляй-Поля, в котором восстановлена власть советов. Мы объявляем всеобщее восстание рабочих и крестьян против палачей и душителей украинской революции, австро-немцев и гетманских гайдамак.» Австро-немцы опомнились через несколько дней и сгруппировали значительные силы вокруг Гуляй-Поля. Махно и его товарищи решили не окапываться здесь, а уйти, создав впечатление, что население им повиновалось, но не поддерживало, чтобы избежать репрессий в отместку, как это случилось в Марфополе. Вот почему местный сход состоялся ночью и собрались только самые надежные жители, чтобы не было возможных доносов в случае поражения восстания. Махно вел дело умно и осторожно, но не без трудностей, поскольку его предложения каждый раз оспаривались другими членами группы, которые составили в каком то смысле первый штаб движения. Факты, однако, неоднократно подтверждали правоту Нестора, поэтому его товарищи следуют все более точно его директивам. В этом проявились его замечательные качества руководителя, которые постоянно будут утверждаться.

29 сентября, войска противника предприняли атаку со всех сторон, повстанцы ее отбили, потом, ближе к вечеру, когда стала явной угроза окружения, отступили в направлении Мариуполя, порта на Азовском море.

По дороге, используя ночное время и неожиданность своего появления, они обезоружили несколько помещиков и их охрану, поменяли лошадей и захватили пулемет. Как это имело место раньше, они двинулись в ложном направлении, чтобы обмануть возможных преследователей и остановились в селе Больше-Михайловка (или Дибривка), на окраине которого простирался Дибривский лес, находящийся в 36 км от Гуляй-Поля. На следующий день они встретили отряд из шестидесяти человек Федора Щуся, матроса-анархиста, который принимал участие в Таганрогской конференции и с тех пор вел жестокую борьбу против оккупантов. Щусь довольствовался тем, что преследовал, впрочем, успешно, оккупационные войска, помещичьи карательные отряды и отряды Варты. Махно предложил ему присоединиться к восстанию, чтобы вести открытую, а не партизанскую, борьбу. Объединение состоялось. В селе состоялся совместный митинг, Махно на нем произнес большую речь, испугавшую его друзей, так как он призвал бороться против всех врагов, настоящих и будущих, а именно русских белогвардейцев, начавших занимать область. Население приняло его предложение и к концу второго дня набралось уже около 1500 добровольцев, из которых только четверть была вооружена.

Поверив ошибочным сведениям, повстанцы не приняли достаточных мер предосторожности, считая, что противника поблизости нет. Поэтому, когда ночью их неожиданно атаковали, Махно, не зная точного числа нападавших, приказал отходить. Многие повстанцы не успели присоединиться к нему и остались заблокированными в Дибривке, а отход к лесу маленькой группе убежавших был отрезан засадой. Здесь Махно показал свой исключительный военный талант: хотя он никогда не был солдатом, он приказал своим людям двигаться под прямым углом, обошел вражеские позиции и обеспечил выход в лес. Щусь предложил отойти в неприступный блиндаж, который он себе оборудовал в лесу, и там подождать, пока

противник уйдет из района, чтобы уберечь раненных и избежать репрессий в селе.

Махно настоял, что вначале нужно разведать количество войск неприятеля. Действительно, они оказались значительно превосходящими по числу и снаряжению. Несмотря на это, Махно предложил атаковать. Щусь долго возрождал, считая безумием атаковать настолько превосходящие силы. Махно произнес еще одну речь, которая зажгла всех присутствующих – в этой ситуации дибривские крестьяне поверили ему, согласились идти за ним, и дали ему этот титул «Батько»: «Отныне ты наш украинский Батько, и мы умрем вместе с тобою. Веди нас в село против врага!»⁵⁴².

В своих воспоминаниях Махно замечает, что ему надо было действительно быть революционером анархистом, чтобы не уронить эту честь, оказанную со всей наивностью массой трудящихся крестьян, веривших ему. Он оправдывает это доверие следующим комментарием: «Кажется, я таковым был. Кажется, все мои действия подтверждают это...»⁵⁵³.

Ночью 30 сентября 1918 г. повстанцы совершили первый свой боевой подвиг. Действительно, Щусь, Махно, Семен Каретник, Марченко, Лютый и Петренко, местный повстанец с большим будущим, отобрали самых отважных и решительных партизан. Разделились на две группы: одна – из людей Щуся, вооруженных пулеметом «Максим», другая – под личным командованием Нестора, снабженную ручным пулеметом «Люис» – всего около тридцати человек, которые атаковали австрийский батальон регулярной армии – около пятисот солдат, сотню хорошо вооруженных кулаков и восемьдесят гетманских вартовых, то есть это был бой одного против двадцати!

Противник стоял лагерем на площади перед сельской церковью, ожидая подкреплений, чтобы выйти на рассвете преследовать повстанцев в лесу. Хорошо осведомленные о расположении неприятеля, Махно и его товарищи пробрались к центру села. Перед атакой, ожидая пока Щусь займет позицию, Нестор обратился к друзьям-повстанцам: «Ну, мы в руках смерти. Кто из нас окажется наиболее отважным, того она не возьмет, тот с нею в силах еще сразиться. Будем же, друзья, безумно отважными, этого требует наше дело!»⁵⁶⁴.

Однако атака чуть было не сорвалась: местная любовница начальника Варты решила любой ценой сообщить своим о повстанцах и только в последний момент, предупрежденные местной крестьянкой, они сумели перехватить предательницу.

По условленному сигналу, как договорились со Щусем, Махно открыл плотный и прицельный огонь, сея панику среди солдат, которые, сложив оружие, спокойно отдыхали, совершенно не подозревая о неожиданной атаке.

Чтобы усугубить замешательство врага, Махно бросился в атаку. Солдаты противника и гетманские вартовые пустились в бегство один перед другим по примеру собственных командиров, в то время как дибривские крестьяне, вооруженные вилами, дубинами и топорами, их преследовали, усиливая панику. Махно с большим трудом удалось освободить двадцать пять австрийских солдат из рук крестьян, готовых устроить самосуд. Трофеи были большими: 4 пулемета, две повозки с амуницией и 80 пленных, главным образом, простые

солдаты и гетманские вартовые, их командиры убежали или были убиты во время боя.

Гетманских вартовых и членов помещичьего отряда расстреляли на месте, так как, несмотря на предупреждение, они продолжали активно участвовать в репрессиях. Что касается австрийских солдат, их покормили, потом отпустили, взяв обещание никогда больше не сражаться с революционными крестьянами; им дали провизии и по бутылке водки, но забрали фуражки – жест символически обозначавший демилитаризацию.

Начиная с этого дня, по отношению к Нестору все его товарищи проявляют большую любовь и полное доверие к его боевой тактике и стратегии. Его слава, усиленная рассказами о его ратных подвигах, непрестанно возрастала. Теперь его называли «Батько Махно», народным мстителем; так случилось, несмотря на его сдержанность вначале, затем с его согласия, когда он заметил, что служит объединяющим центром. Вскоре ему представился случай осуществить эту народную месть во время инцидента, который остался самым известным из всех. Возле села Михайлово-Лукашево был уничтожен отряд повстанцев и несколько десятков пленных жестоко избиты и повешены. В этой карательной операции особо отличился капитан Варты Мазухин. Однажды вечером, разорив вражески настроенную немецкую колонию, Махно с отрядом встретили этого самого Мазухина в сопровождении небольшого эскорта. Как обычно, Махно чтобы опередить, крикнул властно: «Стой! Кто такие? Откуда идете?» В ответ послышалось: «Кто командир отряда? Я штабс-капитан Мазухин, командир варты александровского уезда». В этот момент повстанцы его окружили и взяли в плен. Грозный каратель напрасно умолял их о пощаде. Из найденного при нем письма, повстанцы поняли, что он ехал на вечер, организованный местным помещиком Миргородским. Махно и Щусь переоделись в форму Мазухина и его адъютанта, потом явились вместо них в укрепленное имение Миргородского. Их встретили возгласами: «Ура русским офицерам!» Компания собралась самая высокая: генерал в отставке, полковник, трое австрийских офицеров и два окрестных помещика, а также дамы, сопровождавшие этих господ.

Собравшиеся подняли тосты в честь хозяина дома, за возрождение России, господ и за освобождение русской церкви от анархистов; когда был поднят новый тост за успех охоты на Махно, он достает из кармана бомбу и бросает ее в сторону гостей, крикнув им, кто он на самом деле, потом вместе со Щусем они выскакивают наружу! Похолодев от ужаса, пирующие не успели убежать и погибли от взрыва. Следует сказать, что борьба с обеих сторон была беспощадной: за весь этот период немецко-австрийской оккупации Украины около 80 000 крестьян заплатили жизнью за свое сопротивление угнетателям.

В этой атмосфере главную роль в рождении движения сыграл один драматический факт, а именно, репрессии, проведенные австро-немцами и местными кулаками (особенно немецкими колонистами) против села Дибровка. Они сожгли 608 хат, били, пытали, убивали крестьян, насиловали женщин. Все эти действия вызвали глубокое возмущение крестьян района. Махно и его отряд служили временной гражданской силой для мести, и на этот раз они разорили кулацкие гнезда и немецкие колонии, члены которых участвовали в репрессиях, без жалости.

Но и здесь Махно имел возможность показать свой тактический ум: он выступил против систематического уничтожения всех помещиков и буржуев региона, он хотел не слепой жакерии, а социальной войны, которая велась бы разборчиво. Он предпочитал бить привилегированных по их богатству, по крайней мере, когда за ними не числилось преступлений, и предлагал им значительные контрибуции деньгами, оружием и снаряжением. Он стремился также раздуть как можно сильнее социальный пожар во всем регионе. Медленная и терпеливая подготовка, которая велась неделями, принесла плоды: повсюду в районе создавались повстанческие отряды, терзавшие оккупантов и их союзников.

Эта большая игра в кошки-мышки будет продолжаться несколько недель и сталкивать по очереди в каждой из ролей повстанцев и их врагов: тогда как вторые их преследуют, первые появляются вдруг в их тылу и уничтожают отдельные подразделения.

Заметим, что Нестор прошел хорошую школу с Александром Семенютой, когда они совершали отважные террористические акты, но, кроме того, он проявил большой организационный и военный талант. Он методичен до маниакальности, предосторожность без которой, он, разумеется, не выжил бы в сотнях боев и не сохранил бы центральное ядро движения. Когда Махно занимал какую-нибудь местность, он немедленно выставлял аванпосты по всем направлениям, днем и ночью, что ему позволяло никогда не быть застигнутым врасплох и иметь возможность реагировать по своему усмотрению, в зависимости от численности противника сражаться или уйти. Затем он запутывал противника, меняя часто направления движения; он передвигался преимущественно по местам, где ни одна деталь топографии ему не была неизвестной, и старался быть постоянно информированным о передвижении противника. Наконец, он непрестанно зажигал крестьян своими сильными, бурными и пламенными речами против угнетателей, до такой степени, что скоро они стали видеть в нем своего единственного защитника. Именно за это все любили называть его «Батько» и рассказывать обо всех его подвигах. К этим талантам Махно добавлялись еще качества редкого хладнокровия и присутствия духа: он никогда не терял голову, мгновенно оценивал ситуацию и находил наилучшее из возможных решений, что позволяло ему неоднократно выходить из отчаянных ситуаций.

Тем не менее, вначале он не всегда демонстрировал подобное самообладание, однажды его небрежность имела даже катастрофические последствия для отряда. Расположившись лагерем 15 ноября 1918 г. в селе Темировка, повстанцы перехватили подозрительного человека, некого Цапко, местного кулака. Он, хоть и был известен как шпион оккупантов, объяснил, что пришел попросить разрешения проехать на рассвете селом для свадебного кортежа своих родственников. Вопреки мнению своих товарищей, Махно отпустил Цапко, отказавшись уйти из этого места и не приняв никаких мер предосторожности. Через полчаса лагерь был атакован отрядом венгров, хорошо проинформированных благодаря Цапко о расположении повстанцев. Начался переполох. Махно отреагировал мгновенно. Он установил ручной пулемет «Люис» на плече у Пети Лютого и начал поливать огнем наступающих, остановив их продвижение. Марченко с группой всадников попытался контратаковать, но безуспешно, так как понес тяжелые потери. Повстанцы отступили и оказались на открытой местности, венгерские стрелки этим воспользовались и начали их расстреливать по одному прицельным огнем. Щусь был ранен пулей в обе ноги. Прижатые

на месте огнем венгров, повстанцы теряли людей. На какой-то момент Подгорный, один из повстанцев с пулеметом и пятнадцать партизанами попытался спасти ситуацию, атаковав нападающих сзади. К венграм подошло подкрепление, и положение Махно и его товарищей, к тому же с ранеными на руках, которых они не хотели ни в коем случае оставлять, стало отчаянным. Семен Каретник тоже был ранен. Из десяти человек, окружавших Махно, осталось вскоре двое, один из которых, потеряв контроль над своими нервами, застрелился. Махно без оружия бросился, чтобы поднять пистолет покончившего с собой и вдруг увидел, что окружен многими силуэтами, которые показались ему врагами; чтобы не дать себя схватить он тоже готовился пустить пулю в лоб, когда заметил, что на самом деле это были его товарищи, пришедшие на помощь: Лютый, Марченко, Петр Петренко. Они его спасли, унося бегом на двух скрещенных винтовках. Уже в укрытии он обнаружил, что ранен в руку, что верх его шинели и папахи пробит пулями во многих местах. Отряду удалось уйти, но потери были драматичны – более половины из 350 бойцов, хотя потери венгров были такими же значительными. Это стало суровым уроком, с этого момента ничто не будет оставлено на волю случая, и Махно будет остерегаться подозрительных. Несмотря на такую серьезную неудачу, повстанцы продолжали опустошать укрепленные хутора немецких колонистов и местных кулаков и помещиков; не без потерь, так как те были многочисленны в этом черноземном краю и располагали хорошим вооружением. Тем не менее, повстанцы стали теперь опытными и были более сильно мотивированными: на протяжении нескольких недель все окрестности Гуляй-Поля были очищены от опорных пунктов подразделений и карательных отрядов немцев, австро-венгров, немецких колонистов и гетманской Варты.

Все Левобережье было охвачено огнем, общее восстание распространялось как пламя на ветру. К концу октября 1918 г. этот первый фронт твердо установился в районе Александровска и центром его стало Гуляй-Поле. Махно отправил тогда телеграмму немецкому штабу в Александровске: он требовал освобождения заключенных в тюрьму членов гуляйпольской анархистской группы и возлагал ответственность за их безопасность на немецкие власти. Эта угроза заставила призадуматься: ответ немецкого коменданта Александровска был уступчивым и гарантировал жизнь заключенным. Повстанческое движение стало полноправной и сдерживающей в переговорах стороной. Делегаты всех повстанческих отрядов района собрались на чрезвычайную конференцию. Махно на ней спокойно предложил создать четыре фронта: против гетмана, немцев и австро-венгров, против донских казаков, атамана Краснова, против белогвардейских отрядов полковника Дроздова, которые «бороздили» степи Бердянского района, против белого генерала Тилло и отрядов немецких колонистов, прибывших из Крыма для «пацификации» района.

Его товарищи сочли это предложение бессмысленным, поскольку не надеялись собрать достаточные силы, чтобы держать общий фронт такой протяженности. Махно им возразил, что теперь следует перейти к высшей стадии борьбы и с этой целью, преобразовать отряды в смешанные батальоны состоящие из кавалерии, пехоты на тачанках, оборудованных пулеметами и артиллерийского взвода. Кроме того, он хотел воспользоваться страхом, который повстанцы внушали своим врагам и соответственно усилить решительность крестьян района. Ему удалось переубедить присутствующих, были избраны командиры фронтовых участков: Петр Петренко на участок простиравшийся от Чаплино до Гришино, младший Тихоненко и матрос Красовский, на участок от Полог до Цареконстантиновки. Третий, в районе Орехово, был сформирован под командованием Батьки Правды, боевого

безногого анархиста. Эти командиры получили от собрания следующие указания: «Боеучастковые командиры в своей инициативе по стягиванию повстанческих отрядов в известной местности в одну боевую группу и по введению в ней революционной дисциплины – самостоятельны. Они вводят и закрепляют в жизни группы эти организационные начала, с согласия повстанческой массы данной группы. В оперативном отношении они целиком подчиняются главному Штабу Повстанческих войск имени Батько Махно и самому Батьке непосредственно»⁵⁷⁵.

Такое федеративное устройство позволяло единство действия, необходимое для широкомасштабных операций. Махно совмещал, таким образом, функции главнокомандующего, начальника основного штаба, в который входили два его помощника – Щусь и Петя Лютый, а также Семен Каретник и Алексей Марченко. Кроме того, была создана служба разведки, состоявшая главным образом из крестьян-добровольцев, в задачи которой входило постоянно информировать штаб обо всех передвижениях и расположении противника.

Однако дистанция между намерениями и реальностью была еще большей, и повстанцам предстояло пройти еще через многие бои, с разным исходом, против своих врагов. Махно, штаб движения и его охрана еле избежали даже уничтожения во время столкновения под Синельниково. Они были окружены немецкими и австрийскими войсками, понесли тяжелые потери и были чудом спасены в последний момент благодаря подоспевшим отрядам партизан, призванным на помощь местным населением.

Среди подкреплений отличился ульяновский отряд в 250 человек, состоявший поголовно из крестьян бывших солдат, который под градом пуль, обратил противника в бегство и преследовал его на протяжении более десяти километров.

Постепенно Махно и его главному отряду удалось реорганизовать все местные группы и перекрыть подходы и выходы из района, перерезав путь немецким поездам.

20 ноября 1918 г., во время обычной проверки поезда, Махно и младший брат Семена Каретника, Пантелей, допустили серьезную оплошность: они не поставили, как обычно, подрывников впереди поезда и заставы до и после контрольного пункта. А речь шла о бронепоезде, находившемся в руках у белогвардейцев; они открыли адский огонь по Махно и его товарищам, потом им удалось удрать. Многие отборные патрульные из отряда Махно погибли, бывшие опытные пограничники были убиты. Увидев скорбь повстанцев, белые подумали, что они убили Махно. Весть о его смерти немедленно распространилась по всему краю, к большому ликованию австро-немцев и помещиков. Белые офицеры, командовавшие рейдом, получили награды в Александровске, и местные газеты писали о них, как о героях. Прошел слух, что махновцы бегут отовсюду; помещики и их охрана, прятавшиеся в городе, начали возвращаться в свои имения.

А Махно продолжил с еще большей силой свои рейды и пообещал лично опровергнуть слух о своей кончине. В случае сопротивления помещики и кулаки уничтожались, а если сопротивления не было, повстанцы удовлетворялись отбиранием оружия, коней и снаряжения, которое могло быть ими использовано.

Тем временем в Киеве вследствие переворота был свергнут гетман Скоропадский, и власть перешла в руки нового украинского национального правительства, именовавшегося Директорией; во главе ее стоял Симон Петлюра, отсюда название петлюровцы для тех, кто ее поддерживал.

Это новое правительство заявило о своей независимости от немцев и австрийцев, которые, к тому же, не имели причины продолжать военные действия после Перемирия 11 ноября 1918 г., заключенного с западными странами. Новые власти освободили всех политзаключенных; таким образом, гуляйпольские анархисты вернулись домой. Среди них были Савва Махно, Александр Калашников, Филипп Крат.

Установился период присматривания друг к другу; на протяжении нескольких недель в соотношениях с Директорией была передышка. Директория была заинтересована в том, чтобы щадить повстанцев, так как она надеялась на возможность использовать их в своих националистских целях, хотя в то же время она поддерживала самые лучшие отношения с русскими белогвардейцами и способствовала созданию полков, которые должны были присоединиться к генералу Деникину.

Немногим более чем за два с половиной месяца Махно и его товарищам анархистам удалось освободить большую часть восточной Украины из-под власти оккупационных немецких и австро-венгерских войск и их местных союзников. Маленький отряд из дюжины бойцов, вышедший 22 сентября 1918 г. из Терновки по направлению к Гуляй-Полю, превратился в повстанческую армию, удерживавшую несколько фронтов, связанных между собой центральным штабом. С тех пор Махно и его товарищи приобрели боевой опыт, правда, ценой тяжелых потерь. Они отлично овладели стратегией и тактикой партизанской войны, они сами выбирают место боевых действий, появляются всегда в том месте, где их меньше всего ждут. Они знают, как заминировать и захватить бронепоезд или укрепленный хутор. Они знают также, что должны рассчитывать, прежде всего, на себя в защите собственных интересов и собственной свободы.

Их враги также стали другими: теперь это не самоуверенные оккупанты, а деморализованные поражением на западе солдаты и которые думают только о том, как наиболее мирно вернуться на родину. На горизонте появился более опасный враг: офицерские полки и казаческие войска под командованием генерала Деникина.

Глава XII. Гражданская война в России

В конце 1918 г. гражданская война в России вырисовывалась на нескольких фронтах. Прежде всего на юге, на казачьих землях Дона, Кубани и Терека, продвигаются несколько армий под объединенным командованием генерала Деникина. Напомним кратко о корнях этого движения.

Эволюция страны, которая казалось им катастрофической, не могла оставить равнодушными националистических офицеров. Уже во времена Керенского, генерал Корнилов, назначенный генералиссимусом (командующим всей русской армии), восстал против власти, обвиняя ее в отсутствии порядка и дисциплины, необходимых, по его мнению, чтобы победно завершить войну. Корнилов был, вопреки тому, что часто утверждалось, офицером патриотом, выходцем из солдат, сыном казачьего офицера и сардки и именно он, не будучи ярым революционером, осуществил арест царя и его семьи; он не был ни в коей мере реакционером, твердым противником монархии, повторяя всем, кто хотел его слушать, что он эмигрировал бы в Соединенные Штаты, если бы в России была реставрирована монархия. После провала военного переворота, он был арестован и оставался под наблюдением своего преемника и друга, генералиссимуса Алексеева, и его начальника штаба генерала Деникина. После большевистского переворота в октябре 1917 г. Корнилов и Алексеев поспешили уехать на Дон, считавшийся благоприятным для патриотического движения. Они бросили клич среди националистских офицеров, и в Новочеркасске, столице донских казаков, сформировался небольшой контингент добровольцев.

Добровольческая армия официально была создана 25 декабря 1917 г. под военным командованием генерала Л.Г. Корнилова и административным генерала М.В. Алексеева, она имела целью «стать вооруженной силой, способной противостоять угрозе анархии и оккупации как большевистской, так и германской; вооруженной силой, которая должна была позволить русским гражданам свободно избрать правление их родиной путем созыва Учредительного собрания». Спустя несколько дней эта последняя задача получила еще большее подтверждение из-за разгона Учредительного собрания Лениным. Возник небольшой фронт, простиравшийся между тремя главными городами Дона: Таганрогом – Новочеркасском – Ростовом. Добровольцы носили маленькую белую ленточку, чтобы отличаться от своих врагов, поскольку униформа была в большинстве случаев одинакова; из-за этого их стали называть с тех пор «белыми».

Обойденные красной армией, они вынуждены отойти в направлении Екатеринодара, столицы Кубани. Атаман донских казаков Каледин напрасно пытался поднять своих казаков на борьбу против большевиков за самостоятельность своей земли, за ним не пошли, и в

отчаянии 29 января 1918 г. он покончил с собой. Армия численностью в четыре тысячи белых выступила маршем 9 января, в разгар зимы, (именно поэтому этот марш известен под названием «ледяной поход») и вела бои на протяжении 400 км, прежде чем остановиться под Екатеринодаром в начале апреля 1918 г. После гибели Корнилова, убитого случайным снарядом 31 марта, – что было на руку реакционерам из его лагеря – его заменил Деникин, так же как и Корнилов, очень скромного происхождения (отец, рожденный крепостным, стал офицером, вышедшим из солдатских низов, а мать и жена были полячки), что касается его самого, он был фанатическим сторонником «единой и неделимой» России.

Несмотря на первые неудачи, численность белой армии росла, ее усилили офицеры, которым удалось к ней присоединиться, а затем казаки Дона и Кубани. Придерживавшиеся нейтралитета вначале, казаки быстро убедились на фактах, в опасности, которую представляли большевики, бесцеремонно упразднявшие их традиционные свободы и, кроме того, нагло реквизируявшие продукты и имущество. Были сформированы три белых армии: добровольческая, донская, под командованием атамана Краснова и кубанская, под командованием полковника Покровского, произведенного по этому случаю в генералы Радой Кубани. Только по истечении нескольких месяцев они будут подчинены не без разногласий единому командованию Деникина.

Перед этими тремя армиями стояла трудная задача борьбы против красной армии численностью в 100 000 казаков и солдат. В итоге, в августе 1918 г. белые армии взяли Екатериноград, затем север Кавказа, перерезав дорогу на Москву своим противникам; потом они очистили весь Кавказ от вражеских подразделений; затем они окружили территорию Дона и поставили себе цель овладеть богатым ископаемыми Донецким бассейном и южной Украиной на юго-востоке, и Царицыном на севере, открыв себе, таким образом, путь на Москву.

Осознавая, что без мощной военной поддержки их власть будет хрупкой, Ленин и Троцкий создали новую армию, названную «рабоче-крестьянская красная армия», которая пришла на смену красногвардейцам и отрядам партизан, считавшимся слишком независимыми. Речь шла не только о смене ярлыка, но о полном изменении подхода: это не были больше вооруженные трудящиеся, а послушная военная сила, служащая исключительно власти.

Однако эта армия не была создана целиком заново; бывшие красногвардейцы и солдаты бывшей русской армии получили довольствие, а в качестве командиров были взяты на службу бывшие царские офицеры, называвшиеся военными специалистами; их дублировали политические комиссары – члены партии большевиков, – в задачу которых входил контроль за их верностью новому режиму⁵⁸¹. Целые полки латышей бывшей царской армии, с офицерами во главе, вошли прямо в красную армию. Создавались «интернациональные» батальоны и полки, состоявшие из поляков, китайцев и бывших военнопленных венгров, сербов, немцев; эти последние, в ожидании гипотетической репатриации, стали «сражающимися заложниками». Все эти «наемники» вскоре покажут, на что они способны. Что касается русских солдат, они или записывались добровольно или были мобилизованы насильно, а в случае неповиновения или дезертирства им грозила смертная казнь. Троцкий, любитель красноречивых фраз, представлял стоящий перед ними выбор в следующих словах: «Возможная смерть при наступлении, верная смерть при отступлении».

Личный состав красной армии достиг, таким образом, 600 000 человек на ноябрь 1918 г. и один миллион на февраль 1919 г. Троцкий был назначен 12 марта 1918 г. военным народным комиссаром и председателем военного совета, созданного по его инициативе.

Самым удивительным было массовое привлечение бывших царских офицеров, хотя до сих пор их только поносили. Большинство из них согласилось на это с чистой совестью, считая, что они идут служить «русскому» правительству, целью которого является благосостояние народа. Самые честолюбивые видели в этом способ быстро продвинуться по службе в новой армии; других к этому вынудили, используя в качестве заложников их семьи, на случай отказа с их стороны. В числе присоединившихся были высшие военные чины, такие как Брусилов, бывший командующий фронтом, бывшие известные генералы как Бонч-Бруевич и Сытин, бывший военный министр Поливанов, десятки тысяч офицеров и унтер-офицеров, как Тухачевский, Шапошников, Жуков, Блюхер, Сергей Каменев и др.

В этом отношении большевики были неубедительны, когда упрекали своих белых противников в том, что те были бывшими офицерами царской армии, поскольку в их рядах насчитывалось такое же количество бывших офицеров, как и в рядах их противников (30 000 в 1918 г. и еще больше впоследствии). Конечно, принцип построения этой новой армии и ее состава представлял собой серьезное отклонение от ленинской теории, изложенной в работе «Государство и революция», но, как и религию, доктрину можно перекраивать во имя святого дела.

Присутствие многочисленных иностранцев в противостоящих вооруженных подразделениях – 250 000 иностранных бойцов принимали участие в русской гражданской войне и можно утверждать, что их роль была определяющей для ее развития – еще более показательно в случае чешского корпуса. Чехи в составе австрийской армии насильно вынуждены были воевать против своих славянских братьев. При первой возможности они массово сдавались в плен русской армии. Согласившихся по просьбе союзников повернуть оружие против своих бывших господ, чехов объединили в самостоятельный армейский корпус из трех дивизий, укомплектованный русскими офицерами, что составляло силу численностью около 45 000 человек. Они отличились во время наступления, начатого Керенским в июне 1917 г., которое захлебнулось. Вследствие развития событий в России было решено их эвакуировать через Сибирь, чтобы затем отправить на западный фронт воевать на стороне союзников. Их погрузили в эшелоны и отправили на Владивосток, но по дороге, в Челябинске у них были столкновения с расвирепевшими местными большевиками. Троцкий, чтобы их наказать, отдал приказ их разоружить и включить в состав красной армии, а непокорных отправить в концлагеря. Результат этой оплошности не заставил себя ждать: чехи перешли в наступление, заняли к концу мая 1918 г. главные станции Транссибирской магистрали и официально выступили против большевистской власти. Эта значительная военная сила, хорошо экипированная и укомплектованная, будет играть роль арбитра на протяжении более двух лет во всей Сибири.

Члены Учредительного собрания, разогнанного Лениным, не отказались от борьбы. Они организовали восстание, с помощью чехов овладели на Волге Самарой и 8 июня 1918 г. сформировали «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч), затем временное правительство, состоявшее вначале исключительно из так называемых эсеров-центристов и

правых эсеров. Это правительство немедленно издало несколько демократических декретов: восстановление в функциях местных органов самоуправления – сельских и городских комитетов – упразднение смертной казни (в том числе для большевиков), снятие ограничений на снабжение, введение восьмичасового рабочего дня, снятие запрета на забастовки, запрет локаутов, новые выборы в советы и т. д. Меньшевики поддержали, а затем присоединились к этому правительству, которое контролировало значительную территорию центральной России, с населением двенадцать миллионов человек. Вначале это правительство призвало к добровольной записи жителей в русскую демократическую армию, затем, в связи с недостаточностью 10 000 добровольцев, издало декрет о мобилизации молодежи призывного возраста, что привело к созданию армии в 40 000 солдат, но плохо укомплектованной реакционными по духу офицерами. Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) пользовался поддержкой чехов, демократов, которые передали ему большие запасы золота, захваченные в Казани у большевиков. Однако принятые им неуместные «буржуазные» меры – денационализация банков и промышленности, обязательство выкупить земли, захваченные крестьянами у бывших землевладельцев, оттолкнули от него народные массы. Кроме того, это правительство наталкивалось все более на открытую враждебность «Омского блока», сибирского правительства, созданного при поддержке буржуазии и всех монархистских reactionеров, нашедших там убежище, среди которых было много офицеров, не склонных забыть отношение к ним эсеров на фронте 1917 г. Эти офицеры вели всяческие интриги, чтобы получить исключительную поддержку чехов и союзников, имея также явную цель завладеть золотым запасом, веским аргументом для любого дипломатического маневра.

Комитет Учредительного собрания получил поддержку от рабочего восстания Ижевска и Воткинска. Около 35 000 рабочих находившихся там военных заводов взбунтовались против большевиков, прогнали их и сформировали регулярные полки, присоединившиеся к русской демократической армии⁵⁹².

Самарские эсеры оказались между двух огней: большевиков и омских reactionеров. Под давлением союзников в Уфе, в сентябре 1918 г., состоялось собрание представителей двадцати трех губернских правительств и различных сибирских группировок – союзов кооператоров, политических организаций и т. д., закончившееся после долгих переговоров созданием общей Директории, состоявшей из пяти членов, среди которых был адмирал Колчак – ставленник англичан, в качестве военного министра. Поскольку Самара находилась слишком близко к фронту, местонахождение нового правительства было перенесено в Омск (как и вожаемое золото). Учредительное собрание в принципе оставалось высшим органом, но новое национальное собрание должно было быть избрано к 1 февраля 1919 г. Директория пользуется, несмотря ни на что, из-за участия эсеров, поддержкой населения и объявленная ею мобилизация явно свидетельствует об этом: явились 200 000 призывников. Крупная буржуазия и бывшие аристократы не могли, однако смириться с отстранением от руководства операциями; поэтому при поддержке военщины и с благословения англичан они осуществили государственный переворот и привели к власти адмирала Колчака. Устраненных от власти демократов преследовали, расстреливали без формальностей, рассматривали как врагов; это вызвало вначале их сопротивление и протесты, затем прямые восстания против узурпаторов легитимной народной власти.

По настоянию союзников, Деникин перешел в подчинение Колчаку и оба получили открытую помощь от французов и англичан оружием, амуницией, снаряжением. Союзники выдвинули некоторые формальные условия своей поддержки: Колчак и Деникин должны признать власть будущего русского правительства, сформированного в результате созыва свободно избранного Учредительного собрания, а также, урегулирование конфликтов, вызванных делимитацией границ страны при посредничестве Лиги Наций, в которую должна будет вступить новая Россия.

Ситуация еще более усложнилась из-за прямой интервенции союзников. После Брест-Литовского договора они терялись в догадках относительно намерений правительства Ленина. Оказавшись перед свершившимся фактом и обнаружив его опасные последствия в виде немецких наступлений на французском фронте, Париж, Лондон и Вашингтон вынуждены были определиться в своей позиции; они не оставляли однако надежду повернуть в свою пользу и поменять позицию России, поскольку они знали, что многие руководители, в частности левые эсеры, союзники большевиков, выступали за возобновление боевых действий против центральных империй. Убийство графа Мирбаха, посла Германии в Москве, и последовавшее за ним восстание левых эсеров, вначале успешное, затем разгромленное латвийскими и венгерскими полками, служившими у Ленина, рассеяли их последние надежды, и вынудили их встать открыто на сторону противников большевиков. Чтобы изолировать красную Россию, объективную союзницу Германии, был принят принцип «занавеса из колючей проволоки», названного впоследствии «санитарным кордоном». С этого момента все антибольшевистские силы получают помощь оружием и боеприпасами; чехи – поддержку в сохранении контроля над 7000 км Транссибирской магистрали, а в августе 1918 г. французские и японские войска высаживаются во Владивостоке.

Вступление в войну Соединенных Штатов, с их огромным потенциалом, на стороне французов и англичан окончательно склонило чашу весов в пользу последних; к тому же в германской армии, изнуренной более чем четырьмя годами боевых испытаний, начались волнения; перед этой опасностью полного распада Штаб Центральные империй заключил перемирие с Антантой. Его последствия для ситуации в России были огромными; прежде всего, большевистские руководители аннулировали унизительный Брест-Литовский договор и развязали себе руки в зонах, занятых до сих пор австро-немецами. Со своей стороны Антанта начинает бесцеремонно вмешиваться и оказывать прямую помощь антибольшевистским движениям. Самые серьезные последствия сказались на 600 000 австро-немецких солдат, блокированных на Украине и оказавшихся теперь в западне. Тем из них, которые находились ближе к западу, удалось без больших препятствий покинуть Украину и вернуться домой; остальных непрерывно преследовали отряды партизан, стремившихся отомстить за 80 000 крестьян, жертв оккупантов. Часто австро-немецким эвакуационным конвоям приходилось вести бои, чтобы проложить себе путь, и они не всегда оказывались победителями; в этом случае, офицеры расплачивались своей жизнью за коллективные преступления, тогда как простых солдат отпускали на свободу, не причинив им вреда. Само собой разумеется, трофеи и вооружение перехваченных подразделений конфисковались и использовались для снаряжения местных повстанцев. Еще одно последствие: Польша и прибалтийские страны – Латвия, Эстония и Литва вновь обретают полную независимость.

Вывод австро-германских войск оставил арену свободной для всех движений, располагающих достаточным количеством людей и оружия, чтобы утвердиться. На востоке, в Сибири, армия адмирала Колчака, насчитывающая 130 000 солдат, движется в направлении на Москву; она захватывает одну за другой станции Транссибирской магистрали и занимает позиции на четырех фронтах:

самым важным был центральный фронт, называвшийся западным и установленный в районе Казани. Колчаковцами командовали два чешских генерала, Ян Сыровы и Гайда. Там находилось 42 000 русских и 20 000 чехов, хорошо вооруженных и располагавших 182 пушками. Юго-восточный фронт, простирался от Самары к Оренбургу; в его состав входили главным образом оренбургские казаки под командованием атамана Дутова. Всего около 28 000 человек и 54 пушки. Уральский фронт, расположенный южнее, занимали уральские казаки под командованием генерала Акутина; всего 5500 человек, недостаточно вооруженных. Северо-западным фронтом, который должен был прикрывать огромные территории, расположенные к северу от центрального фронта, командовал генерал Иванов-Ринов, располагавший 36 000 плохо экипированных солдат. Этим фронтам противостояла красная армия такой же численностью 130 000 человек, подразделенная на шесть армий, находившихся под командованием бывших царских генералов, и располагавшая 300 пушками. Ее принудительно мобилизованные солдаты не отличались боеспособностью, поэтому ее пришлось подкрепить енгерскими, латвийскими и китайскими подразделениями, более легкими в управлении.

Добавим к предыдущим фронт атамана Семенова, в Центральной Сибири, поддерживаемый японцами, располагавший многими тысячами бурятов, монголов и уссурийских казаков.

На крайнем севере, в Архангельске высадился британский экспедиционный корпус численностью в 15 000 человек, там было образовано верховное правительство под руководством старого социалиста-народника Н.В. Чайковского. Вскоре, в январе 1919 г. русский генерал Миллер был назначен губернатором области. Он располагал армией численностью в 7000 человек, которой противостояли около 20 000 красногвардейцев.

На юго-западе, в декабре 1918 г., французская флотилия бросила якорь напротив Одессы. Войска генерала Франше д'Эспере (впоследствии ставшего маршалом Франции) должны были обеспечить предполагавшиеся операции на Украине, усиливая контроль над Центральной Европой. К французам присоединились греческий контингент и экспедиционный корпус союзников численностью в 50 000 человек под командованием генерала Ансельма; они расположились в Одесской области от Тирасполя до Херсона и Николаева, а также в Крыму, где французы заняли Севастополь и Симферополь. Их прибытие способствовало сплочению группировок белых офицеров, подчинявшихся генералу Деникину.

Далее к Западу поляки, пользуясь французской военной помощью, приступили к активным действиям на границе с великим северным соседом. Наконец украинские националисты заняли большую часть Украины, но они были плохо вооружены и вынуждены противостоять противнику на всех фронтах, поскольку их никто не признавал: союзники считали их сообщниками немцев, поляки требовали вернуть Галицию, Деникин не признавал их право

на отделение. Москва их игнорировала, и только с Махно установился вначале фактический нейтралитет.

Таким образом, к началу 1919 года несколько важных фронтов окружают ленинскую Россию. Поскольку все фронты были на границах, Ленин располагал огромными пространствами внутри страны. Здесь находились военные заводы и большая часть населения; он мог использовать, кроме того, огромные запасы вооружений царской России. Это были веские енгерскими, латвийскими и китайскими подразделениями, более легкими в управлении.

Добавим к предыдущим фронт атамана Семенова, в Центральной Сибири, поддерживаемый японцами, располагавший многими тысячами бурятов, монголов и уссурийских казаков.

На крайнем севере, в Архангельске высадился британский экспедиционный корпус численностью в 15 000 человек, там было образовано верховное правительство под руководством старого социалиста-народника Н.В. Чайковского. Вскоре, в январе 1919 г. русский генерал Миллер был назначен губернатором области. Он располагал армией численностью в 7000 человек, которой противостояли около 20 000 красногвардейцев.

На юго-западе, в декабре 1918 г., французская флотилия бросила якорь напротив Одессы. Войска генерала Франше д'Эспере (впоследствии ставшего маршалом Франции) должны были обеспечить предполагавшиеся операции на Украине, усиливая контроль над Центральной Европой. К французам присоединились греческий контингент и экспедиционный корпус союзников численностью в 50 000 человек под командованием генерала Ансельма; они расположились в Одесской области от Тирасполя до Херсона и Николаева, а также в Крыму, где французы заняли Севастополь и Симферополь. Их прибытие способствовало сплочению группировок белых офицеров, подчинявшихся генералу Деникину.

Далее к Западу поляки, пользуясь французской военной помощью, приступили к активным действиям на границе с великим северным соседом. Наконец украинские националисты заняли большую часть Украины, но они были плохо вооружены и вынуждены противостоять противнику на всех фронтах, поскольку их никто не признавал: союзники считали их сообщниками немцев, поляки требовали вернуть Галицию, Деникин не признавал их право на отделение. Москва их игнорировала, и только с Махно установился вначале фактический нейтралитет.

Таким образом, к началу 1919 года несколько важных фронтов окружают ленинскую Россию. Поскольку все фронты были на границах, Ленин располагал огромными пространствами внутри страны. Здесь находились военные заводы и большая часть населения; он мог использовать, кроме того, огромные запасы вооружений царской России. Это были веские козыри; однако ему не доставало главного, народной поддержки, поскольку его режиму вредила политика по отношению к крестьянам и даже к рабочим. Первым он навязывает массовые реквизиции хлебобудов и имущества, у вторых он отнял полностью власть избранных ими заводских и фабричных комитетов.

Не обошлось без сопротивления и народных бунтов: по собственным данным большевистского народного комиссариата внутренних дел, с июля до конца 1918 г. только в шестнадцати губерниях европейской России произошло сто двадцать девять антибольшевистских восстаний, в частности, только в двух губерниях, Тамбовской и Воронежской, за этот период имело место двадцать семь восстаний. Согласно этому источнику, основными причинами восстаний были конфискация пшеницы и принудительная мобилизация призывников.

Большинство восстаний были организованы эсерами, но часто они являлись стихийными. Это были кровопролитные столкновения, если судить по тому, что в двадцати двух губерниях европейской России за июль, август и сентябрь 1918 г. большевики и их сторонники потеряли 15 000 человек¹⁴. Правда, репрессии ленинской власти стали должно быть еще более жестокими. Ясно, таким образом, что насильно мобилизованные рабочие и крестьяне не отличались боеспособностью и предпочитали сдаваться в плен при столкновении с решительным противником, пополняя его ряды.

Глава XIII. Рождение махновской повстанческой армии

С конца ноября 1918 г. махновские партизаны удерживали фронт на границе территории Дона и Донецкого бассейна. Они сдерживали движение донской казачьей армии атамана Краснова и отрядов добровольческой армии генерала Май-Маевского. Учитывая протяженность этого фронта, они считали невозможным создать еще другой, на западе в своем тылу, против петлюровцев. Когда петлюровцы допустили формирование белогвардейских отрядов на своей территории, отношения стали напряженными. Они превратились в откровенно враждебные, когда Директория стала на сторону мелкой и средней буржуазии, затем стали почти военными, когда она объявила общую мобилизацию по всей Украине, включая территорию, контролируемую Махно. Он же пытался как можно сильнее противостоять мобилизации; тем не менее, во время встречи в Екатеринославе петлюровского коменданта города Коробца и штаба повстанцев под руководством Алексея Чубенко, был достигнут компромисс, и рассматривался даже вопрос о совместной борьбе против Деникина. Между прочим, националисты снабдили махновцев оружием и боеприпасами.

Однако природа этих двух движений была слишком антагонистична для длительного согласия. Разрыв, как это ни парадоксально, был вызван внешним инцидентом. Петлюровцы разогнали Екатеринославский совет рабочих, арестовали шестерых большевиков и расстреляли двух левых эсеров.

Члены распущенного совета и большевики обратились к Махно. Он согласился вмешаться из чувства солидарности, но также потому, что хотел завладеть огромным арсеналом оружия, хранившимся в городе.

Его первая ошибка состояла в том, что он поспешил на помощь политическим противникам, которых только недавно критиковал. Вторая ошибка носила военный характер: он переоценил помощь, обещанную большевиками и левыми эсерами – тысячу рабочих и бойцов, из которых он получил только половину – и недооценил силы противника – около четырех тысяч человек, не считая постоянно ожидаемых подкреплений. Кажется, он был втянут в это дело не по собственной воле, а по настоянию своего друга Алексея Марченко.

Во главе отряда из шестисот партизан Махно решил атаковать 27 декабря гарнизон областного центра Екатеринослава. Все началось хорошо благодаря изобретательной и смелой военной хитрости: часть партизан под командованием Калашникова, спрятавшись в

утреннем поезде, обычно набитом рабочими, захватила без боя вокзал, тогда как остальные махновцы нейтрализовали охранные посты на подходах к городу. Была захвачена значительная добыча: 20 пулеметов, 4 пушки и боеприпасы. Но петлюровцы закрепились в городе, где уличные бои, непривычные для партизан, длились несколько дней.

В ходе битвы большевики «играли в политику», передали Махно телеграмму от Ленина, которая напоминала ему об их встрече и подтверждала его назначение главнокомандующим «советских» сил Екатеринославской губернии. Махно на это ответил, что нет «советских» сил, а есть только махновская повстанческая армия.

Ничуть не обескураженные, большевики продолжали свои усилия, и сами назначили городское руководство: коменданта города и милиции, комиссара почты и средств связи, а также других бюрократов. Все это происходило в то время, когда Махно сражался день и ночь без передышки на передовой.

В конце боев все эти самоназначенные бюрократы явились в штаб Махно, расположенный на третьем этаже вокзала, чтобы принять «передачу власти». Поняв, как поворачивается дело, Махно их прогнал почти пинками и «подзатыльниками» не только «с этажа, но и с вокзала». Выгнанные в дверь, большевики вернулись через «окно», вновь обратившись к Махно за поддержкой их кандидатуры в ревкоме города, поскольку махновцы, анархисты и левые эсеры там имели большинство и не желали подчиняться. Махно прибыл на место, констатировал ситуацию «политиканства» и отказался как-либо вмешиваться в эти комбинации. Понимая, что они не в состоянии контролировать ситуацию, большевики начали дистанцироваться от махновцев и, что более серьезно, прекратили выполнять задачи военного наблюдения, возложенные на их бойцов. В результате, мощная контратака петлюровцев застигла партизан врасплох, и чтобы не оказаться блокированными на вокзале и уничтоженными, они были вынуждены пересечь Днепр по высокому мосту, который связывал вокзал с другой частью города. Мост остался без прикрытия, так как большевистское подразделение, которому было поручено охранять подход к нему, раскололось на две части: первая, считая, что с нее хватит, в панике бежала, вторая переметнулась на сторону врага и начала стрелять по махновцам. Оказавшись отрезанными от своего тыла, они были вынуждены пересечь едва замерзшую реку по льду; многие погибли под вражеским огнем или утонули в Днепре⁶²¹.

Поход закончился почти полным поражением, повстанцам удалось вывезти только часть вооружения, поскольку железнодорожники-петлюровцы угнали несколько вагонов. Вернувшись в Гуляй-Поле, Махно пришел к согласию со своими товарищами, и они решили созвать реорганизационный съезд фронта; эта задача была поручена рабочему-анархисту Виктору Белашу; а затем Головки, крестьянину из Михайловки, поручили созвать общий съезд рабочих, крестьян и фронтовиков района.

Белаш в спешке проехал по фронту, чтобы объявить, что дата съезда назначена на 3 января. Решение о реорганизации всех партизанских отрядов в полки, принятое месяц назад, не было полностью реализовано. Каждая группа партизан обычно организовывалась в какой-то местности, принимала название ближайшего села, назначала «батюку» и неформально подчинялась «батюке» Махно. Оружия не хватало, едва ли половина партизан

имела винтовки и несколько патронов, к тому же это были главным образом обрезы охотничьих ружей и кремниевые ружья; остальные вооружались чем могли – пиками, вилами и дубинками. Их лучшим оружием была еще яростная решимость освободить или защитить села от угрожавших им всяческих врагов.

Съезд фронта состоялся 3 и 4 января на вокзале станции Пологи, железнодорожного узла, расположенного на полпути между Гуляй-Подем и Мариуполем. В нем участвовало сорок делегатов, по одному от каждого отряда. Махно, занятый на фронте, в нем не участвовал.

Первые выступления показали острую потребность в вооружении и единстве командования. Белаш предложил все отряды, большие и малые, слить в полки, которым будет придано по санитарному подразделению и взводу снабжения. Единогласно приняли резолюцию о коренной реорганизации фронта; создали оперативный штаб, дополняющий главный штаб Махно. Этот оперативный штаб должен был располагать неограниченными полномочиями на фронте и в тылу; на него должны быть возложены задачи по слиянию отрядов в полки, распределению снабжения, организации новых отрядов и различных штабов фронта, а также руководство боевыми операциями. Все отряды, которые ему не подчинятся, будут разоружены, а их командиры переданы в распоряжение главного трибунала повстанцев.

Было также принято решение полностью поддерживать советы и пресекать любые действия против них со стороны каких бы то ни было военных властей; повстанцы должны остаться в их распоряжении для защиты конфискованного у собственников имущества, которое будет распределено только на общем съезде. Повстанцы также взяли на себя обязательство бороться против любых проявлений бандитизма.

В заключение съезд избрал оперативный штаб из шести членов: начальником штаба был назначен Белаш. Ему была предоставлена широкая возможность кооптировать других членов. Он разработал приказ о реорганизации Фронта, который немедленно был разослан во все отряды. На первом фронте протяженностью в 160 км, было образовано пять полков, насчитывающих 6200 бойцов, только половина из которых имела оружие. Каждый полк состоял из трех батальонов, каждый батальон из трех рот и каждая рота из трех взводов. Командиры батальонов, рот и взводов должны были избираться, каждый полк сам назначал свой штаб⁶³².

Повстанцы сражались с многочисленными и хорошо вооруженными противниками на северо-западе, со стороны города Александровска, – 2000 петлюровцев; на западе – бригады Эгера и отряды немецких колонистов, всего 5000 человек; на юге – отряд в 4500 украинских белых добровольцев и другие подразделения под командой генерала Май-Маевского. Среди этих войск находились насильно мобилизованные местные крестьяне и предполагалось, что они воспользуются первыми столкновениями, чтобы присоединиться с оружием и выкладкой к маховским повстанцам. Поэтому маховцы перешли 8 января в наступление, несмотря на меньшую численность и нехватку вооружения. Присоединившиеся к ним подразделения значительно усилили повстанцев: на 20 января их южный фронт насчитывал 15 000 пехотных стволов, 1000 человек кавалерии, 40 пулеметов и протягивался на 250 км. На западе отряд из 2000 маховцев под командой Чалого стоял против петлюровцев. На севере отряд под командованием Петренко, к которому присоединились партизаны-анархисты,

левые эсеры и большевики, насчитывал около 10 000 человек. Многие местные партизанские группы действовали на Фронте еще независимо; в Гуляй-Поле и Пологах стоял резерв в 5000 человек. Таким образом, не считая местных независимых партизанских групп, махновская повстанческая армия насчитывала, 19 января 1919 г., около 29 000 бойцов на передовой и 20 000 человек в резерве из-за нехватки оружия. Она удерживала фронт общей протяженностью в 550 км против украинских националистов и белых. Повстанческое движение усиливалось со дня на день, несмотря на то, что наступления противника становились все сильнее. 20 января, для усиления бригады Эгера и немецких колонистов, находившихся в трудном положении в Геническе, на одном из двух перешейков Крыма, высадился прибывший с Кавказа экспедиционный корпус, состоящий из 2000 пехотинцев и 300 человек кавалерии. В тот же день в Бердянске также высадилось 10 000 белых пехотинцев. Третий контингент белых в 5000 пехотинцев и 2000 кавалерии высадился в другом порту на Азовском море, в Мариуполе. Четвертый контингент белых войск численностью в 2000 пехоты и 800 человек кавалерии шел со стороны Кавказа на Гуляй-Поле. Все это были отборные войска, донские казаки, чеченцы⁶⁴³, переведенные в подчинение генералу Май-Маевскому, который намеревался очистить район, прежде чем двинуться маршем на Москву.

Шли жестокие бои; население пыталось по возможности укрыться в лесах, особенно мужчины, чтобы избежать расстрела или принудительной мобилизации; большинство пыталось добраться до Гуляй-Поля, центра сопротивления. Их жен, вынужденных оставаться присматривать за детьми, насиловали солдафоны. Белые неудержимо продвигались вперед и овладели окрестностями Гуляй-Поля. В это время, 23 января, в Больше-Михайловке открылся первый районный съезд крестьян, рабочих и фронтовиков. Сто делегатов представляли сельские волости и партизанские отряды. В связи с критической ситуацией порядок дня включал единственный вопрос укрепления фронта и ходатайства перед петлюровской Директорией о возврате домой мобилизованных крестьян. Махно на нем не присутствовал, он сражался на фронте. В отличие от предыдущего съезда, где почти все участники были анархистами, на этом были избраны только левые эсеры и максималисты на ответственные посты, кроме Головки, председателя съезда.

Делегаты съезда приняли решение о мобилизации всех, кто был в армии во время войны 1914-1917 и, следовательно, хорошо владел оружием. Это мобилизация была не принудительной, а моральным долгом защиты революции. Кроме обещания поддерживать всеми средствами махновское движение участники съезда поставили своей задачей вернуть из петлюровской и белой армии всех насильно мобилизованных. Для этого была избрана делегация, получившая специальный наказ.

Эта пропаганда не была безрезультатной: крестьяне массово дезертировали из петлюровской армии, убедившись в ее шовинистической и буржуазной природе. Таким образом, партизаны освободили почти без боя многие места, удерживаемые украинскими шовинистами. Именно в это время появились первые подразделения красной армии, прибывшие из России, они обосновались в освобожденных и «открытых» городах. В Харькове, освобожденном отрядом анархиста Чередняка, в январе 1919 г. провозглашено украинское советское правительство во главе с большевиком Христианом Раковским. Таким образом, Ленин негласно аннулировал Брест-Литовский договор.

26 января Екатеринослав, оставленный петлюровцами, был занят матросом-большевиком Павлом Дыбенко, имевшим под своим командованием двенадцать бронепоездов и пехотный отряд.

Взятие красной армией Луганска, нервного узла Причерноморья, отрезало экспедиционные корпуса белых от их баз и заставило их отойти с занятых позиций. 26 января совместное заседание оперативного штаба Белаша и главного штаба Махно приняло решение послать Чубенко к Дыбенко, с просьбой помочь вооружением и боеприпасами. Алексей Чубенко получил также полномочия подписать в случае необходимости военное соглашение. Время поджимало, поскольку белые приступили к перегруппировке сил для начала общего штурма. Чубенко встретился с Дыбенко и заключил с ним соглашение, текст которого он сообщил по телефону своим товарищам для одобрения.

Согласно этому чисто военному договору повстанческая армия преобразовывалась в 3-ю Днепровскую бригаду имени батеньки Махно и вошла в состав красной армии, со своей стороны красная армия обязывалась поставлять вооружение, продовольствие и необходимые денежные средства.

Махновцы сохраняли свою внутреннюю структуру, основанную на принципе добровольчества, самодисциплины и выборности всех командиров⁶⁵⁴. Дыбенко пообещал прислать через два дня 10 000 винтовок, 20 пулеметов, патроны, артиллерийскую батарею, деньги и т. д. Повстанцам не терпелось получить все эти средства, чтобы перейти в наступление и освободить свой район: они решили отправить еще одну делегацию в Харьков, чтобы также подписать соглашение с правительством Раковского и получить как можно скорее оружие и от него.

Тем временем противник начал наступление: повстанцы ответили штыковой атакой и отбросили наступавших. Контратака махновцев была успешной и превзошла все надежды. Окрестности Гуляй-Поля вновь освобождены от чеченцев. Штыковые атаки и контратаки следовали одна за другой. Повстанцам, воодушевленным освобождением своих близких, удалось отбросить противника на прежние позиции.

В Харькове махновскую делегацию принял командующий украинским фронтом Антонов-Овсеенко, который успокоил ее в отношении соглашения, заключенного с Дыбенко, подтвердив, что он является официальным представителем красной армии и украинского советского правительства. Делегации передали пожелание как можно скорее освободить район и приступить к «организации хозяйства и коммунистического общества»⁶⁶⁵.

Белаш отправился также в секретариат конфедерации анархистов Украины «Набат», где доложил товарищам положение дел и попросил помочь пропагандистской анархистской литературой. Первая группа анархистов немедленно отправилась в Гуляй-Поле, захватив четверть вагона литературы и конфедеративную газету «Набат». Вторая группа готовилась присоединиться к ним вместе с активистами из Москвы, среди которых был Петр Аршинов, товарищ Махно по каторге.

Глава XIV. Советская власть и власть советов

Воспользовавшись суматохой, вызванной отступлением австро-германских войск с Украины, большевики поспешили занять города Киев и Харьков. Они создали там украинское «советское» правительство, под руководством Христиана Раковского, затем при помощи штыков красной армии попытались продвинуться на юг. Просьба о помощи со стороны махновцев была, как святая вода на их мельницу: теперь они могли ссылаться на волю масс местного населения. Оно еще не знало, что прячется за всей фразеологией и за всеми привлекательными официальными лозунгами ленинцев; оно не знало также ничего о ситуации в России и в частности о политике, которую вела там Москва по проблемам крестьянства. Каково же было, впрочем, настоящее положение дел?

В соответствии со своим старым катехизисом большевики считали пролетариями лишь промышленных рабочих, которых можно действительно использовать в социальной революции; крестьяне же рассматривались как консерваторы, стремящиеся только стать мелкими собственниками и самим обрабатывать свой кусочек земли, оставляя открытой дверь, по мнению Ленина и его сторонников, для мелкобуржуазного капиталистического производства⁶⁷¹. Крестьяне станут действительно революционными, только если у них не будет земли, и если они будут работать в качестве наемных рабочих в больших капиталистических или государственных хозяйствах. Кроме того, из-за трудностей в снабжении городов около восьми миллионов человек вынуждены были перебраться в деревню; это была податливая и легко управляемая масса, поскольку она не обладала землей. Именно этим, не имеющим корней, большевики предназначали экспроприированные большие помещичьи угодья, в ущерб местному крестьянству, жаждавшему их разделить и увеличить свои узкие полоски земли. Эти горожане – безземельные крестьяне – будут названы «бедным крестьянством» и организованы в комитеты – комбеды – представляя собой, таким образом, новую опору власти на селе; их будут подстрекать к конфискации имущества и продуктов крестьян «кулаков», на самом же деле у большинства крестьян, поскольку настоящие «кулаки» были отстранены уже в 1917-1918 гг. или же их положение стало более скромным.

К тому же, чтобы хоть как-то смягчить недостаток снабжения городов продовольствием, власть организовала мобильные отряды для реквизиции, отправляемые непосредственно в деревни, где взамен за отнятые продукты крестьянам выдавали бумажки – талоны или квитанции; некоторые из этих отрядов просто грабили население, в случае необходимости расстреливая недовольных и поджигая их дома. Такие методы вызвали, как мы это видели, многочисленные крестьянские бунты и восстания, потопленные в крови «янычарами режима».

Действительно, валящим наповал аргументом ленинского режима был сознательный террор: за красной армией повсюду следовала ЧеКа, которая немедленно принималась за превентивную «чистку», то есть расстреливала лиц, рассматривавшихся как потенциальные враги власти, и эти операции проводились в крупных масштабах. Председатель киевской ЧеКа Лацис, по этому поводу заявлял своим подчиненным:

*«У нас новая мораль. Наша гуманность абсолютна, ибо в основе ее славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства».*⁶⁸²

«Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию, как класс». «Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии».

«Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого».

*«В этом – смысл и сущность красного террора».*⁶⁹³

В Украине также применялись эти методы, как мы это увидим в Екатеринославе, захваченном на несколько дней махновцами, отбитом петлюровцами, затем занятом на более продолжительное время красной армией. Один из жителей города, Г. Игреньев, свидетельствует: в первые дни красные войска произвели хорошее впечатление, не было никаких эксцессов, попытки мародерства нескольких китайских солдат были пресечены в зародыше, кое-кого из них расстреляли. Затем все поменялось:

В общем первые дни прошли так спокойно, что население начало благословлять советский режим, положивший конец естественному состоянию. Однако вскоре пришлось познакомиться и с обратной стороной медали. На 5-ый день в Екатеринослав приехала из Харькова чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и стала напряженно работать. Пошли безконечные аресты и разстрелы без суда. Хватали направо и налево всех, кто попадал под руки, не только бывших приверженцев гетмана, но даже и петлюровцев. Многих расстреливали тут же в чрезвычайке, после первого же допроса, часто по недоразумению... Не было ни одной интеллигентной семьи, в которой никто не был бы арестован. Справок об арестованных не давали; чрезвычайная комиссия охранялась двойной цепью патруля, который никого не пропускал в ее стены... Деятельность «Ч. К.» так доминировала в городе, что делала как то незаметной власть наскоро организованного президиума екатеринославского совета рабочих депутатов. Однако, и эту власть обыватель почувствовал вскоре, и прежде всего в продовольственном отношении. После учреждения городского комиссариата продовольствия в Екатеринославе заметно стали таять запасы. Прежде всегда (даже непосредственно после сражений) заваленный припасами рынок сразу опустел. Цены росли ежедневно и с бешеной быстротой. За первые 3 недели они поднялись вдвое и стали затем расти в геометрической прогрессии. Причины этого на первый взгляд странного явления были чрезвычайно просты. Раздав населению продовольственные карточки, на которые нельзя было получить никаких продуктов, даже хлеба, так как продовольственно-кооперативного аппарата наладить еще не удалось, комиссариат

*продовольствия стали энергично бороться с свободой торговли. Екатеринослав был оцеплен заградительными отрядами, отбиравшими безжалостно у крестьян все продукты, которые они пытались привести в город. Между тем, громадные городские запасы продовольствия стали быстро раскупаться всякими закупочными отрядами, нахлынувшими с севера. При помощи такой системы богатый в продовольственном отношении центр плодороднейшего края был превращен в короткий срок в голодную пустыню. И так как в городе не существовало налаженной кооперативной организации, положение населения начало становиться хуже, чем на севере.*⁷⁰⁴

Новая власть ввела многие другие реформы, из которых самой оригинальной явилась, наверное, реформа образования: последний, восьмой класс средней школы был попросту упразднен, преподаватели должны были избираться и для этого им следовало представить свое «политическое и педагогическое кредо». Все это проводилось под высочайшим руководством юного студента, превращенного в комиссара по образованию. Во всех учреждениях организовали партячейки, главной целью которых было разоблачать преподавателей – «еретиков».

Для махновцев власть советов не просто имела другое семантическое звучание, для них советы были свободными органами, создаваемыми самими трудящимися и выражающими прямо, без каких-либо посредников, их волю и чаянья.

Эти две социальные и политические концепции построения коммунизма сверху или снизу: авторитарная или анархистская, радикально противостоят друг другу. Процитируем по этому поводу Петра Аршинова, автора летописи махновского движения:

*Государственники боятся свободного народа. Они утверждают, что народ без власти потеряет якорь общественности, рассыпется и одичает. Это, конечно, вздор. Он говоритса бездельниками, любителями власти и чужих трудов, или слепыми мыслителями буржуазного общества. Освобождение народа действительно означает вырождение и одичание, но не народа, а тех, кто, благодаря власти и привилегиям, живет трудом рук его, соком его сердца.*⁷¹⁵

Крестьяне Гуляйпольского района возложили на себя миссию показать справедливость этой концепции. На протяжении более шести месяцев, с ноября 1918 г. по июнь 1919 г., несмотря на состояние войны, они жили безо всякой политической власти и организовали свободные советы и анархистские коммуны труда и быта. В одной из резолюций уездного крестьянского съезда утверждается, что «земля не принадлежит никому и ее могут использовать только те, кто ее обрабатывает» (такое отречение от государства вызывает сожаление советского историка Кубанина). Наиболее значительная из этих коммун, носившая имя Розы Люксембург в честь погибшей революционерки (ее личности, а не ее идей), объединила в марте 1919 г. сорок семей. К первому мая она насчитывала уже 285 человек (взрослых и детей) и засеяла 125 гектаров.

Десятки анархистов, среди которых П. Аршинов и А. Барон, прибыли из городов по просьбе Махно: они помогали в издании органов повстанческого движения «Путь к свободе», затем «Голос махновца». Украинская конференция анархистов «Набат» переместилась в Гуляй-

Поле.

В своих воспоминаниях Виктор Белаш дает описание Гуляй-Поля того времени. На здании штаба повстанческой армии висели большие черные знамена с лозунгами «Война дворцам, мир хижинам!», «С угнетенными против угнетателей всегда», «Освобождение трудящихся – дело рук самих трудящихся!». Над соседним зданием, где заседал волостной совет крестьянских, рабочих и повстанческих депутатов, развевались два других флага с надписями: «Власть рождает паразитов. Да здравствует Анархия!» и «Вся власть советам на местах!».

Как было предусмотрено, второй районный съезд крестьян, рабочих и фронтовиков состоялся 12 февраля 1919 г. в Гуляй-Поле. На нем собралось 245 делегатов, представлявших 350 сельских волостей. В этот раз на нем присутствовал Махно. Он отклонил предложение выдвинуть свою кандидатуру на председателя съезда, поскольку напряженная ситуация на фронте могла потребовать в любой момент его участия. Он был избран, тем не менее, почетным председателем собрания. Отправленная в Харьков делегация отчиталась о своих переговорах с секретарем правительства, так как она не была принята министрами – народными комиссарами. Этот официальный представитель заявил, что правительство не намеревается вступить во враждебные отношения с махновским движением, что заключенное соглашение еще официально не принято, но, по всей вероятности, это будет сделано. Тогда на съезде состоялась оживленная дискуссия о концепции свободных советов и ее несовместимости с любой партийной властью:

Врем. правит. Украины «сидело в Москве, в Курске, выжидая, пока рабочие и крестьяне Украины освободят территорию от врагов. Теперь... неприятель разбит... к нам появляется какое то большевистское правительство и навязывает нам свою партийную диктатуру. Допустимо ли это?.. Мы беспартийные повстанцы, возставшие против всех наших угнетателей, не допустим нового закрепощения, от какой бы партии оно ни исходило».

Повстанец-анархист Бойко заявил:

Тов. Бойко, повстанец-анархист, заявляет: «... нам необходимо создать советы, которые находились бы вне давления каких бы то ни было партий. Только свободно-избранные, беспартийные, трудовые советы способны дать нам новую свободу и спасти трудовой народ от рабства и угнетения. Да здравствуют свободно-избранные безвластные советы».

В таком же духе выступил Махно. Принятая съездом резолюция, таким образом, хорошо выражает недоверие участников по отношению к политической власти, установленной большевиками⁷²⁶.

Съезд избрал, наконец, районный Военно-Революционный Совет, который стал его исполнительным органом между сессиями. Он мог быть, однако, в любой момент распущен чрезвычайным съездом. Его полномочия касались всех аспектов повстанческого движения в районе: военного, социального, экономического и политического. В Гуляй-Поле создан главный отдел снабжения, он централизовал продукты и фураж, чтобы распределять их затем для всего фронта. Наконец, была подтверждена «добровольная» и «равная»

мобилизация, апеллировавшая к сознательности и доброй воле каждого; она должна быть пропорционально распределена между каждой деревней, селом и волостью, чтобы продолжал обеспечиваться минимум сельскохозяйственных работ.

Несмотря на наплыв добровольцев, ввиду нехватки оружия, многие будут временно отправлены обратно домой. Но уже наличное оружие используется не классически; Кубанин жалуется также и на этот подрыв традиций: пехота, посаженная на тачанки, следовательно, чрезвычайно мобильная, могла преодолеть от 60 до 100 км в день; на этих тачанках устанавливались пулеметы, если они были; использовались винтовки-обрезы, более легкие в обращении на близкой дистанции и в рукопашном бою; повстанцы предпочитали, впрочем, именно этот вид боя: они появлялись как можно внезапнее в тылу или на фланге противника, атаковали его в упор вначале винтовками и пулеметами, затем саблями, которыми владели отлично. Также использовалась артиллерия, ею командовал очень опытный в этом деле Василий Шаровский.

Повстанческое движение насчитывало, по данным Махно, в феврале-апреле 1919 г. около 30 000 бойцов и 70 000 резерва, по-прежнему из-за нехватки оружия, но готового в случае необходимости выступить на фронт.

Отметим, что повстанцы стремились к солидарности с рабочими больших городов; гуляйпольские крестьяне выдвинули лозунг: «Рабочий, дай нам руку!» и проводили его в жизнь, устанавливая прямые контакты. Яркий пример того – 100 вагонов пшеницы, отбитых у белых в феврале 1919 г. и отправленных в сопровождении делегации в Москву. Однако на этот независимый поступок и на эти спонтанные действия косо смотрели московские большевистские магнаты, и их неприязнь не перестанет расти.

Глава XV. Союз с красной армией

Махно и штаб повстанцев вступили в союз с красной армией, с одной стороны, потому что они ставили «интересы революции выше идеологических разногласий» (Махно), с другой стороны, потому что они страдали из-за страшной нехватки оружия и боеприпасов, а захваченных у врага трофеев не хватало, ни чтобы обеспечить ежедневную потребность в патронах, ни чтобы вооружить многочисленных добровольцев, которые приходили, чтобы сражаться в их рядах. Для махновцев речь шла исключительно о военном договоре, и ни в коем случае не о политическом, так как в этом плане большевики оставались для них противниками, как это явствует из дебатов на втором районном съезде. У Москвы была другая точка зрения: начиная с того момента, когда установлен военный союз, автоматически наступает политическая зависимость, а именно официальное признание авторитета украинской «советской» власти. Эти две различные интерпретации стали источником губительного конфликта. Пока же у большевиков не было другого выбора: у них почти не было войск на Украине и они находились под давлением опасности наступлений белых.

Действительно, красная армия на Украине в начале 1919 г. состояла почти исключительно из отрядов местных партизан, которые перешли в ее подчинение по той же причине, что и махновцы. Такой состав мало подходил красному руководству, озабоченному иерархическим порядком и дисциплиной. Первое время его усилия были направлены на преобразование партизанских отрядов в полки, бригады и дивизии. Вот как один из главных большевистских военных руководителей того времени Виталий Примаков представляет эту фазу:

- концу января относятся и значительные реформы в повстанческой армии. Дивизии были организованы по типу русских штабов, улучшено качество сотрудников штаба. Некоторые командиры полков отстранены от командования за бандитизм. В полках введен институт комиссаров, в дивизиях организованы политотделы. Самостийные командиры полков были устранены или расстреляны. Упразднено наименование «атаман полка» и введено название «командир полка». Лучшие полки развернуты в бригады: 1-й Богунский полк – в Богунскую бригаду, 2-й Таращанский – в Таращанскую бригаду, 3-й Новгород-Северский и Нежинский полки сведены в 3-ю бригаду. Во 2-й дивизии 5-й полк развернут в бригаду. Конница увеличена до 6 сотен (эскадронов) в полках: в двух конных полках, бывших в составе армии, – 1-м Червонном казачьем и 1-м кавалерийском – насчитывается по 1200 сабель. При пехотных дивизиях формируются дивизионы артиллерии. Проводя эти переформирования, повстанческая армия останавливается на линии р. Днепр и здесь формируется в течение всего февраля.*

На линии Днепра повстанческая армия вошла в соприкосновение с атаманами Григорьевым, Махно и другими. Перед правительством встала задача уберечь армию от широкого заражения махновщиной и григорьевщиной, и эта задача целиком легла на молодой политсостав армии. Политсостав вел и агитационную борьбу, и работу ЧК, не только воспитывая войска, но и расстреливая наиболее злостных атаманов, – эта тяжелая работа с честью была выполнена молодым политсоставом.⁷³¹

Таким образом, главная забота большевиков состояла в проведении грубой полицейской операции, чтобы превратить революционных и свободных повстанцев в покорную и рабскую массу, расстрелять в случае необходимости честных революционеров, единственная вина которых состояла в том, что они не подчинились евангелию ленинского государства. Примаков, сыгравший, по-видимому, первостепенную роль в этом процессе, не говорит о том, что все это время «атаманы», распространение влияния которых он боялся, героически удерживали фронт против белогвардейцев.

В соответствии с заключенным военным соглашением большевистские политкомиссары должны были работать внутри махновской повстанческой армии, – помпезно переименованной в бригаду. ЧеКа также хотела проверять население. И тех, и других изгоняли крестьяне, к ним относились с презрением повстанцы, которые боролись за свою землю, за свои дома и за свою свободу и которые знали, что наилучшей гарантией этому могла быть только победа социальной революции и которым не нужны были политические уроки новообращенных в социалистическую религию, называемую научной. Сам Махно, вынужденный с ними мириться, «относился к ним с иронией», жаловались большевистские миссионеры.

Впрочем, большевики не соблюдали с тщательностью военное соглашение: кроме первой партии в 100 000 патронов и 3 тысяч итальянских винтовок особого калибра, к которым было всего по дюжине патронов, махновцы не получили больше ничего, ни обещанных пушек, ни пулеметов. К тому же, в некоторых случаях патроны были бракованными из-за саботажа деникинских партизан, проникших внутрь красной армии (некоторые из них будут впоследствии разоблачены и расстреляны). Такое дозирование поставок было преднамеренным по причинам, изложенным выше Примаковым, и распространялось также на Дыбенко, который был, однако убежденным большевиком, но подозревался несмотря ни на что, в том, что играл в «атамана»: у него бойцы имели право на одну винтовку на двоих, тогда как у Григорьева – одну на троих, но самое худшее соотношение было, однако у махновцев, у которых одна винтовка приходилась на четырех партизан.

Большевики жаловались также на растущее влияние анархистов, на повстанческое движение, и еще больше на присутствие достаточно большой группы левых эсеров (которых повстанцы принимали только потому, что они боролись против белых и за власть свободных советов). Тем более, что среди этих левых эсеров находился Виктор Попов, черноморский матрос, который руководил мятежом левых эсеров против Ленина, в июле 1918 г., и был в двух шагах от успеха (он сыграет впоследствии очень активную роль в махновском движении, занимаясь среди других, службой разведки).

Махно не удовлетворился карантинной изоляцией политических комиссаров, он арестовал отряд чекистов, который свирепствовал в Бердянске и силой направил его на фронт на передовую. Ничего удивительного, что в этих условиях отношения стали напряженными, и что красные власти постоянно выискивали к чему придраться, выдумывая бунты там, где имело место простое передвижение войск с целью замены.

Свидетельство Иосифа Дыбеца проливает свет на эти трения и вероломство большевиков. Отягощающее обстоятельство – их автор, бывший крупный анархо-синдикалист, один из основателей «Голоса труда», главного русского органа этого направления, выходившего в США, где он провел десять лет в эмиграции. Туман в его мозгах, как он пишет, рассеялся, когда он прочел работу Ленина «Государство и революция», а затем принял с воодушевлением религию реализма и эффективности нового «папы». В феврале 1919 г. он находился в Бердянске. Махновцы заняли порт, и он встретился с Махно, результатом был следующий лаконичный обмен репликами:

- Здравствуй, Дыбец. Значит, ты ренегат теперь?*
- Здравствуй. Значит, ренегат.*
- Выходит, совсем большевик?*
- Выходит, совсем.*
- Да, многие продаются большевикам. Ничего не поделаешь.*
- Значит, продаются. И я продался.*
- Но гляди не пожалей.*
- Гляжу.*

Жена Дыбеца Роза осталась анархисткой и, более того, она содержалась десять лет ранее в той же тюрьме, что и Махно, в Екатеринославе. Это служило в пользу Дыбеца, позволявший ему некоторую свободу тона в разговоре с Махно. Вот их диалог, каким его, по крайней мере, передает Дыбец:

- Какая же у тебя программа?*
- А вот свергнуть сначала белых, потом большевиков.*
- Ну, а дальше?*
- Дальше народ сам будет управлять собой.*
- Как управлять? Дай ты себе отчет.*

В ответ он туманно излагает анархические идеи о безначалии, о крестьянских коммунах, не подчиненных никакому государству, никакому организующему центру.

- Наша же деятельность, – говорит он, – только агитация и пропаганда. Народ сделает все сам. Этого мы придерживаемся и в военном деле. Сама армия собою управляет.*
- Чепуха. Полнейшая чепуха.*

Но Махно твердит:

- Вот посмотришь. Разделаемся сначала с белыми, потом с большевиками.*

Дыбец обратился еще в другой раз к Махно, спросив, какой режим он рассчитывает установить. Украинский анархист ответил: «Народную коммуну. Анархистскую республику», и в этом нет ничего удивительного. Дыбецу кажется, что он нашел решающий аргумент, ответив Махно, что тот не умеет даже управлять заводом и что его окружают одни бандиты

и анархисты, избежавшие пуль ЧеКа! Махно снисходительно прервал разговор, обозвав его несколько раз «ренегатом».

Каким бы запоздалым и внезапным ни было это обращение, Дыбец играл важную роль среди местных большевиков; он руководил одним из Бердянских революционных комитетов, который представлял только большевиков, но узурпировал себе, однако, некоторые права. Так, Дыбец похвалялся, что сыграл хорошую «шутку» (махновцам). В то время когда половина из них, по свидетельству Антонова-Овсеенко, была почти босой, а Военный революционный совет Гуляй-Поля просил о срочной отправке двенадцати вагонов кожи, произведенной в бердянских кожевнях, он сумел отправить их на Москву, а затем обвинил с возмущением махновцев, возложив на них ответственность за эту пропажу. Он торжествуя вспоминает, что этот случай стал решающим аргументом в его дискуссиях с махновцами; при малейшей трудности он им повторял: «А где кожа, что вы с ней сделали?»⁷⁴².

Махно позволил печатанье большевистских газет в Гуляй-Поле, Бердянске и Мариуполе. Некий Уралов, член ленинской партии, рассказывает об этом опыте: с махновским пропуском он прибыл в Бердянск, чтобы печатать газеты своей партии. С первых же номеров он резко выступил против махновских повстанцев, в то время когда те были заняты сдерживанием вражеского наступления. Когда протесты не дали никакого результата, повстанцы явились, чтобы уничтожить полосы третьего номера провокаторского органа Уралова⁷⁵³.

Повстанцы же вели честную игру: они направили два своих испытанных полка помочь Дыбенко сражаться в Крыму с отрядами белогвардейцев и немецких колонистов. Со своей стороны они перешли в наступление в апреле и остановились за несколько километров до Таганрога, где находился штаб деникинской армии. Нехватка вооружения и боеприпасов не дала возможности продолжить наступление и закрепить успех. По воле случая они столкнулись в Мариуполе с присутствием французов, которые выгружали оружие и снаряжение для деникинцев. Французы, испытывавшие срочную нужду в топливе, предложили повстанцам оружие в обмен на уголь, лежавший кучами на набережной, но натолкнулись на категорический отказ, и дело закончилось «обменом» несколькими выстрелами из пушек.

Газета «Правда», официальный орган Кремля, признала заслуги Махно и написала о нем 3 апреля 1919.

О Махно украинцы говорят: «Наш батько чи с чертом знається, чи с богом, а только все ж не простий человек». В селе Гуляй-Поле имеется завод сельскохозяйственных машин; на нем Махно, Нестор Иванович, работал в качестве маляра и токаря. В 1905 г. сошелся с группой анархистов, участвовал в политубийствах и экспроприациях. Будучи пойман, был сослан на каторгу. Революция 1917 г. освободила его. Он вернулся в Гуляй-Поле и здесь организовал анархический отряд. С приближением австро-германцев отряд был разоружен. Махно ускользнул, подобрал себе семь человек головорезов и начал смертную борьбу с австро-венгерцами, петлюровцами, гайдамаками, помещиками... Крестьяне, несмотря на угрозу расстрела за укрывательство Махно, оказывали ему всяческое содействие. Он стал формировать отряд. Директория предложила ему присоединиться к ее войскам, но Махно

отказался и заявил на запрос селянского съезда в Александровске, что петлюровщина "это авантюра, отвлекающая внимание масс от революции". Махно взял Екатеринослав, с 600 человек ворвавшись на поезде в город; но вынужден был отступить на Днепр. Махновцы решили, оставшись без патронов, перейти к петлюровцам. Сам Махно запротестовал. Дыбенко, через головы петлюровцев, послал Махно с крестьянами патроны в мешках и запросил – признает ли он советскую власть? Махно, ударяя на кадет, погнал их в Полог и ответил Дыбенко о своей лояльности. Оставаясь под его командованием, отряды влились в Красную армию, образовав бригаду Заднепровской дивизии. Махно получил задачу разбить добровольцев и очистить железную дорогу до Бердянска, которую выполнил блестяще. Добровольцы, лучшие гвардейские силы, разбиты».

Дело усложнилось, тем не менее, когда Военный Революционный Совет, избранный вторым съездом крестьян и повстанцев, созвал третий районный съезд 10 апреля в Гуляй-Поле. В нем приняли участие делегаты от 72 волостей, представлявшие более двух миллионов жителей. Все гражданские и военные вопросы на нем обсуждались «с большим увлечением» (Аршинов). К концу заседания съезд получил телеграмму Дыбенко, в которой он объявил съезд контрреволюционным и пригрозил, что его организаторы будут «подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона». Обращаясь к Махно, Дыбенко требовал не допускать впредь повторения подобных фактов; копия телеграммы была направлена в Гуляйпольский Совет. Военный Революционный Совет при этом полностью игнорировался. В своем ответе, ставшем знаменитым, Совет взял на себя труд объяснить Дыбенко ситуацию:

Но прежде чем объявить съезд контрреволюционным, «тов.» Дыбенко не потрудился узнать: от чьего имени и для чего созывался таковой, и благодаря этому он объявляет, что съезд созывался от имени распущенного Гуляй-Польского Военно-революционного штаба, а на самом деле таковой созван Исполнительным Комитетом Военно-революционного Совета. Поэтому последний, как виновник созыва съезда, не знает, считает ли его ««тов.» Дыбенко вне закона.

Если да, то позвольте «Вашу Высокопоставленную» личность познакомить с тем, кто и для чего созывал этот (но вашему явно контрреволюционный) съезд, и тогда, может быть, вам не будет он таким страшным, как вы его рисуете.

Съезд, как сказано выше, созывался Исполкомом Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района на 10 апреля в с. Гуляй-Поле (как центральное село). Назывался третьим районным Гуляй-Польским съездом. Созывался для указания дальнейшего направления деятельности Военно-революционного Совета. (Видите, «тов.» Дыбенко, уже три таких «контр. революционных» съезда было). Но вопрос: – откуда взялся и для чего создан районный Военно-революционный Совет? Если вы, «тов.» Дыбенко не знаете, то мы вас познакомим. Районный Военно-революционный Совет образован согласно резолюции второго съезда, бывшего в с. Гуляй-Поле 12 февраля с. г. (видите, как давно, когда вас здесь еще не было), для того, чтобы организовать фронтовиков и провести добровольную мобилизацию, так как вокруг были кадеты, а повстанческих отрядов, составленных на первых добровольцев, недостаточно было для того, чтобы занять широкий фронт. Советских войск в нашем районе никаких не было, да от них население района и не ждало большой

помощи, и считало своим долгом самозащиту.

Авторы этого ответа объясняют, как и почему был создан Военный Революционный Совет, состоявший из тридцати двух членов, по одному от каждого уезда Екатеринославской и Таврической губерний, затем они возвращаются к причине созыва второго съезда, собравшегося по инициативе группы из пяти членов, назначенных первым съездом 23 января, которые не были поставлены вне закона, поскольку не существовало еще того типа: «ибо вы, тов. Дыбенко, и подобные вам законники, в то время находились далеко-далеко, а герои, вожди повстанческого движения, к власти над народом, который собственными руками разорвал цепи рабства, не стремились, а потому и съезд не был объявлен контрреволюционным, а созвавшие его – вне закона»⁷⁶⁴. Далее они объясняют своему совершенно неосведомленному собеседнику сами причины повстанческого движения и эволюцию его борьбы против различных врагов, и, наконец, переходят к вопросу об избрании подвергаемого сомнению совета, располагавшего лишь исполнительной властью, и о главенствующей роли III съезда, который должен рассмотреть текущие события и определить отношение к ним. В заключении «товарищ» Дыбенко сурово предупреждался:

Вот перед вами картина, «тов.» Дыбенко, которая должна Вам открыть глаза. Опомнитесь! Подумайте! Имеете ли вы, один человек, право объявлять слишком миллион народа контрреволюционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению строит свою жизнь?

Нет! Если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни. Могут-ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона? (Исполком Совета олицетворяет собою всю массу народа). Допустимо-ли и благоразумно ли вводить законы насилия в стране того народа, который только что сбросил всех законников и всякие законы? Существует-ли такой закон, по которому революционер имел-бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее, – свободу и равенство, – что революционер обещал? Может-ли народная революционная масса молчать тогда, когда революционер отбирает у нее добытую ею свободу? Следует-ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы? Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который своею кровью двигает революцию?»⁷⁷⁵

Этот отрывок антологии о революционной независимости трудящихся заканчивался предложением, в случае, если «Дыбенко и ему подобные будут продолжать свои «грязные дела», объявить тогда контрреволюционными и незаконными всех участников предыдущих съездов и бойцов, которые боролись и продолжают бороться за освобождение народа, не спрашивая на то их разрешения. Подписавшиеся, члены совета, подтверждают, наконец, что будут продолжать выполнять свои задачи и считают своим правом и долгом не предать возложенную на них народом ответственность.

Этот документ подписан председателем Военного Революционного Совета Чернокнижником, заместителем председателя Леонидом Коганом, секретарем Карбетом и членами Совета Ковалем, Петренко, Доценко и другими. Махно среди них нет, занятый боями, он даже не присутствовал на съезде и, во всяком случае, у него не было ничего общего с высшим органом движения. Дыбенко открыл для себя тогда своего настоящего собеседника: народные массы. Он сам вышел из этих масс и оказал революции значительные услуги; ему не доставало как раз необходимой тонкости, чтобы провести различие между языком революции и языком партии, которая сама себя провозгласила выразительницей исторических и политических интересов революционных масс. На самом деле это был неотесанный мужик, который не пренебрегал самыми грубыми и возмутительными приемами, чтобы заставить себя уважать: Дыбец описывает, как он хладнокровно застрелил, не произнеся ни слова, командира кавалерийского полка красной армии для того, чтобы заставить бойцов беспрекословно повиноваться. Хотя это были обычные средства, употреблявшиеся в этой «армии», в общем, не так явно, Дыбенко в этом продемонстрировал большое усердие.

В случае Антонова-Овсеенко, мы имеем дело с фигурой совершенно иного размаха. Это старый большевик, один из тех «профессиональных революционеров», которые пронесли партию через годы. Он руководил в октябре 1917 г. Петроградским Военным Советом, организовавшим взятие Зимнего дворца. Антонов-Овсеенко командовал Украинским фронтом. Он отлично знал, что, «рассматривая местные Советы как "вольные коммуны", махновцы не хотели подчиняться распоряжениям центральной власти, проводили самовольные мобилизации и притом всего, – а не только трудового населения, формировали воинские части по произвольным штатам "Власть на местах" – объединение "свободных трудовых Советов", – таков их организационный лозунг.»⁷⁸⁶. Он хотел более точно разобраться во всем этом движении, осуждаемом его товарищами по партии, поэтому 26 апреля он отправился в Гуляй-Поле и дал затем блестящее и объективное описание положения.

Он направил вначале Махно послание, сообщавшее о его проезде через район. В ответ он получил следующую телеграмму:

На вашу телеграмму № 755 сообщаю, что знаю вас как честного, независимого революционера. Я уполномочен от имени повстанческо-революционных войск 3-й Заднепровской бригады и всех революционных организаций Гуляй-Польского района, гордо держащих знамя восстания, просить вас приехать к нам, чтобы посмотреть на наш маленький свободно-революционный Гуляй-Поле-"Петроград", прибыв на станцию Гуляй-Поле, где будем ждать с лошадьми.

По дороге Антонов-Овсеенко вспомнил все недавние события на фронте, стойкость махновцев и совет большевистского руководителя Соколова, а также командующего южным фронтом Гиттиса, заменить Махно на посту командира бригады; это ему казалось неуместным, «коней на переправе не меняют», - подумал он.

С вокзала на тройке Антонов-Овсеенко быстрым галопом отправился в Гуляй-Поле. Его встретили под звуки исполненного оркестром «Интернационала». Обратимся к его рассказу:

Лихая тройка промчала нас к крепкому поселку Гуляй-Поле. Под Звуки оркестра, игравшего Интернационал, перед фронтом загорелых партизан, навстречу комфронта вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень, человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: "Комбриг батько Махно. На фронте – держимся успешно. Идет бой за Мариуполь. От имени революционных повстанцев Екатеринославья приветствую вождя украинских советских войск". Рукопожатие. Махно представляет членов Гуляй-Польского исполкома и его штаба. Тут же политкомиссар бригады и старая знакомая Маруся Никифорова.

Обходим фронт. Основные части бригады в бою. Здесь – резервный вновь формирующийся полк и пара кавалерийских сотен. Одеты кто во что, вооружение случайное, а вид бодрый и боевой. "Едят" глазами.

Выслушивают, в порядке, речь комфронта о значении нашей борьбы, о положении на фронтах, об ответственной задаче, лежащей на бригаде Махно; о необходимости железной дисциплины и покрывают ее криками "ура".

Махно отвечает комфронту приветствием, несколько обидчиво отзывается о "несправедливых" обвинениях, падающих на "повстанцев Екатеринославья", отмечает их победы и обещает новые, "если будет поддержка оружием и обмундированием".

(Голос не сильный и слегка сиплый, говор мягкий, – в общем, небольшой оратор, но как его слушают!).

Переходим в штаб бригады.

Краткая инспекция штабных отделов – благоприятна. Чувствуется рука спеца (начштаба Озерова).

Затем последовала беседа о положении на фронте. Было рассмотрено расположение частей бригады, проанализированы результаты наступления, начатого 23 апреля; в ходе разговора поступило сообщение о взятии Мариуполя, первый смешанный конно-пехотный полк противника был в полном составе взят в плен. Махно заявил, однако, что ему нечем развивать наступление, что «можно бы сформировать целых две дивизии, но нет ни вооружения, ни снаряжения». Он добавил, что 9-я резервная дивизия красной армии, расположенная к северу от его бригады имеет тенденцию к панике, а ее командование симпатизирует белым. Он привел в качестве примера наступление на Таганрог, где эта «9-я дивизия вдруг отступила, что повлекло за собой окружение и уничтожение махновского полка, который сражался до конца, но не сдался». Затем он пожаловался на вооружение. Антонов-Овсеенко так комментирует это в своем отчете: «Его жалоба обоснована!»: не хватало «снабжения, нет ни денег, ни оружия, ни патронов, ни обмундирования. Бригада получила в свое время от П. Дыбенко 3000 итальянских винтовок с небольшим количеством патронов к ним; теперь – за израсходованием патронов – эти винтовки превратились в холодное и неудобное оружие». Остальное оружие и снаряжение было захвачено у противника. Половина партизан воевала босиком.

Обвинение в бандитизме? Вот «большой бандит» Батько Правда, без обеих ног, командовавший отрядом, появился и приветствовал Антонова-Овсеенко. Это убежденный анархо-коммунист и первоклассный боец; несмотря на это о нем распускают всяческие слухи: он якобы перерезал глотки большевикам и боролся против советской власти. Он «собственноручно застрелил нескольких погромщиков. "Преследование политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не просто болтунов. Никто их не

гнал. Сами поутикали"... Конечно, у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить...». Все сказанное Махно было подтверждено большевистским политическим комиссаром бригады.

Продолжая беседу, повстанцы и их часть вместе пообедали, запивая каким-то красным напитком: Махно заявил Антонову-Овсеенко, что он не любит пить и запретил употребление алкоголя. Члены Гуляйпольского совета довольны своей работой: в городке три замечательно оборудованные средние школы, детские коммуны. Десять госпиталей приняли тысячу раненых, к несчастью, нет ни одного опытного врача. Антонов-Овсеенко посетил некоторые из них, там чисто и просторно, устроены они в помещичьих домах. Есть также мастерская по ремонту артиллерийских орудий.

Антонов-Овсеенко обсудил «с глазу на глаз» с Махно, какую помощь можно оказать советской Венгрии, «о "прорыве в Европу" и об опасностях наступления Деникина. Говорим о необходимости создания перед лицом контрреволюционной угрозы единого железного фронта социальной революции...». 797

В конце беседы, глядя в глаза друг другу, крепко пожали руки. Махно заявил, что «пока я, Махно, руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, будет беспощадная борьба с буржуйнными генералами». Он принял без возражений преобразование своего участка фронта в дивизию и переход под командование некоего Циквания, при этом он сохранял за собой должность командира бригады. День завершился большим митингом; все выступавшие провозглашали лозунг «всеми силами против общего врага – буржуйных генералов».

Антонов-Овсеенко отмечает в 1927 г. в дополнение к этому описанию, удивительному в то время для большевика, что в свете последующих событий может показаться, что его описание «чрезмерно идеализирует» повстанцев, но, добавляет он, «стремился быть только объективным».

Антонов-Овсеенко кратко обобщил свои впечатления в следующей телеграмме, отправленной Раковскому 29 апреля:

«Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада, и весь район – боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал, но нужно оставить за нами, а не Южфронтом. При надлежащей работе станет несокрушимой крепость. Карательные меры – безумие. Надо немедленно прекратить начавшуюся газетную травлю махновцев».

Не дожидаясь ответа, он телеграфировал также Бубнову и в Харьков, в редакцию Известий, официального органа украинского советского правительства:

В номере 25 апреля у вас помещена статья "Долой махновщину". Статья полна фактической неправды и носит прямо провокационный характер. Подобные выпады крайне вредят нашей борьбе с контрреволюционным казачеством и добровольцами. В этой борьбе Махно и его бригада проявили и проявляют величайшую революционную доблесть и они заслуживают не руготни официозов, а братской признательности всех революционных рабочих и крестьян.

2 мая он подтвердил свои впечатления в более обстоятельном докладе Льву Каменеву. Одновременно он приказал Скачко, командующему 24 армией, отправить для Махно как можно быстрее артиллерию, четыре миллиона рублей, снаряжение, полевые кухни, переносной телефон, патроны для 3000 итальянских винтовок, двух хирургов, двух врачей, медикаменты, аптечные препараты и бронепоезд. И все это в срочном порядке. Он выразил также протест против новой линии фронта, установленной Троцким вдоль Донецкого бассейна, за которую отвечало русское командование, что лишало его функций инспектора фронта, удерживаемого Махно. Троцкий ответил в свойственной ему манере:

«Ваши соображения, будто украинские войска способны сражаться только под украинским командованием, являются продуктом нежелания глядеть в глаза действительности. Бурный период революции, чрезвычайно облегчая победу, затрудняет устойчивое формирование. Махновцы отступают на Мариупольском фронте не потому, что подчинены Гиттису, а не вам, а потому, что столкнулись с более серьезным врагом, чем петлюровцы. Если я вас поддерживал против всех зложелателей, то считаю, с другой стороны, совершенно недопустимым играть в прятки с фактами. Главный враг в Донецком бассейне, – нужно передать туда главные силы. Нужно проделать над ними и те огромные организационные воспитательные работы, которые были проделаны на всем Южном фронте, где немало украинских партизанов, которые раньше панически отскакивали, а потом научились бить. Всякое промедление в деле сосредоточения сил на Донецком направлении явилось бы жесточайшим преступлением перед республикой».

Антонов-Овсеенко отреагировал с возмущением и гневом на это внушение:

Совсем не трудно было бы узнать, что 1) мною предпринимались и предпринимаются все меры в перерождении повстанческих частей в регулярные; 2) но ни Москва, ни Наркомвоен Украины мне почти ничем в этой организационной работе не помогли; 3) тем не менее, на Украине сложились великолепные кадры для будущей армии, которые мобилизация должна обернуть новыми бойцами; утверждение о дешевых победах на Украине – смешная выдумка людей, весьма далеких от военной работы на Украине. Не потрудившись над этим, вы осудили всю мою военную работу и произвели это осуждение в крайне резкой форме. Чувство возмущения во мне очень сильно.808

Разумеется, Троцкий, этот «Карно» русской революции, по крайней воображавший себя таковым, не мог допустить, чтобы ему противоречили в стратегических замыслах; он делал ставку на наступление Деникина на север с целью захвата Донбасса и соединения с Колчаком. Последующие события показали нелепость его рассуждений. Что же касается попыток Антонова-Овсеенко, они оказались безуспешными; Махно не получил ни оружия, ни снаряжения, а в большевистской прессе против него продолжалась враждебная компания. Вследствие резкой реакции на нравоучение Троцкого, звезда Антонова-Овсеенко значительно поблекла, и 15 июня он был заменен на посту командующего Украинским фронтом Вацетисом – латышом, бывшим полковником царской армии.

Заинтригованные этими впечатлениями, через неделю в Гуляй-Поле с визитом побывали многие большевистские руководители: Лев Каменев (Розенфельд, зять Зиновьева), Ворошилов, Межлаук, военный комиссар украинского советского правительства, Муранов,

Зорин, Сидерский и другие.

Утром 7 мая 1919 г. их бронепоезд остановился на Гуляйпольском вокзале. Их встречали Маруся Никифорова, Михайлов-Павленко и Борис Веретельников, которые предложили повести их в городок. Наполовину успокоенный, Каменев на всякий случай отдал распоряжение командиру поезда послать за ними патруль, если они не вернутся к шести часам вечера. Между тем прибыл Махно и познакомился с приехавшими; он сопровождал их и по дороге показал дерево, на котором лично повесил белого полковника. В городке их приняли под звуки Интернационала и показали социальные достижения движения. Они пообедали, были представлены «молодой и красивой украинке», Галине Кузьменко, подруге и секретарше Нестора Махно⁸¹⁸. Все шло хорошо, за исключением момента, когда в ходе беседы с Махно и его штабом, Каменев потребовал упразднить Военный Революционный Совет, избранный районным съездом. Дискуссия натолкнулась на препятствие, так как повстанцы ему объяснили, что этот орган был создан массами и ни в коем случае не может быть распущен какой бы это ни было властью. Такой ответ не понравился официальным представителем красных; тем не менее, они тепло попрощались с махновцами. Каменев даже обнял Махно и уверил его, что «с махновцами, как с подлинными революционерами, у большевиков всегда найдется общий язык, что с ними можно работать и должно работать совместно»⁸²⁹.

Прибыв в Екатеринослав, Каменев послал в Москву телеграмму с просьбой отменить решение суда, запрещавшее Марусе Никифоровой занимать ответственные должности в течение года, сократив этот срок до шести месяцев. Он опубликовал также открытое письмо товарищу Махно, командующему 3-й бригадой, в котором утверждалось, что все слухи о сепаратистских и антисоветских планах махновских повстанцев совершенно необоснованны. Махно там назван «честным и отважным бойцом», который храбро сражается с белыми и с иностранными захватчиками. Однако, Каменев напомнил, что фронт, удерживаемый повстанцами, лишь «тысячная часть» общего фронта и намекнул на различия во взглядах, которые будут стерты, «если все снаряжение, хлеб, уголь, металлы, нефть», – будут идти «в общий котел и оттуда распределяться справедливо и полноценно по всем фронтам, иначе не видеть нам победы»⁸³¹⁰.

Петр Аршинов, участвовавший в этой встрече, спрашивал себя впоследствии, было ли отношение Каменева и даже Антонова-Овсенко искренним и не скрывалась ли за ним попросту разведка местности перед общим большевистским наступлением на махновцев, готовившимся уже давно. Его предположение основывалось на заговоре, организованном в скором времени неким Падалкой, командиром одного из повстанческих полков, подкупленным большевиками, который должен был захватить Махно и его штаб. Заговор был провален в последнюю минуту, благодаря неожиданному возвращению Махно на самолете из Бердянска в Гуляй-Поле.

Возможно, это имело место, но нам кажется более вероятным, что инициатива здесь была предпринята скорее несколькими чекистами, чем политическими руководителями; доказательством тому телеграмма, отправленная Лениным Каменеву 7 мая: «С войсками Махно временно, пока не взят Ростов, надо быть дипломатичным, послав туда Антонова лично и возложив на Антонова лично ответственность за войска Махно»⁸⁴¹¹.

Резкое изменение отношения, таким образом, предполагалось, но было отложено до более подходящего момента. Кроме того, революционеры, которые работали в советских учреждениях, предупредили Махно «ни в коем случае не ехать по вызову ни в Екатеринослав, ни в Харьков, ибо каждый официальный вызов будет означать ловушку, готовящую ему смерть»⁸⁵¹². Все это означало, что ни в коем случае ленинцы не потерпят независимых действий восставших масс района и что они рано или поздно используют силу, чтобы с ними покончить.

Спустя несколько дней, перед большевиками возникла серьезная проблема: их союзник Григорьев отказался идти воевать против румын, чтобы поддержать советскую Венгрию, и повернул оружие против них. Он располагал значительными силами: 30 000 винтовок, 10 бронепоездов, 700 пулеметов, 50 пушек, танки и грузовики. Он быстро овладел несколькими областями западной Украины. Опасаясь наихудшего, то есть восстания махновцев и их соединения с Григорьевым, что заставило бы большевиков уйти с Украины, Лев Каменев 12 мая направил Махно телеграмму, настаивая на осуждении авантюры Григорьева:

Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент – или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров – Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев. № 277. Реввоенконтролер Лобье.⁸⁶¹³

Григорьев, бывший капитан царской армии служил и тем, и другим: вначале Керенскому, затем украинской Раде, гетману Скоропадскому, Петлюре и Директории и, наконец, большевикам. Каждый раз он с ожесточением

поворачивал оружие против своих вчерашних союзников и хозяев, внося решающий вклад в их поражение. Он сражался против французов и греков в Одессе во имя большевиков. Он овладел этим большим городом, разбив союзнические войска, что заставило задуматься французское командование (которое впредь будет избегать отправки пехотных подразделений на украинскую землю и будет довольствоваться при случае обстрелом революционеров с кораблей).

Григорьев был грозным военачальником, компетентным и отважным, отдававшимся всегда полностью, что привлекало к нему подчиненных. Между прочим, это был отличный стрелок: однажды он застрелил мародера из револьвера, попав ему в голову с расстояния пятьдесят шагов. Он пользовался большой популярностью среди бедных крестьян, которые составляли большинство в его войсках, так как он с охотой раздавал бесплатно продовольствие и имущество, конфискованное у буржуазии. Он любил полупоэтические полуиздевательские прокламации в стиле папаши Юбю^{87*}, вызывавшие веселье у его солдат. В ноябре 1918 г. он угрожал германским генералам, что «уничтожит их как мух, одним ударом руки», если они не оставят Украину за четыре дня, увозя с собой лишь личные вещи, в противном случае он их отправит в одних рубашках!

Он также угрожал во время боев с греками, что пустит себе пулю в лоб, если их кавалерия, окружившая его со всех сторон и восседавшая на мулах и ослах (!), и в три раза превосходящая числом, сумеет победить его партизан! К счастью его кавалерия, «восседавшая» на конях, сумела смять противника⁸⁸¹⁴. Войдя в Одессу, Григорьев издал приказ № 1, в котором объявил, что разбил в пух и прах французов, греков, румын и белых добровольцев и возможно даже устранил Клемансо «благодаря одному из своих снарядов» с поста президента, который тот мечтал получить благодаря интригам! (Утверждение, возможно, не лишено основания). Когда Григорьев выступил против большевиков, он призвал крестьян драться всем, что попадет под руку: «Если у вас нет оружия, хватайте вилы, топоры, копья и атакуйте!». Он пытался несколько раз связаться с Махно, но только одно из посланий дошло до адресата: «Батько! Почему ты заботаешься о коммунистах? Бей их! Атаман Григорьев»⁸⁹¹⁵.

У Григорьева стратегия была такой же, как и у других партизанских отрядов: он стремился остаться в своем родном районе и отказывался идти воевать в качестве наемника в Венгрию. Ему было достаточно удерживать Бессарабский фронт. Заметим в связи с этим, что в распоряжении большевиков находился сильный венгерский отряд, состоявший из перепатрированных военнопленных австрийской армии, реорганизованных в подразделение красной армии; они также отказались от перевода на южно-украинский фронт и хотели уехать сражаться к себе. В этом плане тактика большевиков была возведена в систему (и остается таковой до наших дней): направлять всегда войска, которые не имеют никакой связи с районом или областью назначения, так, они посылали на Украину китайцев, латышей и немцев.

Махновцы не знали, почему Григорьев перешел в другой лагерь, поэтому их первой заботой было распространить коммюнике общего содержания, подтверждавшее их собственную верность революции:

Мариуполь. Полевой штаб армии махновцев. Копия всем начальникам боевых участков, всем командирам полков, батальонов, рот и взводов. Предписываю прочесть во всех частях войск имени батько-Махно. Копия Харьков Чрезвычайному Уполномоченному Советов Обороны Каменеву.

Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта. Ни в коем случае недопустимо ослабление внешнего фронта революции. Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас ослабить фронт, где белогвардейцы стремятся прорваться и поработить народ. До тех пор пока мы не победим общего врага в лице белого Дона, пока определенно и твердо не ощутим завоеванную своими руками и штыками свободу, мы останемся на своем фронте, борясь за свободу народа, но ни в коем случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов.

Комбриг Батько-Махно. Члены штаба [подписи]. 9016

Эта первая реакция означает, что повстанцы оставались в стороне от всяческих интриг и ограничивались своими боями против белых на фронте. Это коммюнике было предназначено для бойцов.

Махно и его штаб отправили одновременно официальный ответ Каменеву, еще более ясный:

«Харьков. Особоуполномоченному Совета Оборона республики Каменеву. Копия Мариуполь. Полевой штаб.

По получении от вас и от Рощина телеграфного известия о Григорьеве, мною немедленно дано было распоряжение – держать фронт неизменно верно, не уступая ни одной пяди из занимаемых позиций Деникину и прочей контр-революционной своре, и выполняя свой революционный долг перед рабочими и крестьянами России и всего мира. В свою очередь заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия, в лице ваших комиссариатов и чрезвычайек, творящих произвол над трудовым населением. Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это – преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле. Но сейчас у меня нет точных данных о Григорьеве и о движении, с ним связанном; я не знаю, что он делает и с какими целями; поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения о нем более ясных данных. Как революционер-анархист, заявляю, что никоим образом не могу поддерживать захват власти Григорьевым или кем-бы то ни было; буду по-прежнему с товарищами-повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя; и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру – насилие даже в отношении анархических объединений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников. Комбриг Батько-Махно. Члены штаба [подписи].

Предс. Культ.-Просв. Отд. Аршинов.9117

Этот ответ, написанный с полной объективностью и независимостью, был ясным и четким: повстанцы вновь подтвердили свою верность делу революции, но не хотели быть глухими и слепыми марионетками партии, на какую бы революционность она ни претендовала. Мимоходом был брошен камень в огород большевистских репрессивных органов, то есть имеющий уши да услышит! Возможно, именно их злоупотребления спровоцировали бунт Григорьева.

Чтобы пролить свет на это событие, повстанческий штаб создал комиссию, которая должна была провести расследование на месте.

Между тем, Махно получил упомянутую выше телеграмму Григорьева. Совет «ударить по большевикам» был несколько общим, и послание осталось без ответа со стороны повстанцев. Комиссия по расследованию представила свой доклад: оказывается, что Григорьев лишь «бог войны», но он увлек за собой множество бедных крестьян. Это обстоятельство подтолкнуло штаб и Военный Революционный Совет повстанцев к написанию пространной листовки, озаглавленной: «Кто такой Григорьев», которая разоблачала авантюриста, его антисемитскую направленность, когда он нападал на тех, «кто распял Христа», и даже его антирусский дух, когда он говорил о тех, кто «вышел из московского дна». Разве Григорьев не рассказывал с охотой, что когда он взял Одессу, где было 630 000 жителей, из которых 400 000 евреев, был немедленно создан революционный комитет, в котором из 99 членов очутилось 97 евреев и 2 «русских дурака». Махновцы

указывали также на противоречивость Григорьева, когда он утверждал, что защищает настоящую советскую власть и приказывал одновременно всем «избирать своих комиссаров», затем мобилизоваться «во исполнение его приказа, тогда как он займется всем остальным». Тем не менее, махновская листовка отмежевывала крестьянские массы, которые следовали за атаманом и которые не следовало рассматривать как контрреволюционные, а как «жертвы обмана» и можно было надеяться, что «здоровая революционная интуиция» крестьян «откроет им, и они оставят Григорьева, чтобы вернуться под знамя революции». Однако причиной григорьевского бунта был также приход на Украину большевиков и установление их партийной диктатуры, сопровождавшейся злобными ЧеКа:

Этим воспользовался Григорьев в своей аванюре. Григорьев предатель революции и враг народа, но партия коммунистов-большевиков является не меньшим врагом труда. Своей безответственной диктатурой она создала в массах озлобление, которым сегодня воспользовался Григорьев, а завтра воспользуется какой-либо другой авантюрист. Поэтому, изобличая атамана Григорьева в предательстве революции, мы в то же время требуем к ответу коммунистическую партию за григорьевское движение.

Мы снова напоминаем трудовому народу, что избавления от окружающего его гнета, насилия и нищеты народ может достигнут только своими народными усилиями. Никакая смена властей не поможет ему в этом. Только через свои свободные рабоче-крестьянские организации трудящиеся могут достичь берегов социальной революции – полной свободы и подлинного равенства. Смерть и гибель предателям и врагам народа! Долой национальную вражду! Долой провокаторов! Да здравствует всеобщая сплоченность рабочих и крестьян! Да здравствует всемирная свободная трудовая коммуна!9218

Как мы видим, листовка не щадила также большевиков, и занятая махновцами позиция не давала им повода для радости. Главное, на их взгляд, состояло, однако в том, что Махно пока не повернул оружие против них.

Листовка была издана большим тиражом и распространялась среди крестьян и бойцов. Она была также напечатана в органе махновского движения, газете «Путь свободы» и в органе Украинской конфедерации анархистов «Набат».

Григорьев стал предметом особой ненависти для Москвы, которая послала против него все предусмотренные для южного фронта подкрепления. Хуже того, с фронта были сняты 1-й полк Красных казаков (1200 всадников и 8 пушек) и ударной Крымский полк и направлены против него. Не все согласились с подобным заданием: 9-й украинский полк, располагавшийся в Киеве в начале мая, отказался выступить против Григорьева и его пришлось разоружить и затем расформировать. Некоторые подразделения братались с атаманом и переходили на его сторону. Ему удалось овладеть Екатеринославом, но он не смог удержаться там более двух дней.

20 мая, когда поражение Григорьева было очевидным, Антонов-Овсеенко попросил Дыбенко немедленно перевести свои дивизии на южный фронт. В ответ он получил отказ, так как, по мнению Дыбенко, бунт атамана не потерял силу, и красные войска несли большие потери.

Этот отказ препятствовал Антонову-Овсеенко, который хотел сконцентрировать как можно быстрее дивизии Дыбенко и отряд Покуса на южном фронте, слить их с бригадой Махно, затем доверить командование сформированной таким образом дивизии Чиквания, который полностью подчинялся приказам командования. Батько, таким образом, был бы окружен надежными большевиками и не надо было бы бояться непокорности с его стороны. Эти политико-стратегические расчеты высшего командования красной армии внесут особую путаницу в ситуацию и испортят отношения с махновцами

Глава XVI. Разрыв соглашения с Москвой и крушение южного фронта

Вся тяжесть Южного фронта лежала на махновцах, которых красная армия, несмотря на соответствующие пункты соглашения, недостаточно снабжала оружием и боеприпасами. Выступающие против них белые подготовились к большому удару, чтобы избавиться от этого фронта, который угрожал левому флангу их наступления на северном направлении. Ведение операций было поручено генералу Шкуро, командовавшему двумя дивизиями кубанских и терских казаков, хорошо вооруженными и экипированными англичанами и французами. Прорыв фронта произошел почти случайно, вследствие грубой ошибки командования одной из красных дивизий. Шкуро рассказал об этом событии в своих воспоминаниях:

Вернувшись в Иловайскую¹, я получил донесение о действиях 1-й конной дивизии. Оказалось, что 1-й партизанский полк, исполняя задачу, нарвался на крупный отряд красных, засевших за илистой, непроходимой вброд, речкой. Понеся потери, партизаны стали отступать. Решившие преследовать их, красные перешли на тот же берег этой речки. Тогда командовавший 2-м партизанским полком есаул² Соломахин, по собственной инициативе ударил внезапно во фланг большевикам и погнал их к речке. Много большевиков потонуло и было изрублено.

Мы взяли около 1500 пленных, несколько пушек, множество пулеметов и другой добычи. Фронт красных был прорван. Я бросил обе дивизии в этот прорыв, нацелив их на Юзовку, которую Кавказская дивизия должна была атаковать с юга, а Терская с севера.

5-го мая прибыл к Май-Маевскому дивизион танков – оружие невиданное до сих пор. Я дал для охраны их свою волчью сотню, 6-го мая корниловцы с танками перешли в наступление и взяли Ясиноватую. В тот же день мои дивизии овладели Юзовкой, забрав там много пленных – красных и махновцев. Перевешав коммунистов, я распустил всех прочих по домам. Не задержавшись в Юзовке, мы взяли последовательно станции Чаплине и Волноваху без больших потерь.⁹³³

Этот решающий бой не был принят всерьез командованием красной армии и вместо того, чтобы признать свою неспособность, оно предпочло свалить ответственность на махновцев. Но некоторое время Шкуро не использовал этот прорыв, направление наступления оставалось по-прежнему северным на Курск и московскую дорогу. Было еще не поздно спасти Южный фронт, который играл определяющую роль, сковывая на более чем 150 км многочисленные силы противника, хорошо вооруженного и использовавшего впервые в

гражданской войне танки и бронемашины. Это превосходство в технике объясняет отступление фронта Махно.

Что же происходило в высших сферах большевиков? Прорыв Шкуро недооценивался и обсуждался лучший способ устранения Махно. Но в координации усилий случилось короткое замыкание: командующий 2-й армией и непосредственный начальник Махно, Скачко, принял решение развернуть маховскую бригаду в дивизию. В ответ на энергичный протест Антонова-Овсеенко, он изложил ему свои аргументы.

«Реввоенсовет 2-й армии отлично знает, что бригада Махно представляет из себя крестьянскую массу, пропитанную мелкобуржуазными лево-эсеровскими, анархическими тенденциями, совершенно противоположными государственному коммунизму. Столкновение между маховщиной и коммунизмом рано или поздно неизбежно. Еще при образовании бригады Махно командармом 2 были даны ей итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов. Но Реввоенсовет 2-й армии убежден, что до тех пор, пока общий враг, хотя и мелкобуржуазного, но безусловно революционного крестьянства и коммунизма, монархическая реакция не будет окончательно побеждена, пока добровольческо-казачьи войска не будут оттеснены на Кубань, вожди маховщины не пойдут и не будут иметь возможности идти против советской власти оружием в руках, а потому до тех пор мы можем использовать войска Махно в борьбе с добровольческими, в то же время внутренней работой в них постепенно обращая их в более регулярные и более пропитанные духом коммунизма. Переформирование бригады Махно в дивизию может быть благоприятным для внутренней работы в ней, ибо дает повод прислать большое количество своих политических работников и лиц командного состава. Махно принадлежит весь Гуляй-польский район со всем его населением. Это население выделяет из себя около 20 000 вооруженных людей, которые составляют бригаду Махно и которые будут составлять и дивизию Махно. Троцкий понял обращение бригады в дивизию как развертывание, но это фактически неверно, это изменение организации, благоприятное для внедрения в массу войск Махно наших политработников и военспецов. Резкая перемена политики сейчас, которая первым делом выразится в отмене одобренного Наркомвоенном Межлауком переформирования бригады Махно в дивизию, заставит Махно насторожиться и возможно сократить действия на белом фронте. Сокращение Махно боевых действий на белом фронте конечно поведет к увеличению нажима со стороны белых на другие части Южфронта и ухудшит общее положение. Южфронт начнет требовать более энергичных действий со стороны Махно. Махно начнет не исполнять боевые приказы, и дело очень быстро придет к открытому разрыву между нами и Махно. Вся 2-я Украинская армия только и состоит сейчас из бригады Махно. Украинские части из других армий, все сплошь вышедшие из повстанческих отрядов, не пойдут против Махно. Для ликвидации Махно необходимо иметь не менее двух хорошо вооруженных полночисленных дивизий.»⁹⁴⁴

Тайна открылась: недостаточное снабжение вооружением маховцев было заранее задумано и имело одну цель – держать их в своей власти! С другой стороны, вся эта перебранка по поводу «развертывания» и «преобразования» маховской бригады в дивизию – это было бы смешно, если бы не существовало драматического контекста гражданской войны – имела общей целью только уменьшить влияние Махно, затем полностью устранить

его от исполнения обязанностей. Это красноречивый пример рождавшегося в эту эпоху образа мышления мелких большевистских Макиавелли.

В конечном счете, победу одержал Антонов-Овсеенко и развертывание бригады Махно в дивизию было отложено. Махновцы, которые отчаянно сражались чтобы сдержать наступление белых и не получали никакой помощи от красных, устали от всех этих «уловок» и решили вернуть свою самостоятельность, преобразоваться в независимую повстанческую армию во главе с Махно и сохранить лишь операционные связи с красной армией. Они об этом сообщили «бумажным генералиссимусам»:

Козлов Комюжфронту, Киев, комфронту Антонову, Совнарком Раковскому, Наркомвоен Межлауку, Москва Кремль Ленину, Харьков Совобороны Каменеву.

Штаб 1-й повстанческой дивизии, обсудив сообщение Южфронта о том, что 1-я повстанческая Украинская дивизия вновь обращается в 3-ю бригаду, выражает свое категорическое несогласие с постановлением Южфронта. Штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии глубоко протестует против несправедливого обращения Южфронта с вождем повстанцев т. Махно, и, кроме того, усматривает в постановлении Южфронта роковые последствия, могущие принести неисчислимые бедствия революции как на фронте, так и в тылу. В этом отношении штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно считает обязательным для себя высказать Южфронту, а также центральным властям Украины и России следующие соображения: повстанчество на Украине началось отчаянными схватками борьбы крестьян против поработителей всякого рода, начиная с гетмана и кончая Петлюрой. С течением времени... (неразборчиво...) повстанчество сформировало регулярные полки и развернуло широкий фронт против контрреволюции со стороны Деникина. С самых первых дней повстанчества, душой его и неутомимым работником был т. Нестор Махно, который и оказался естественным командиром бригады и дивизии, поставленным на эти посты фронтовым съездом повстанцев. Все одиннадцать полков повстанцев, входящие в 1-ю повстанческую Украинскую дивизию, считают т. Махно своим наиболее близким и естественным вождем, поставленным всеми трудностями и длинным путем революции. Абсолютно достоверно, что с уходом т. Махно со своего поста целые бригады не примут ничего другого командования. Несомненно, это отзовется губительным образом на фронте и на тыле революции. Поэтому штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно постановил: 1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все одиннадцать вооруженных полков пехоты, два полка конницы, две ударные группы, артиллерийская бригада и другие технические вспомогательные части преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армией т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южфронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта. Все оперативные распоряжения повстанческой армии будут неукоснительно сообщаться всему командованию. Доводи обо всем до сведения Южфронта и центральных властей Украинской и Российской советских республик, штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии предлагает центральным властям республик обратить настоятельное внимание на следующее дополнительное заявление: как т. Махно, так и весь штаб повстанческих войск являются подлинными революционерами, борющимися за идеалы социальной революции. Поэтому они считают оскорбительным для себя и недопустимым для революционера

отношение к ним тех или иных ответственных членов советской власти с задними мыслями, как например, брошенное в присутствии делегации нашей по адресу т. Махно туманное, двусмысленное выражение Дыбенко: «одному бандиту намял бока, другой не полезет». И это в то время, когда авантюра Григорьева встретила в т. Махно как в революционере, самого энергичного и непримиримого противника, о чем говорят три номера газеты Путь к Свободе и специально выпущенное воззвание к населению Украины. Веря в торжество социальной революции, абсолютную преданность ей как со стороны ответственных вождей советской республики в лице Ленина, Луначарского, Каменева, так и со стороны вождей революционного повстанчества, т. Махно и других, которые в общем являются сынами революции, штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии категорически заверяет, что все возможные недоразумения, создаваемые обыкновенно неверной информацией агентов власти, безусловно, могут и должны быть устранены товарищеским путем.

Штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно. 29 мая-1919 г. Гуляй-Поле.955

Это четко определенная и недвусмысленная позиция относительно всех маневров, направленных на устранение Махно со своего поста. Судя по всему, он хотел уйти, чтобы не поставить под удар ситуацию на фронте, однако повстанцы его в этом разубедили. Тон этого обращения остается братским и оставляет дверь открытой для любых переговоров или дружественного урегулирования. Повстанцы до сих пор скрупулезно придерживались заключенного военного соглашения, они считали, что даже если большевики против их самостоятельности, то это может касаться только идейного плана, что они смогут «найти общий язык» и что классовая солидарность сплотит их для борьбы против белых, поставив выше расхождений во взглядах высшие интересы социальной революции. Они в этом ошибались, «руководители советских республик» вскоре им это покажут. Видя, что они не достигают своих целей, военные и политические руководители южного фронта вначале попытаются угрожать Махно!

*Реввоенсовет Южфронта указывает, что действия и заявления Махно являются преступлением. Неся ответственность за определенный участок фронта 2-й армии, Махно своими заявлениями определенно вносит полную дезорганизацию в управление, командование и предоставляет частям действовать по усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду Ревтрибунала, почему Реввоенсовет 2-й армии предписывается принять немедленно все меры для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары.

НР 4633. Реввоенсовет Южфронта В. Гиттис. А. Колегаев.966

В действительности, это было только благое желание, так как в ближайшее время они не могли ничего предпринять против повстанческой армии. Заметим, что это объявление войны было адресовано Махно, а не махновскому штабу; дело в том, что «новая» дисциплина требовала следовать по иерархическому пути, таким образом, именно Махно был номинально ответственным за позицию, занятую его штабом.

31 мая, Военный Революционный Совет Гуляйпольского района, видя серьезность ситуации, принял решение созвать IV районный съезд крестьян, рабочих и фронтовиков всей контролируемой махновцами территории: 90 уездов Екатеринославской, Таврической,

Херсонской, Харьковской губерний и Донбасса. В обращении о созыве съезда указывалось, что «только трудящиеся массы, а не партии и личности, могут найти выход из создавшейся ситуации». Съезд был назначен на 15 июня в Гуляй-Поле. Норма представительства была один делегат от 3000 рабочих и крестьян, один представитель от каждой воинской части повстанцев и солдат красной армии (полков, дивизий и т. д.), два делегата от главного штаба бригады; уездные исполнительные комитеты должны были послать по одному делегату от фракции; организации и партии, признающие основы советского режима, имели право послать по одному делегату от уездного подразделения. Выборы должны были состояться на общих собраниях. В повестку дня были включены следующие вопросы:

а) доклад Исполкома Военно-Революционного Совета и с мест; б) текущий момент; в) цель, значение и задачи Районного Гуляй-Польского Совета крестьянских, рабочих, повстанческих и красноармейских Делегатов; г) реорганизация районного военно-революционного совета; д) постановка военного дела в районе; е) продовольственный вопрос; ж) земельный вопрос; з) финансовый вопрос; и) о союзах трудового крестьянства и рабочих; к) об охране общественного порядка; л) об установлении правосудия в районе; м) текущие дела. Исполком Военно-Революционного Совета.

Гуляй-Поле, 31 мая 1919 г.977

Военный Революционный Совет Гуляйпольского района напоминал таким образом, что существует высший исполнительный орган всего района: общий съезд. Это было более чем естественно для революционеров, которые считали, что все должно исходить из самой основы, что трудящиеся и фронтовики должны сами рассматривать и решать свои дела. Но не так думал Троцкий, недавно прибывший в район, знакомый ему только по рассказам, состряпанным в кабинетах его партии. Он уже столкнулся с Антоновым-Овсеенко по поводу Махно. Горячка вольности, царившая в районе, и методы прямой демократии, используемые повстанцами, отталкивали в самой своей основе Троцкого, в значительной степени проникнутого идеей всемогущества нового государства, как впрочем, и своей собственной osoby. С самого начала соглашения он был настроен против "партизанщины" и особенно в отношении махновцев. В секретном докладе центральным комитетам коммунистической партии России и Украины он проповедовал «Очищение частей от явно преступных элементов, установление твердой дисциплины, устранение выборности командного состава, борьба с демагогией командиров, наглых по отношению к высшей военной и советской власти и бессильных перед своими подчиненными, сведение отрядов не по имени, а по существу к правильным, т. е. внутренне пропорциональным формированиям». Какие средства должны были быть применимы? Нужны были «твердые меры, то через некоторое время понадобятся крутые меры, а при дальнейшем упущении – и меры суровой беспощадности. [...] Разбухшие отряды освободить от паразитических и мародерских элементов, не останавливаясь перед самыми суровыми мерами – расстрелы, сведение в части тылового ополчения, заключение в концентрационные лагеря –одновременно решительная борьба с "митингующими" командирами»⁹⁸⁸. Это были намерения, но какие части предвиделись для их осуществления? «... для дисциплинирования анархистских банд Махно, необходимо создать большой отряд, примерно, надежный батальон ЧК, несколько сот матросов Балтийского флота, заинтересованных в угле и хлебе, продовольственный отряд Московских или Иваново-Вознесенских рабочих и десятка три серьезных партийных работников». Так что неудивительно, что он опубликовал 2-го июня полный желчи памфлет

против Махновщины:

Есть советская Великороссия, есть сов-кая Украина. А рядом с ними существует одно малоизвестное государство: это – Гуляй-Поле. Там правит штаб некоего Махно. Сперва у него был партизанский отряд, потом бригада, затем, кажется, дивизия, а теперь все это перекрашивается чуть ли не в особую повстанческую "армию". Против кого же восстают махновские повстанцы? Вот на этот вопрос надо дать и ясный ответ: ответ словом и ответ делом.

Махно и его ближайшие единомышленники почитают себя анархистами и на этом основании "отрицают" государственную власть. Стало быть, они являются врагами Советской власти? Очевидно, ибо Советская власть есть государственная власть рабочих и трудовых крестьян.

Но махновцы не решаются открыто сказать, что они против Советской власти. Они хитрят и виляют: Советскую власть на местах они, мол, признают, но центральную власть отрицают. Однако же все местные советы Украины признают центральную власть, которую они сами выбрали.

Стало быть, махновцы на деле отрицают не только центральную украинскую власть, но и власть всех местных украинских советов. Что же они признают? Они признают власть гуляйпольских махновских советов, т. е. власть анархического кружка на том месте, где ему удалось временно укрепиться. Вот и вся разгадка политической премудрости махновщины.

Однако же махновской "армии" нужны патроны, винтовки, пулеметы, орудия, вагоны, паровозы и деньги. Все это сосредоточено в руках Советской власти, вырабатывается и распределяется под ее руководством. Стало быть, махновцам приходится обращаться к той самой власти, которой они не признают, с просьбой то о деньгах, то о патронах. Но так как махновцы вполне основательно опасаются, что Советская власть может их лишить всего того, без чего они жить не могут, то они решили обеспечить свою независимость, захватив в свои руки большие богатства страны, чтобы затем вступить в "договорные" отношения с остальной Украиной.

В Мариупольском уезде много угля и хлеба. А так как махновцы висят на мариупольской железной ветке, то они отказываются отпускать уголь и хлеб иначе, как в обмен на разные припасы. Выходит так, что, отрицая "государственную власть", созданную рабочими и крестьянами всей страны, махновские верхи организовали свою собственную мелкую, полу-разбойничью власть, которая осмеливается стать поперек дороги Советской власти Украины и всей России. Вместо целесообразно организованного хозяйства страны по общему плану и замыслу и вместо артельного социалистического, равномерного распределения всех необходимых продуктов махновцы пытаются установить хозяйничанье шаек и банд: кто что захватил, тот им и владеет, а потом выменяет на то, чего ему не хватает. Это не продуктообмен, а товарограбёж.

Махновцы кричат: "долой партийность, долой коммунистов, да здравствуют беспартийные советы!" Но ведь это же жалкая ложь! Махно и его соратники вовсе не беспартийные. Они все принадлежат к анархическому толку и рассылают циркуляры и письма, скликая

анархистов в Г.-П. для организации там своей анархической власти.

Если они выкидывают флаг беспартийности, то только для того, чтобы пустить пыль в глаза самым темным и отсталым крестьянам, которые в партиях не разобрались. На деле же б/партийность служит лучшим прикрытием для кулацких элементов. Открыто признать свою принадлежность к партии черносотенцев кулаки не смеют, ибо боятся расправы. Поэтому они охотнее всего выставляют напоказ свою беспартийность.

Беспартийностью же ныне прикрываются эсеры, худшая часть меньшевиков, кадеты и все вообще контрреволюционеры, которым в натуральном виде слишком опасно показываться на улице.

Коммунисты не прячут своего лица и не свертывают своего знамени. Они открыто выступают перед трудовым народом, как партия.

Контрреволюционеры всех мастей ненавидят коммунистическую партию. Такое же чувство питают к коммунистам и махновцы. Отсюда глубочайшие симпатии всех погромщиков и черносотенных прохвостов к "беспартийному" знамени махновцев. Гуляй-польские кулаки, мариупольские спекулянты с восторгом подпевают махновцам: "мы не признаем государственной власти, которая требует угля и хлеба. Что мы захватили, тем и владеем..." В этом отношении, как и во всех остальных, махновцы ничем не отличаются от григорьевцев. Григорьев тоже восстал против центральной власти во имя местных беспартийных советов, т. е. против организованной воли всего раб. класса, во имя отдельных кулацких групп и банд. Недаром же, поднимая знамя дикого погромного мятежа и принимаясь истреблять коммунистов, Григорьев призывал "батьку" Махно заключить с ним погромный союз. Правда, Махно воздержался. Но никак не по принципиальным причинам. На Гуляй-Польском съезде анархистов Махно открыто призывал к восстанию против Советской власти. Если он не восстал вместе с Григорьевым, то только потому, что побоялся, понимая, очевидно, всю безнадежность открытого мятежа.

"Армия" Махно – это худший вид партизанщины, хотя в ней немало есть хороших рядовых бойцов. Никакого намека на порядок и дисциплину в этой "армии" не найти. Никакой организации снабжения. Продовольствие, обмундирование, боевые припасы захватываются, где попало, расходуются, как попало. Сражается эта "армия" тоже по вдохновению. Никаких приказов она не выполняет. Отдельные группы наступают, когда могут, т. е. когда нет серьезного сопротивления, а при первом крепком толчке неприятеля бросаются врассыпную, сдавая малочисленному врагу станции, города и военное имущество. Вина за это целиком падает на бестолковых и беспутных анархических командиров.

В этой "армии" командиры выборные. Махновцы с хрипом кричат долой назначенцев! Этим они только вводят в обман темную часть собственных солдат. О назначенцах можно было говорить при буржуазном строе, когда царские чиновники или буржуазные министры назначали по своему усмотрению командиров, державших солдатскую массу в подчинении буржуазным классам. Теперь у нас нет другой власти, кроме власти выборных от всего рабочего класса и трудового крестьянства. Следовательно, командиры, назначенные центральной Советской властью, поставлены волей трудовых миллионов. Махновские же

*командиры отражают интересы ничтожной анархической кучки, опирающейся на кулаков и темноту.*⁹⁹⁹

Можно констатировать радикальное изменение тона по сравнению с Антоновым-Овсеенко; дело в том, что тот был старым большевиком, тогда как Троцкий присоединился к большевикам совсем недавно, в 1917г., после возвращения Ленина, который далеко не всегда его чтил; не он ли писал «о краске стыда у Иудушки Троцкого»¹⁰⁰¹⁰. Поэтому Троцкий считал необходимым систематически идти дальше, чем самые усердные из его новых товарищей по партии; он это делал с высокомерием и самодовольством, свойственным его персоне: он писал о «порядке и дисциплине», возмущался «избранием командиров». Но над кем он насмехается, когда говорит о большевистской власти «избранной всем рабочим классом и трудовым крестьянством»? Неужели он считает забытым тот факт, что на выборах в Учредительное Собрание его партия получила едва четверть голосов? «Интересы мелкой клики» – это и есть как раз интересы центрального комитета его партии, которую он защищает, прибегая к клевете. Даже Кубанин, официальный советский историограф махновского движения, который не проявлял никакой нежности по отношению к нему, называет «по-обычному острую и ядовитую фразу, возмущившую махновские массы», следующий отрывок из зажигательного пропагандистского снаряда, запущенного Троцким: «Поскобли махновца – найдешь григорьевца. А чаще всего и скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу»¹⁰¹¹¹. Попытка Троцкого амальгамировать образ Махно с образом Григорьева свидетельствует о его полнейшем незнании местной ситуации. Напротив, термин кулак, фантасмагорический, употребленный здесь впервые против Махно, ожидало блестящее будущее в большевистской идеологии. В этом состоит оригинальный «взнос» Троцкого в современную социально-политическую идеологию.

Он заканчивает свою первую попытку официальной оценки окончательным осуждением «дешевых атаманов и командиров» и следующей угрозой: «с этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз и навсегда, так чтобы никому больше повадно не было!», и обещает ответ в виде «слов и действий». Два дня спустя, 4 июня, в беседе с представителями харьковской печати Троцкий вновь возвращается к этому вопросу, заявив им, что необходимо возрождение и что, главным образом, это: «упразднение гуляйпольской независимой анархо-республики, установление единства Советской власти, единства армии, ее методов управления, аппарата командования», так как «На крайнем правом фланге Донецкого фронта топчется бригада или дивизия или армия, – затрудняюсь вам сказать, – некоего Махно. Эта "боевая" единица притягивает в настоящий момент к себе все элементы разложения, распада, возмущения, гниения»¹⁰²¹². Он узнал между тем о созыве IV гуляйпольского районного съезда и готовит ответ.

Отвечая журналисту, спросившему, не угрожает ли Харькову наступление белых, Троцкий выразил удивление по поводу подобного вопроса, так как он считает, что «Харькову угрожает не большая опасность, чем Твери, Пензе, Москве и всем другим городам советской республики». Он совершенно не отдает себе отчет в опасности, которую представляет Деникин и заботится только о том, чтобы нейтрализовать Махно!

В тот же день он отправил свой ответ по поводу созыва съезда в Гуляй-Поле, свой знаменитый приказ № 1824; в нем он заявлял, что этот «съезд целиком направлен против советской власти на Украине и против организации южного фронта, в состав которого входит бригада Махно»; его результатом может быть только:

... открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров. 1. Означенный съезд запрещается и ни в коем случае не может быть допущен.

2. Всё рабоче-крестьянское население должно быть предупреждено устно и печатно о том, что участие в съезде будет рассматриваться, как государственная измена по отношению к советской республике и советскому фронту.

3. Все делегаты на означенный съезд должны подвергаться незамедлительному аресту и представляться в военно-революционный трибунал 14-ой, бывшей 2-ой, украинской армии.

4. Распространителей воззваний Махно и Гуляйпольского исполкома арестовывать.

5. Настоящий приказ вводится в действие по телеграфу и должен быть широко распространен на местах, вывешен на всех публичных местах и вручен представителям волостных и сельских исполкомов, всем вообще представителям советской власти, а также командирам и комиссарам частей.

Председатель реввоенсовета республики Троцкий.

Главнокомандующий Вацетис. Член реввоенсовета республики Уралов. Харьковский окрвоенком Кошкарев.103

Троцкий поставил свою подпись в качестве председателя революционного военного совета республики, что давало ему всю полноту власти на Украине. Он отозвал Антонова-Овсеенко и вторую подпись под этим приказом поставил заменивший его на посту командующего фронтом бывший царский полковник латыш Вацетис. Этот документ, – который Аршинов считает классическим и советует выучить наизусть! – дополнен 6 июня распоряжением № 107, которое подтверждает предыдущий приказ и точно предписывает меру наказания: расстрел! Этот документ стоит привести полностью:

Группа лиц, объединенных вокруг партизана Махно, встала на путь изменника и предателя Григорьева и приступила к организации заговора против Советской власти. Эта банда из Гуляй-Поля осмелилась назначить на 15 июня съезд анархо-кулацких делегатов для борьбы с Красной Армией и Советской властью. Этот съезд запрещен. Объявляю, что всякий участник съезда будет рассматриваться, как изменник, который в ближайшем тылу наших красных войск организует заговор и открывает ворота врагу.

Махновцы призывают к себе из других частей и армий перебежчиков.

Объявляю:

Всем военным властям и заградительным отрядам, высланным по моему распоряжению, отдан приказ ловить всех тех предателей, которые самовольно покидают свои части и перебегают к Махно, и предавать их Революционному трибуналу, как дезертиров, для суда по законам военного времени.

Им кара может быть одна – расстрел.

Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом мне приказано навести порядок на фронте в Донецком бассейне и в ближайшем тылу. Объявляю, что этот порядок будет наведен железной рукой. Враги рабочей и крестьянской Красной Армии, шкурники, кулаки,

погромщики, махновцы, григорьевцы, будут беспощадно раздавлены регулярными стойкими, надежными частями.

Да здравствует революционный порядок, дисциплина и борьба с врагами народа!

Да здравствует советская Украина и советская Россия!

Председатель РВСР Л. Троцкий.10414

Троцкий употребляет здесь язык, хорошо известный всем любителям сильной власти, всем защитникам установленного порядка: «заговор», «банды», «наказание», «расстрел» и «железная рука». Однако с одним нововведением: в этот раз установленный порядок является так называемым «революционным» и «пролетарским» и адресован тем самым, кого он якобы представляет – крестьянам и рабочим.

В общем, он пытается запретить им взять в свои руки собственные дела, запретить революционерам делать революцию! Этому мало привлекательному способу мышления было суждено к несчастью образцовое будущее. Троцкий применяет здесь новые для революционных кругов принципы психологической войны: преднамеренная ложь, оболванивание, идеологическая дискредитация, амальгамирование, все эти составляющие будут использоваться теперь в качестве приправ на кухне гегемонической власти. Однако если Троцкий позволяет себе такое поведение и набрасывается на каждого, кто осмеливается ставить под сомнение его решения, то это потому, что он знает, что его поддерживает Ленин, который ни в коем случае не хотел позволить этому району организоваться независимым способом и выйти из-под его прямого контроля как в Этот съезд запрещен. Объявляю, что всякий участник съезда будет рассматриваться, как изменник, который в ближайшем тылу наших красных войск организует заговор и открывает ворота врагу.

После «ответа словом» не доставало только «ответа делом». Он не заставил себя ждать. Трое крестьян – Костин, Полуниин и Добролюбов, застигнутые за обсуждением созыва районного съезда в Гуляй-Поле, осуждены трибуналом 14-й армии и немедленно расстреляны только на основании этого факта!

В довершение всего, эти знаменитые приказы даже не были сообщены непосредственно махновцам, которые, впрочем, были очень заняты проблемами с белыми.

Вследствие прорыва 17 мая, Шкуро вернулся в Дебальцево на помощь донскому казачьему генералу Калинину, также прорвавшему фронт красных и взявшему Луганск. Вследствие этого фронт против Махно оставался неизменным. По мнению Антонова-Овсеенко именно потому, что он не «получил ни военного снабжения, ни подкреплений [направленных тогда против Григорьева], Махно не смог сдержать штурм кавалерии Шкуро» в Юзовке. Даже Скачко, командующий 2-й армией констатировал 21 мая, что для того чтобы закрыть брешь надо бы срочно иметь бригаду пехоты, артиллерии и кавалерии. Дивизия Махно испытывала острую потребность в патронах и артиллерийских снарядах. Очевидно, что в условиях новой политической и военной ориентации инициированной Троцким, больше не стоял вопрос о снабжении повстанцев, совсем наоборот.

Что же происходит в это время у махновцев? Возможно, они преуменьшают еще раз своих противников, чтобы показать свою преданность революции? Во всяком случае, они вели контрнаступление на Юзовку и выбили оттуда войска генерала Май-Маевского; ему пришлось вновь обратиться к Шкуро, перед которым в этот раз, встала задача очистить махновский фронт:

*В это время Махно опять перешел в наступление на корпус Май-Маевского и вынудил его очистить Юзовку. Я получил задание атаковать махновцев. Стянувшись обратно, я отнял Юзовку от махновцев, затем южнее ее разбил дивизию красной пехоты и двинулся на Мариуполь, который атаковал и взял одновременно со сводным отрядом Добровольческой армии генерала Виноградова. Оставив 1-ю Терскую дивизию для поддержки добровольческого корпуса, сданного Май-Маевским генералу Кутепову, двигавшемуся на Харьков и взявшему уже Бахмут, с 1-й Кавказской дивизией, я предпринял операцию против столицы махновцев и склада их награвленной добычи – поселка Гуляй-Поле, взял его с боем, разгромил и рассеял остатки махновцев. Затем я сжег важный Синельниковский железнодорожный узел.*¹⁰⁵¹⁵

По мнению Аршинова, большевики оголили перед атакой Шкуро сектор фронта, который они удерживали в Гришино к северу от фронта Махно и именно туда прошел Шкуро, чтобы зайти в тыл махновской дивизии. Однако повстанцы предупредили, за несколько дней до этого, штаб красной армии об этом слабом участке; поэтому то ли по неспособности, то ли преднамеренно большевистское командование не исправило положение, что вызвало крушение фронта. Как пишет все тот же Аршинов, Троцкий якобы заявил, что «лучше отдать всю Украину Деникину, нежели допустить дальнейшее развитие махновщины. Деникинщину, как открытую контрреволюцию, всегда можно разложить классовой агитацией. Махновщина же идет в низах масс и, в свою очередь, подымает массы против нас»¹⁰⁶¹⁶. В этом рассуждении не было ничего удивительного: это официозный вариант ленинского «кто не с нами, тот против нас». Военное соглашение длилось четыре месяца и было использовано только в одностороннем порядке Москвой. Теперь, когда махновский фронт прорван, от него можно отказаться под первым предлогом и с выгодой для себя.

Наступление Шкуро застало повстанцев врасплох и заставило их отступить на сто километров за один день, оставив Мариуполь. Несмотря на отчаянное сопротивление, Махно был вынужден даже оставить Гуляй-Поле, залитое волной нападающих. Именно тогда он узнал о приказах Троцкого, изданных в предыдущие дни и представлявших собой настоящее объявление войны. По согласованию со своим штабом, он принял решение отразить удар как можно быстрее, а именно сдерживать насколько это возможно штурм белых. Видя, что высшее большевистское командование нападает на него лично, Махно решил отказаться от своего поста в дивизии во имя высшего интереса революции. Он считал, что это единственное решение, позволявшее избежать создания второго фронта и опасности попасть в клещи, чего не могли допустить повстанцы. Он отправил телеграмму Троцкому, чтобы предупредить его о своем решении. Тот ответил немедленно, издав приказ 8 июня:

Приказ председателя Реввоенсовета республики и наркомвоенмора № 108 от 8 июня 1919 г. Прочсть во всех полках, ротах, эскадронах, командах Конец махновщине!

Кто является виновником наших последних неудач на Южном фронте, в особенности в Донецком бассейне?

Махновцы и махновщина.

На словах эта братва сражается со всем миром и побеждает всех врагов, но когда дело доходит до боя, махновские командиры бесстыдно покидали вверенные им позиции и бессмысленно откатывались назад на многие десятки верст. [...]

Махновцы предательски обнажили правый фланг Донецкого фронта и тем самым нанесли тяжелый удар ближайшей армии.

Мало того, махновцы принялись разлагать соседние части: из штаба Махно рассылались агитаторы по соседним полкам с призывом не подчиняться установленному Советской властью командованию, а переходить на махновское положение, т. е. в ряды бесшабашной, разнузданной, небоеспособной махновской партизанщины.

Гуляй-Польские заправилы пошли еще дальше. Они назначили на 15-е июня съезд, воинских частей и крестьян пяти уездов для открытой борьбы против Советской власти и того порядка, какой установлен в Красной Армии.

Терпеть дальше подобное издевательство со стороны зарвавшейся банды стало невозможным. Если бы дать махновцам осуществить их план, мы имели бы новое Григорьевское восстание из Гуляй-Польского гнезда.

Ввиду этого центральная военная власть категорически воспретила съезд и направила надежные честные воинские части для наведения порядка в районе махновщины. [...]

Правда, немало еще осталось шкурников и громил, которые в разных частях называют себя махновцами и стремятся проникнуть поближе к Гуляй-Полю: там нет дисциплины, там нет обязанности честно сражаться с врагами рабочего народа, стало быть, для труса и бездельника – рай земной.

Но после устранения Махно от военного дела махновщине будет положен конец суровой рукой. [...]

Развращенные полки, которые не выполняют боевых приказов, самовольно меняют место своего пребывания, позволяют себе насилие над мирным населением, разгоняют созданные Советской властью учреждения и вооруженной силой захватывают вагоны, паровозы, чинят насилие над рабочими железнодорожниками, – все такие порочные, развращенные, преступные полки будут стерты с лица земли, и в первую голову понесет кару командный состав.10717

Поскольку соотношение сил в это время было в его пользу, Троцкий этим максимально воспользовался, он обвинил Махно и его товарищей во всех грехах, позаботившись о том, чтобы отделить от них «большое количество хороших бойцов», так как пушечное мясо всегда может пригодиться. Организовав недостачу и саботаж в снабжении и в боеприпасах, Троцкий обвинил в этом отсутствие «организации регулярного снабжения и управления» и особенно «внутренней дисциплины и разумного управления» (читай, отсутствие чекистских методов и военных специалистов, бывших царских офицеров, взятых на службу Москвой в большом количестве). Отставка Махно и его штаба также получила особую его интерпретацию: они «были смещены». Это крайний пункт во всей троцкистской кампании против Махно и Гуляйпольского района. Если бы это были только brave разглагольствования в салоне или на партсобрании, вред был бы не слишком большой, но дело в том, что в действительности его «ответ действиями» обернулся разгромом анархистской коммуны им. Розы Люксембург, арестом и казнью многих десятков

повстанцев, карательными полицейскими операциями, проводимыми, по словам Троцкого, «надежными лояльными частями», то есть чекистами, осуществляющими «ликвидацию бунта». Все это происходило за спиной у махновцев, так как они как раз противостояли наступлению казаков Шкуро. Самая циничная и постыдная часть этого заявления касалась Гуляй-Поля, названного «земным раем для труса и негодяя», тогда как в это время местные крестьяне спешно создавали отряд в несколько десятков человек, вооруженных топорами, вилами, старыми ружьями, который под командованием Веретельникова (рабочего Путиловского завода в Петрограде, но родом из Гуляй-Поля) выступил навстречу белым. Они были порублены саблями на месте, погибли, защищая свою землю и свою свободу, стремясь защитить своих жен, сестер и матерей от насилия, но это не имело никакого значения для Троцкого. Подобные определения позиции составили нестираемое пятно для их автора.

Скачко был заменен на посту командующего 2-й армией, переименованной в 14-ю, Ворошиловым, которому одновременно было поручено захватить Махно и его штаб. Получив предупреждение, Махно направил 9 июня довольно пространное объяснение Троцкому, Каменеву и Ленину. Он повторил свою просьбу заменить его на занимаемой должности; он выразил протест против кампании, развязанной против него в прессе, которая приравнивала его к Григорьеву; он отклонил обвинения, выдвинутые Троцким, во враждебных намерениях махновцев по отношению к советской республике; он вновь подтвердил свою убежденность в «революцией завоеванном праве рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения, как частных, так и общих дел своих. Поэтому запрещение таких съездов центральной властью, объявление их незаконными (приказ № 1824) есть прямое наглое нарушение прав трудящихся¹⁰⁸¹⁸». Махно понимал, что все это направлено против него лично и вместо создания антибольшевистского фронта предпочел уйти. Здесь интересно будет привести объяснение, которое он дает, в последующем, этому развитию союза, заключенного с красной армией:

В 1918 году у нас не могло быть союза с большевиками потому, что Махновщина, как организованная революционная сила трудящихся, была лишь одна на Украине. У большевиков трудовых вооруженных и организованных сил не было. И Махновщине заключать с ними союзы было незачем. Впрочем, это я ясно и определенно отметил в главе «Занятие г. Екатеринослава и басни большевиков о их роли и роли их вооруженных сил при этом. В этой главе так же ясно и определенно сказано о их силах и это время под и за Екатеринославом. Другое дело о периоде, когда они имели свои силы, приведенные из России. Таким периодом являются первые месяцы 1919 года. Махновщина заключила с ними союз, по которому они должны были снабжать ее снаряжением и вооружением и она подчиняла свои силы общему Красному Верховному командованию. Но этот союз был нарушен большевиками, с одной стороны, своим полицейским подходом против трудового населения Махновского района, приступившего строить свою социально-общественную жизнь на свободных началах без опеки партии большевиков и ее государственности, тогда как большевики стремились навязать ему именно государственность и диктатуру в ней своей партии. С другой стороны, тем саботажем в делах своевременной подачи патронов и снарядов вооруженным силам Махновщины, который принуждал махновцев всем своим фронтом неоднократно бросаться против Деникина с пятью патронами в винтовке, и при удаче лишь сбивать его с позиции и захватывать у него патроны, а при неудаче, нести нисчислимые жертвы и отступать, оставляя ему свои окопы и тысячи раненых.

Однако, и при таком прямо или косвенно изменническом поведении большевиков по отношению к Махновщине, революции и ее защиты в целом, поведении, ясно показывающем, что большевики стремились во что бы то ни стало, хотя бы целиком за счет революции на Украине, уничтожить Махновщину физически и извратить ее общественный идеал, показать их революционным труженикам России, как идеал кулачества и контрреволюции. Несмотря на все это, Махновщина, как движение низовое и подлинно революционное, знавшее свое место и роль в обширнейшем русле Революции, не пошла ни на какие союзные комбинации с враждебными большевикам силами, как господствующей организованной уже силе в авангарде Революции. Видя все преступления обнаглевшей большевистской партии и ее власти на пути Революции, Махновщина считала себя морально вправе бороться против самой большевицкой наглости. И она избрала себе путь этой борьбы: 1) во временном уходе от командования своими вооруженными силами всего высшего командования во главе со мной; 2) в оставлении всех вооруженных своих сил под верховным командованием большевиков; 3) в серьезном внутри и извне наблюдении за большевистскими оперативными действиями с целью проверить со стороны, насколько эти действия большевиков родственны великим задачам Революции.10919

Махно оставил, таким образом, свой пост командующего, передал своему преемнику бумаги и документы дивизии, затем в сопровождении самых близких и самых скомпрометированных в глазах большевиков товарищей, а также личной охраны, покинул фронт, выразив намерение громить тыл белых.

По дороге случился курьезный инцидент:

А большевистский фельдфебель Л. Троцкий настолько обрадовался, главным образом, моему уходу от повстанчества, что первые дни не знал, что делать. И лишь когда опомнился, сделал командарму № 14 т. Ворошилову распоряжение: схватите Махно и представьте в центр его живым.

К несчастью Троцкого, в Красной армии нашлись начальники дивизий, большевики, которые, с прямых рук прочитав это его распоряжение, в тот же час сообщили об этом мне.

И Ворошилову схватить меня не удалось. Наоборот, он и присланная к нему из центра свора чекистов, которая и должна была меня схватить живым, сами чуть было не погибли, их деникинцы окружили вместе с бронепоездом имени Руднева. Мне, уже сдавшему свое командование и ехавшему с незначительной группой на линии фронта пришлось посылать свои 4 пулемета и взвод кавалеристов, чтобы спасти этих своих палачей. И деникинцы махновцами были отбиты. Бронепоезд был спасен и спасены Ворошилов и свора чекистов. Помню, как рад был командарм Ворошилов, как благодарил он меня через моего адъютанта; в присланной мне записке через своего курьера этот самый Ворошилов изливает свое уважение ко мне и настойчиво просит приехать к нему и с ним вместе обсудить ряд важнейших планов дальнейшей борьбы.

Я ему ответил:

«Я знаю распоряжение Троцкого и роль, какая выпала на Вашу, тов. Ворошилов, совесть выполнить в связи с этим распоряжение. Поэтому обсуждение с Вами планов дальнейшей борьбы считаю невозможным. Сообщаю Вам свои планы. – Я намереваюсь пробраться в тыл армии Деникина и займусь разрушением его. Это так важно теперь именно, когда, он предпринял на всех своих фронтах решительное наступление....

Бывший Ваш друг в борьбе за торжество Революции. 15 июня, 1919 г. Батько Махно». Этот самый Ворошилов в эту же ночь (с 15-ое на 16-е июня) распорядился арестовать членов моего штаба Михайлова-Павленко и Бурбыгу и 17-го июня расстрелял.¹¹⁰²⁰

Кое-кому преданность Махно революции, которая приводит к тому, что он спасает отряд убийц, посланный чтобы его пленить, может показаться чрезмерной. В его оправдание можно возразить, что тогда он не знал Ворошилова и не мог догадываться, что тот был способен хладнокровно убить Михайлова-Паленко и Бурбыгу. Он имел дело с честными революционерами-большевиками, которые предупредили его о замышлявшемся против него заговоре, и он не мог пока обобщать. С другой стороны, он не трубил заранее во все трубы, как это делал Троцкий; как простой человек, он был предан душой и телом социальной революции. Перед ним не стояла альтернатива: надо было сдержать орды Деникина. Троцкий не испытывал угрызений совести: он отдал приказ арестовать Озерова, официального начальник штаба Махно, бывшего казачьего офицера и беспартийного революционера, назначенного Антоновым-Овсеенко (он был осужден 25 июля трибуналом ЧеКа, под председательством Лациса и расстрелян 2 августа 1919 г.). Активный член штаба Махно, Михайлов-Павленко, был, как мы видели, арестован и расстрелян 17 июня. В тот же день чрезвычайный военный трибунал Харькова приговорил шестерых крестьян из Гуляй-Поля к той же мере наказания: Бурбыгу, Олейника, Коробко, Костина, Полунина и Добролюбова, обвиненных в попытке созыва контрреволюционного съезда. Трое последних были уже казнены, приговор только придавал официальности свершившемуся факту!

Поведение Махно было импровизацией; у него не было времени – ввиду обстоятельств – посоветоваться со всеми повстанцами; повстанцы, как только узнали о его объявлении вне закона и об отношении Троцкого, потребовали от своих командиров вести их к Махно, чтобы решить вместе с ним, что следует предпринять: «Оставаться под командованием «красных» дураков, настоящих предателей революции, или же вести против этих преступных красных кретинов такую же ожесточенную борьбу как против Деникина»¹¹¹²¹.

Даже другие бригады и дивизии фронта, среди которых – бригада «Ленин», узнав, что Махно объявлен вне закона, требовали в резолюциях, принятых на общих собраниях, перейти под командование Махно, так как «они видели вокруг себя только предателей революции». Троцкий, обвиненный в предательстве, не нашел ничего другого, как открыто пообещать безнаказанность и вознаграждение тому, кто убьет Махно. Он забыл во всей этой кампании против махновцев главный элемент – размеры деникинской опасности. Вскоре стало уже слишком поздно, чтобы реагировать, вся восточная Украина попала в руки белых генералов. Екатеринослав был взят 12 июня, Харьков две недели спустя. Вот как фронт, который отважно удерживался более чем шесть месяцев махновскими повстанцами ценой героических жертв, был саботирован и сдан «фельдфебелем» Троцким и его приспешниками.

Глава XVII. Григорьев, Дыбец, Якир, Слащев и другие

В маленьком отряде, сопровождавшем Махно, находились его давние товарищи, активисты Гуляйпольской анархистской группы и инициаторы, организовавшие вместе с ним восстание в сентябре 1918 г., которые его никогда не покидали: Алексей Марченко, Семен Каретник, Петя Лютый, Федор Щусь и его брат Григорий Махно. Была также «черная сотня», которую иногда называют «гвардией Кропоткина» или «чертовой сотней», состоявшая из 100-150 бесстрашных всадников и нескольких опытейших пулеметчиков, устроенных на тачанках, все они были полностью преданы делу.

Когда отряд прибыл под Александровск, которому угрожал деникинский авангард, местный большевистский руководитель, будучи, однако, в курсе разрыва между своей партией и повстанцами, настоятельно потребовал от них защищать город и участок фронта, находящийся между ним и Мелитополем, с тем чтобы позволить крымской армии Дыбенко избежать ловушки и укрыться на правом берегу Днепра. Повстанцы отказались, так как, с одной стороны, у них не было достаточного количества бойцов, а с другой, потому что они хотели, чтобы это была официальная просьба большевистских руководителей и чтобы те, в этом случае, признали глупость их объявления вне закона. Из-за этого отказа Махно и его товарищи во второй раз были поставлены вне закона и объявлены врагами режима.

Группы повстанцев, которые оказались в изоляции после взятия Мариуполя, и которым пришлось прокладывать себе путь по территории, оккупированной белыми, присоединялись в это время к маленькому отряду Махно. Он восстановил, таким образом, заново несколькотысячный повстанческий контингент.

Деникинцы совершали грабежи, жгли и заливали кровью Гуляйпольский район, убивали непокорных крестьян, насиловали женщин (в Гуляй-Поле чеченцами было изнасиловано 800 женщин), возвращали прежних помещиков и богачей, жаждущих отплаты. Тогда началось бегство большого числа крестьян с семьями и бедными пожитками. Из беглецов, которые направлялись к своим естественным защитникам – махновским повстанцам, образовалась огромная колонна, растянувшаяся на десятки километров.

Тем временем, большевистские руководители, неспособные противостоять деникинскому наступлению, решили пожертвовать Украиной и заботились только об эвакуации своих войск на правый берег Днепра с максимальным количеством боеприпасов и имущества. Они воспользовались случаем, чтобы провести чистки среди красноармейцев; когда

обнаруживали махновские подразделения, некоторых расстреливали, остальных распределяли в более надежные части.

В этой ситуации Махно отказался от начального плана зайти в тыл белым и решил отойти на запад, на правый берег Днепра. Он проник, таким образом, на территорию, контролируруемую атаманом Григорьевым. Атаман понес значительные потери в боях с Дыбенко, однако сохранил несколько тысяч бойцов и успешно вел операции, терзая большевиков, к которым испытывал с тех пор неукротимую ненависть. Он их обвинял, разумеется, в обмане народа, но, основываясь на том, что в советских органах было много евреев, он систематически отождествлял евреев с большевиками; его подразделениям вменяются в вину многие погромы евреев и, в меньшей мере, русских, в частности в Елисаветграде (76 тысяч населения, треть из которого евреи), где было 3000 жертв. Григорьев остерегался занять официальную позицию и осудить эти убийства; он позволял это делать. Дело представляется еще более сложным, поскольку среди его солдат были евреи.

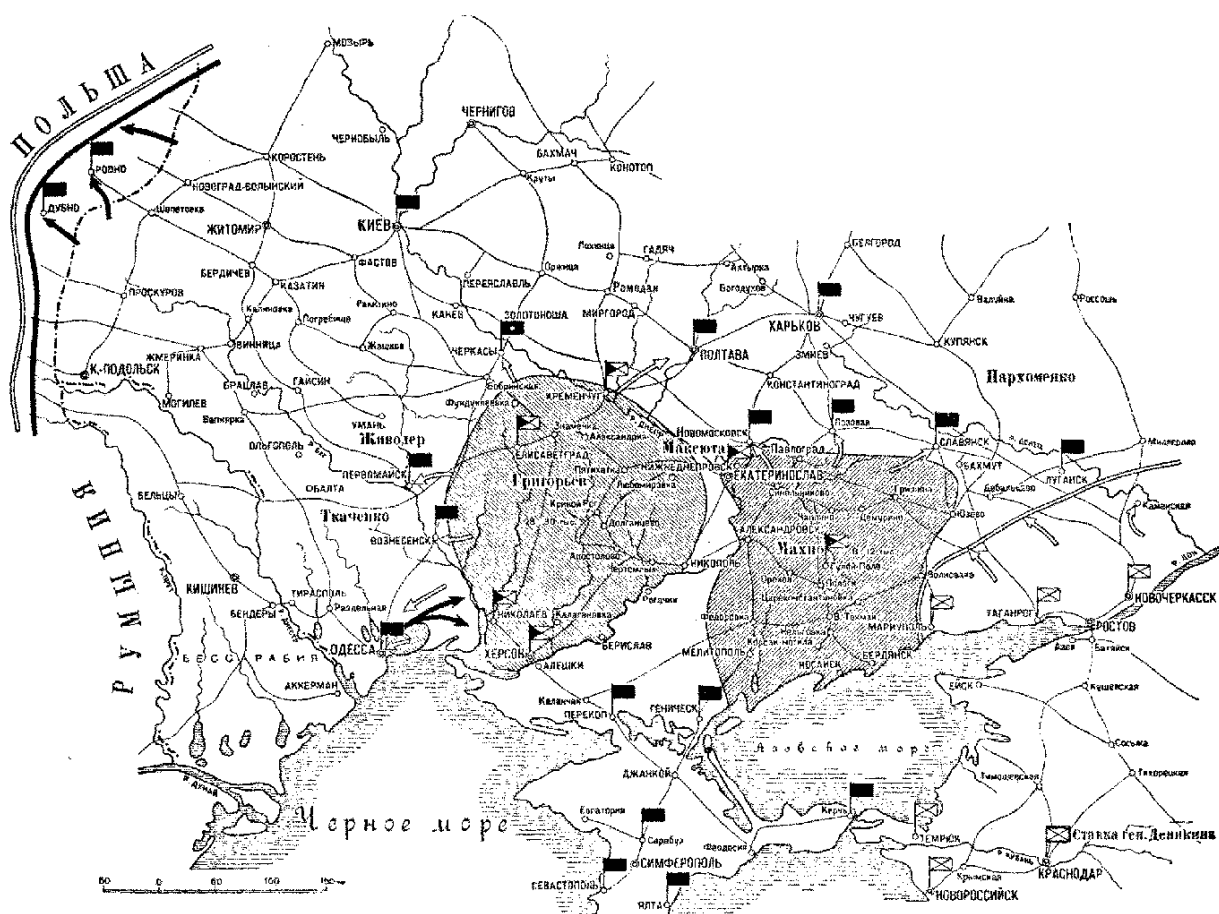

Схема района действий партизанских отрядов Григорьева и Махно.
Флажками обозначены части войск: черными — красные, белыми — белые.

Махновцы стремились избежать этого нового подводного камня: Григорьева поддерживала крестьянская беднота, то есть тот же социальный класс, который поддерживал их. Была создана тайная комиссия для расследования актов грабежа и контактов с деникинцами, в которых они подозревали Григорьева. В июле состоялась встреча между представителями двух движений; после обсуждения, продлившегося один день, был выработан проект

соглашения: оба военных контингента должны слиться, Григорьев должен осуществлять военное командование, а Махно политическое руководство общей армией. 27 июля, в Сентово 20 000 партизан из двух лагерей собрались на большой митинг. Первым на нем выступил Григорьев; он призывал к непримиримой борьбе против большевиков и дал понять, что допускает возможность союза с белыми. За ним выступил Алексей Чубенко, один из членов махновского штаба, и публично осудил его контакты с белыми, так как махновцы перехватили до этого деникинских эmissаров и располагали, таким образом, доказательствами этому; затем он обвинил Григорьева в ответственности за еврейские погромы и закончил свое выступление, резко осудив контрреволюционный характер деятельности «этого бога войны». Григорьев потребовал объяснений; оба штаба ушли в помещение местного совета. Григорьева, пытавшегося выхватить пистолет, чтобы выстрелить в Махно, опередил Чубенко: из револьвера-"библей", спрятанного в руке, он застрелил атамана¹.

Махновцы затем объяснили свой поступок и оправдались перед собранием, потрясенным этой жестокой развязкой. Часть партизан Григорьева присоединилась к Махно. О смерти Григорьева было сообщено телеграммой в Кремль. Благодаря этому поступку, комментирует Кубанин, «политические акции Махно поднялись очень высоко в глазах левых эсеров и анархистов. Революционная честь украинских мелкобуржуазных кругов была удовлетворена»¹¹²². Во всяком случае, что касается большевиков, Махно вывел их из очень затруднительного положения. Здесь опять у него был ограниченный выбор, так как вскоре Григорьев, по всей вероятности, его бы предал в пользу белых. Часть солдат атамана впоследствии была призвана в красную армию и стала безжалостным противником махновцев, мстя им за смерть своего бывшего командира.

Что касается большевиков, они продолжали удерживаться на правом берегу Днепра, сохраняя большое расстояние между своими позициями и позициями белых. Их главное занятие состояло в «наведении дисциплины» в бывших махновских подразделениях, переименованных в 58-й дивизион, включавший три бригады, то есть в целом около 15 000 солдат, хорошо вооруженных и представлявших собой большую, но не используемую боевую силу. Бывший анархо-синдикалист Дыбец, вдруг назначенный политкомиссаром, затем вбил себе в голову задачу навести порядок в повстанческих подразделениях, хотя он абсолютно никогда не сражался против белых, удовлетворившись тем, что наблюдал издали результаты столкновений. С этого момента он отдается своей новой большевистской деятельности, считая Мелитопольский полк слишком «независимым» и слишком «запорожским», по его словам, он потратил целую неделю, чтобы найти войска для его усмирения и разоружения! Все другие полки дивизии, разумеется, отказались воевать против своих братьев по оружию. Дыбец нашел, наконец, в Херсоне отряд матросов и немцев-спартаковцев, всего 700 человек, хорошо вооруженных (пулеметами и артиллерией), которых он повел за собой, не сообщив в чем цель похода. Прибыв на место, он им объяснил, что взбунтовавшийся полк оставил фронт и не хочет воевать; отряд набросился тогда на мелитопольских повстанцев, готовых к бою, но в последний момент не захотевших стрелять по «своим», из-за чего они были разоружены и расформированы, некоторые расстреляны. Эта «блестящая акция» на этом и закончилось для Дыбеца, так как высшее командование красной армии решило пожертвовать украинским фронтом и отдало дивизии приказ отойти в направлении Киева и центральной России. Кремль предпочел

отозвать свои войска, чтобы использовать их для собственной защиты, так как наступление Деникина стремительно развивалось.

Бывшие махновцы не приняли это отступление, они не хотели оставлять родные края белым, а напротив, горели желанием их освободить. Следуя линии поведения, выработанной, когда Махно отказался от командования, многие бывшие махновские командиры, оставшиеся на своих постах – Калашников, Дерменджи, Буданов, Клейн, видя, что большевики не действуют в интересах революции, вновь обрели свободу действий, арестовали большевистских командиров и политкомиссаров, в т. ч. Дыбеца, затем увели дивизию почти в полном составе к Махно на железнодорожную станцию Помощная. По дороге был разгромлен карательный отряд матросов и «спартаковцев», который получил, таким образом, по заслугам.

В конце августа в Помощной произошло воссоединение махновского военного контингента, состоявшего теперь из 700 человек кавалерии, 3000 пехотинцев и мятежных подразделений красной армии. Махновская повстанческая армия была воссоздана в составе трех пехотных бригад посаженных на тачанки, кавалерийской бригады (под командованием Щуся), артиллерийского дивизиона, пулеметного полка и «черной гвардии» Махно, всего около двадцати тысяч бойцов. Много бывших солдат Григорьева были списаны из-за недоверия к ним, так как они были заражены антисемитизмом и лишены революционного сознания. Дыбец был приговорен махновским штабом к расстрелу, но Махно, под давлением анархистов, присоединившихся к его движению, его помиловал и отпустил вместе с женой Розой. Среди анархистов, присоединившихся к повстанцам, находились члены Конфедерации Набат, а также Волин, взятый в плен петлюровцами и освобожденный специально посланным для этого махновским отрядом.

В Одессе высадились войска белых, что заставило поспешно бежать чекистов и большевиков: они настолько отличились своими зловещими привычками, что не могли надеяться ни на какую поддержку населения; они присоединились к 45-й стрелковой дивизии под командованием Якира, который хотел отступить к Киеву, более чем на 500 км. Однако к Якиру присоединились многочисленные местные повстанцы, и он располагал, таким образом, значительными силами: в составе 45-й дивизии – 7500 пехотинцев, 500 кавалеристов, 81 пулемет, 34 пушки; в составе 47-й дивизии – 2600 пехотинцев, 40 пулеметов и 12 пушек; в составе 58-й дивизии и других различных частей – около 17 500 человек хорошо вооруженных и снаряженных, которые бежали перед 34-й стрелковой дивизией белых, состоявшей только из 1500 пехотинцев, 300 человек кавалерии, 12 пушек и 43 пулеметов! Якир объясняет в своих воспоминаниях, что ему приходилось прокладывать себе путь, потому что он был окружен со всех сторон врагами – белыми на юге и востоке, петлюровцами на западе и Махно, влияние которого, он боялся, разложит его войска! Особенно его беспокоило это последнее соседство, так как он хотел любой ценой избежать злоключений 58-й дивизии. Действительно, здесь было тоже большинство красноармейцев, выходцев из этого района, которые не понимали, почему отдают без боя всю эту часть Украины, и симпатизировали Махно. Один из большевистских руководителей, Голубенко, позвонил Махно по телефону и предложил ему сражаться вместе, но, разумеется, под командованием красных офицеров. Махно ему ответил: «Вы обманули Украину, а главное расстреляли моих товарищей в Гуляй-Поле, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и

поэтому я с вами со всеми, в особенности, ответственными работниками, поступлю так же, как вы с моими товарищами в Гуляй-Поле, а затем будем разговаривать о совместных действиях»¹¹³³.

В этих условиях большевистские руководители искали лучший способ избежать всяческого контакта с махновцами, укрываясь от их мести; тем более, что кроме чекистов, – которых следовало опасаться прежде всего, – в их рядах были партийные активисты и известные красные командиры: Федько, Котовский и Затонский. Среди них было также много военных «специалистов», бывших царских офицеров, перешедших на сторону ленинского режима: контр-адмирал Немитц, бывший командующий царским флотом на Черном море, Княгницкий, Каркавый, В.В. Попов и много других. Им всем было в чем себя упрекнуть по отношению к махновским повстанцам и белым; поскольку они не могли рассчитывать на своих солдат, чтобы победить Махно, им оставалось единственное – бежать. По совету Немитца, было решено отступать по голой степи, избегая железных и обычных дорог. Для этого были взорваны все бронепоезда дивизий, в Николаеве и Бирзуле, несмотря на сопротивление их экипажей, которые хотели присоединиться к Махно. Военное снаряжение и даже снаряды были уничтожены, не без труда, как отмечает Якир: «Потребовалась объяснительная и агитационная кампания, интенсивно проведенная партийной организацией, дополненная проведением чрезвычайных репрессивных мер, для того чтобы каждый красноармеец ясно понял свою задачу и направил всю свою волю на выполнение своего долга»¹¹⁴⁴. Самое любопытное – это присутствие в составе этой красной армии отряда в 3000 партизан анархиста А.В. Мокроусова, который принял, не проявляя недовольства, это постыдное бегство, тогда как было достаточно договориться с махновцами, чтобы провести мощное контрнаступление против белых и далеко их отбросить. Понятно, до какой степени большевики отождествляли уже интересы революции с доминирующим и ни с кем не разделяемым положением их партии в ведении операций, и затем, как им удавалось присоединять к себе анархистов и революционеров другой принадлежности, используя пугало реакции, чтобы сплотить свои ряды.

Мы располагаем еще одной типичной иллюстрацией такой губительной политики: бунт командира армейского корпуса красных донских казаков, Миронова в августе 1919 г. Миронов не хотел согласиться с колебаниями и проявлениями диктата Москвы и решил сражаться одновременно против Деникина и против красной армии. Он заявил в распоряжении своим войскам, что берет на себя спасение страны в борьбе против белых, которую советская власть обеспечить не в состоянии, затем закончил следующим выводом:

Отсюда политическая программа "Российской пролетарско-крестьянской Республики" такова:

- 1. Вся власть принадлежит трудовому народу в лице подлинных Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов от трудящихся, которые должны быть исполнителями воли народа и его руководителями в созидании новой жизни. Следовательно, необходимо немедленное восстановление всеми мерами и средствами в центре и на местах доподлинной власти Советов путем перевыборов на основе свободной социальной агитации всех Советов, и созыва Всероссийского Съезда Советов представителей перевыбранных Советов.*
- 2. Упразднение бюрократической власти, создавшей между трудовыми массами и властью*

непроходимую преграду, переизбрание всех исполнительных органов Советской власти и пересмотр всего личного состава советских сотрудников.

3. Упразднение Совета Народных Комиссаров с передачей всех функций Центральному Исполнительному Комитету.

4. Предоставление Советам широких полномочий на местах в хозяйственном строительстве страны.

5. Упразднение смертной казни.

Долой смертную казнь! Когда Керенский старался восстановить смертную казнь за неисполнение боевых приказов, коммунисты кричали, что Керенский палач, сами же теперь применяют ее на каждом шагу. Дезертиры, т. е. не признающие коммунистов, расстреливаются ими сотнями.

Еще раз: Долой смертную казнь.

6. Упразднение чрезвычайных комиссий и ревкомов.

7. Установление для революционных социалистических партий полной свободы слова, печати, собраний, союзов.

8. Неуклонное проведение в жизнь социализации земли и содействие объединению всех средств производства.

9. Социализация фабрично-заводской промышленности.

10. Пересмотр и установление справедливых налоговых ставок на Всероссийском Съезде Советов.

11. В целях борьбы с голодом: упразднение системы реквизиций, восстановившей деревню против города. Упразднение всех бюрократических учреждений по выкачиванию хлеба из деревни. Борьба с мировым империализмом для осуществления продуктообмена внутри Советской Республики через потребительно-трудовую крестьянскую и рабочую кооперацию на основе общероссийского плана.

12. Пока враг угрожает революции, существование Красной Армии жизненно необходимо, а потому рабочий и крестьянин должны смотреть на армию как на свое детище, без которого невозможно существование революции, а, следовательно, невозможна власть трудящихся над землею.

13. Желательно полное единение всех революционных сил на общей программе для скорейшего проведения в жизнь социального строя.

14. Всеми мерами и средствами остановить начавшееся коммунистами беспощадное истребление казачества, раскрыв трудовому крестьянству, чьих это рук дело и скрытый смысл этого адского плана.¹¹⁵⁵

Миронов хорошо осознавал, что военные поражения красных были связаны с их репрессиями против народных масс, и видел выход только в настоящей борьбе против этих репрессий посредством свободно избранных советов. Его бунт потерпел неудачу: используя переговоры как повод для встречи с мятежным командиром, его арестовали. ЧеКа приговорила его к смерти, но помиловала ради его популярности среди красных казаков.

Отступление Якира началось к середине августа и продолжалось двадцать один день, прежде чем его армия соединилась с 44-й дивизией красных поблизости Киева. По дороге она имела несколько боев с Петлюрой, против которого были использованы полки, считавшиеся расположенными к Махно, тогда как против Махно выставлены подразделения

чекистов, и другие, более надежные войска. Кроме перестрелки в Помощной, военных столкновений с махновцами больше не было. Мокроусов спас экспедицию, взяв в плен весь штаб самой сильной петлюровской дивизии.

Это бегство большевистских войск оставило лицом к лицу трех противников – Махно, Петлюру и белых. Белые, из-за легкости, с которой они продвигались вперед до сих пор, совершили тяжкую стратегическую ошибку: вместо того, чтобы укрепиться на линии фронта Одесса-Николаев-Елисаветград и прикрыть, таким образом, огромные территории, занятые на восточной Украине, они вбили себе в голову мысль об одновременном разгроме Махно и Петлюры. Однако в их распоряжении было около пятнадцати тысяч человек, безусловно, хорошо вооруженных и снаряженных, постоянно снабжаемых тыловыми базами, но все же недостаточных для задачи такого размаха. Основная группировка их сил, 150 000 человек, была задействована под Курском в их главном наступлении на Москву. Вначале петлюровцы уклонялись от сражения с ними, надеясь достичь политического соглашения на основе независимости Украины; поэтому белогвардейские части сошлись в районе Вознесенска – Елисаветграда, занятом махновцами. Штаб деникинцев имел тенденцию недооценивать их, учитывая неожиданный провал их фронта Мариуполь – Юзовка в мае-июне, истинные причины которого до тех пор оставались неизвестными белым. Вот как генерал Слащев, ответственный за операции, оценил впоследствии ситуацию:

Петлюра действовал вяло и нерешительно. Оставался один типичный бандит – Махно, не мирившийся ни с какою властью и воевавший со всеми по очереди. Единственно, в чем ему надо было отдать справедливость – это в умении быстро формировать и держать в руках свои части, вводя даже довольно суровую дисциплину. Поэтому столкновения с ним носили всегда серьезный характер, а его подвижность, энергия и умение вести операции давали ему целый ряд побед над встречавшимися армиями.

Это умение вести операции, не укладывавшееся тем образованием, которое получил Махно, даже создало легенду о полковнике германского штаба Клейсте, будто бы состоявшем при нем и руководившем операциями, а Махно, по этой версии, дополнял его военные знания своею несокрушимой волей, знанием местного населения. Насколько все это верно, сказать трудно, но факт только тот, что Махно умел вести операции, проявлял недюжинные организаторские способности и умел влиять на крупную часть местного населения, поддерживавшего его и пополнявшего его ряды. Следовательно, Махно являлся очень серьезным противником и заслуживал особенного внимания со стороны белых, в особенности, принимая во внимание их малочисленность и обширность поставленных задач.

Белые же, несмотря на указания борющихся с Махно начальников, смотрели на его ликвидацию, как на вопрос второстепенной важности, и все свое внимание направляли на Петлюру. Эта слепота ставки и штаба войск Новороссии неоднократно и жестоко наказана.¹¹⁶⁶

Можно привести в качестве анекдота легенду о «немецком полковнике Клейсте», который рассказывал, насколько офицеры военной академии, пропитанные своим «военным искусством», не могли даже подозревать наличия таких качеств у простого крестьянина, не имеющего к тому же военного образования. Отметим все же особое уважение, проявленное

по отношению к Махно таким блестящим штабным генералом как Слащев, который затем перешел к красным и преподавал в Высшей военной академии красной армии!

Первое столкновение состоялось 20 августа, поблизости железнодорожной станции Помощная, когда 5-я стрелковая дивизия, брошенная на преследование войск Якира, которые бежали, как могли, натолкнулась на Махно. Это стало первой неприятной неожиданностью для белых – они были отброшены с серьезными потерями, утратив несколько бронепоездов, в том числе прославленный «Непобедимый». В последующие дни фронт стабилизировался на участке шириной около 80 км от Елисаветграда до окраин Помощной. Махновская кавалерия опустошала тылы противника частыми набегами. Белые перегруппировали свои силы: 5-я дивизия, потрепанная и деморализованная, была размещена возле Елисаветграда; далее 4-я дивизия и смешанная бригада 34-й дивизии, всего 5000 человек, в том числе 2000 кавалерии, располагавшие 50 пушками и многочисленными пулеметами. Слащев имел план обойти Махно слева, в Ольвиополе, чтобы разжать тиски вокруг Елисаветграда, не допустить прорыва фронта в этом направлении и загнать Махно в тупик на севере и западе. Он использовал на острие атаки офицерские полки из Симферополя и Лабинска.

Наступление белых началось 5 сентября; они без труда заняли Арбузинку и Константиновку (см. карту 1, на которой представлены операции). Махно им ответил контрнаступлением. В следующие дни белые вновь взяли Арбузинку и захватили 300 пленных. Махновцы сдавались, когда у них не оставалось больше патронов, в полном отчаянии, так как они знали, что им нечего ожидать от победителей; общим правилом в то время было не отягощать себя пленными. Нехватка патронов и снарядов во время этих боев объясняет успехи белых, так как они имели постоянно налаженное снабжение благодаря их базе в Вознесенске. Аршинов пишет, что в это время две из трех атак махновцев имели целью овладеть боеприпасами противника. Это стало очевидно 6-го сентября, когда махновская пехота атаковала Помощную при поддержке нескольких бронепоездов, тогда как сам Махно во главе своей кавалерии атаковал белых с тыла в Николаевке и отбил у них подводы с боеприпасами. Белые закрепились в Помощной. В последующие дни махновская кавалерия возобновила свои налеты на тылы противника и наносила ему чувствительные удары. Таким образом, она заставляла их оставаться на своих позициях, угрожая при всякой попытке наступления отрезать их от тылов. Во время этих боев погибли Петя Лютый и брат Нестора, Григорий Махно.

Затем бои переместились к востоку; вторая группа махновцев атаковала и разбила 5-ю дивизию, захватив пленных и овладев пушками. Штаб белых назначил тогда Слащева единственным командующим всех войск, задействованных против Махно, и приказал ему любой ценой защищать Елисаветград. Белые начали одновременное наступление в двух направлениях: против тылов второй группы махновских войск, спасая, таким образом, остатки 5-й дивизии, и против их первой группы в Новоукраинке; здесь, контратака махновцев отбросила белых на их исходные позиции в Помощной; этот бой им стоил 300 убитых и раненых. Слащев пишет, что в это время

Налеты махновцев на тылы белых все учащались и навели панику. Обстановка сложилась так, что атаковать было крайне тяжело, но малейшее промедление грозило гибелью, Махно

*атаковал бы сам, и измотанные войска белых, имея в тылу партизанскую конницу врага, конечно бы, не выдержали. Подтягивать кавбригаду, что требовало бы минимум сутки, не стоило, – до ее подхода белые были бы раздавлены превосходными силами Махно. Надо было либо немедленно отступить, чтобы за ночь оторвать свои части от махновцев и вернуть себе свободу действий, либо атаковать на рассвете.*¹¹⁷⁷

Было принято второе решение. Действительно, если бы белые отступили, Махно занял бы Елисаветград и тем самым, открыл бы себе дорогу для возвращения на левый берег Днепра. На следующий день, на рассвете белые во главе с командирами пошли в атаку. Застигнутые врасплох махновцы, не имея по-прежнему достаточно боеприпасов, отступили, потеряв 400 человек пленными и 3 пушки. Осознавая всю серьезность ситуации, махновцы решили отступить к Умани, на запад и взорвали свои бронепоезда.

За блестящие боевые действия, бойцы 1-го Симферопольского офицерского полка получили 109 Георгиевских крестов и 7 военных медалей; их командир, полковник Гвоздаков, был произведен в генерал-майоры. Сам Махно признал умение своих белых противников:

*По свидетельству Махно, это была, действительно, конница, достойная своего названия. Многочисленная конница красной армии, созданная впоследствии, была конницей скорее по названию. Никогда не была она способна на рукопашный бой, а действовала лишь тогда, когда неприятель бывал сбит орудийным и пулеметным огнем. За все время гражданской войны красная конница ни разу не приняла сабельного удара махновской кавалерии, хотя численно всегда превосходила последнюю. Совсем иное – казачьи и кавказские кавалерийские полки Деникина. Они всегда принимали сабельный удар и всегда шли полным карьером на неприятеля, не дожидаясь, когда огонь орудий и пулеметов дезорганизует его.*¹⁸

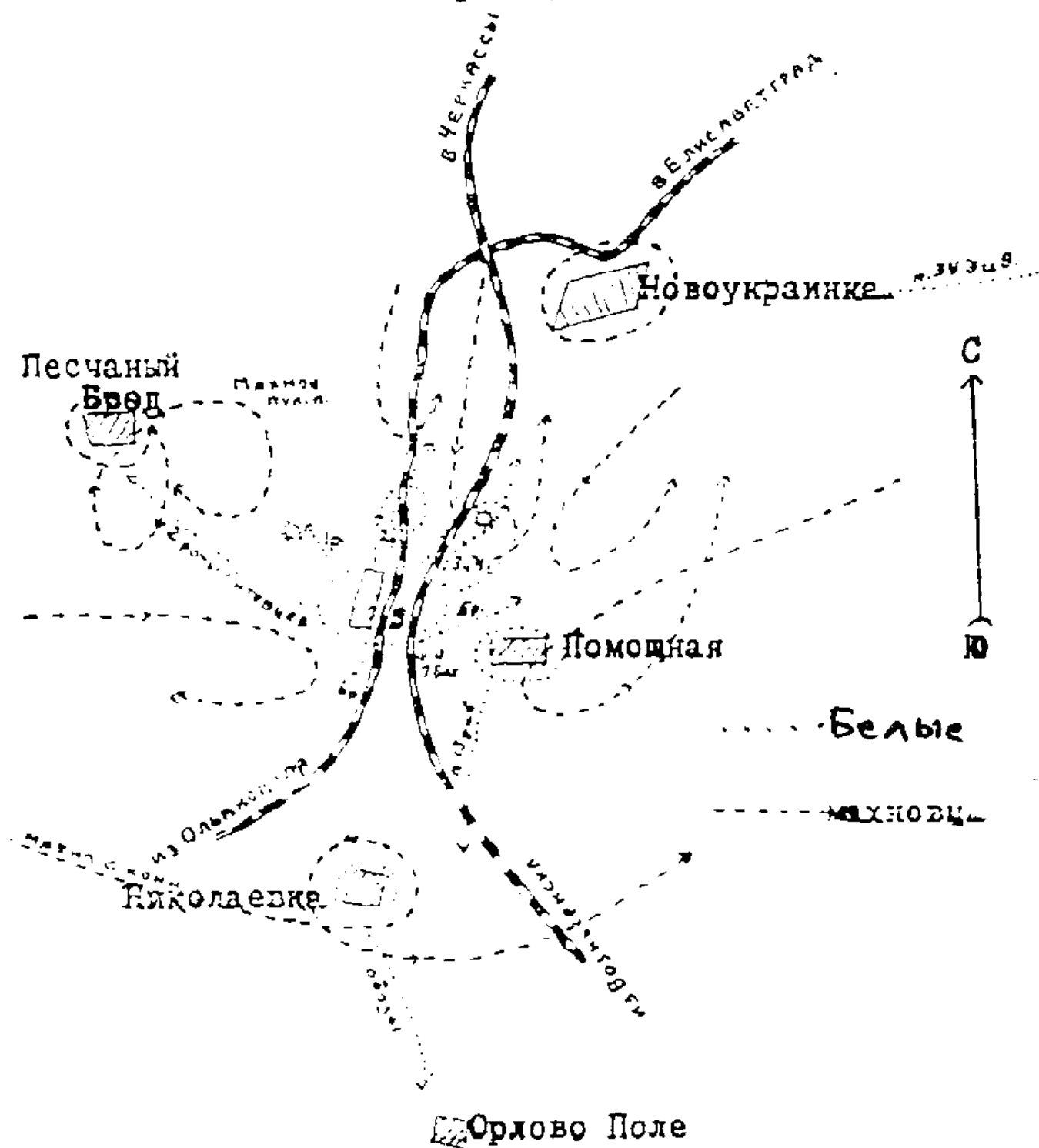
Аршинов так комментирует эту оценку: «Тем не менее, и эта конница не раз ломала себе шею в ожесточенных боях с махновцами. Руководители деникинских полков, в своих дневниках, попадавших после боев к махновцам, неоднократно отмечали, что война с махновской кавалерией и артиллерией есть наиболее тяжелое и страшное дело во всем их походе»²⁹. По словам Аршинова, Махно особо восхищался отвагой и презрением к смерти офицерских полков из Симферополя и Лабинска, которые были самыми ожесточенными в борьбе против него.

Отступление махновцев длилось около двух недель; они отступали шаг за шагом, в ожесточенных ежедневных боях, скованные в движении 8000 раненых и больных. Они дошли почти до Умани, занятой петлюровцами, которые до этого времени придерживались вооруженного нейтралитета по отношению к двум воюющим сторонам. Махновцы оказались между двух огней; поэтому они приняли с облегчением предложение украинских националистов о нейтралитете. Они эвакуировали 3000 раненых в Умань, отправили обратно небольшие партизанские отряды, которые не имели вооружения или были плохо вооружены, затем закрепились на территории 12 км в длину и 10 в ширину, приблизительно в тридцати километрах от Умани. Их контингент насчитывал около 8000 человек. Чтобы избежать всяческих недоразумений Военный Революционный Совет махновцев опубликовал листовку «Кто такой Петлюра?», предназначенную для петлюровцев, в которой лидер

националистов разоблачался как защитник буржуазных классов. Петлюровцы, знакомые с прецедентом Григорьева, не допускали, чтобы их войска вступали в контакт с повстанцами.

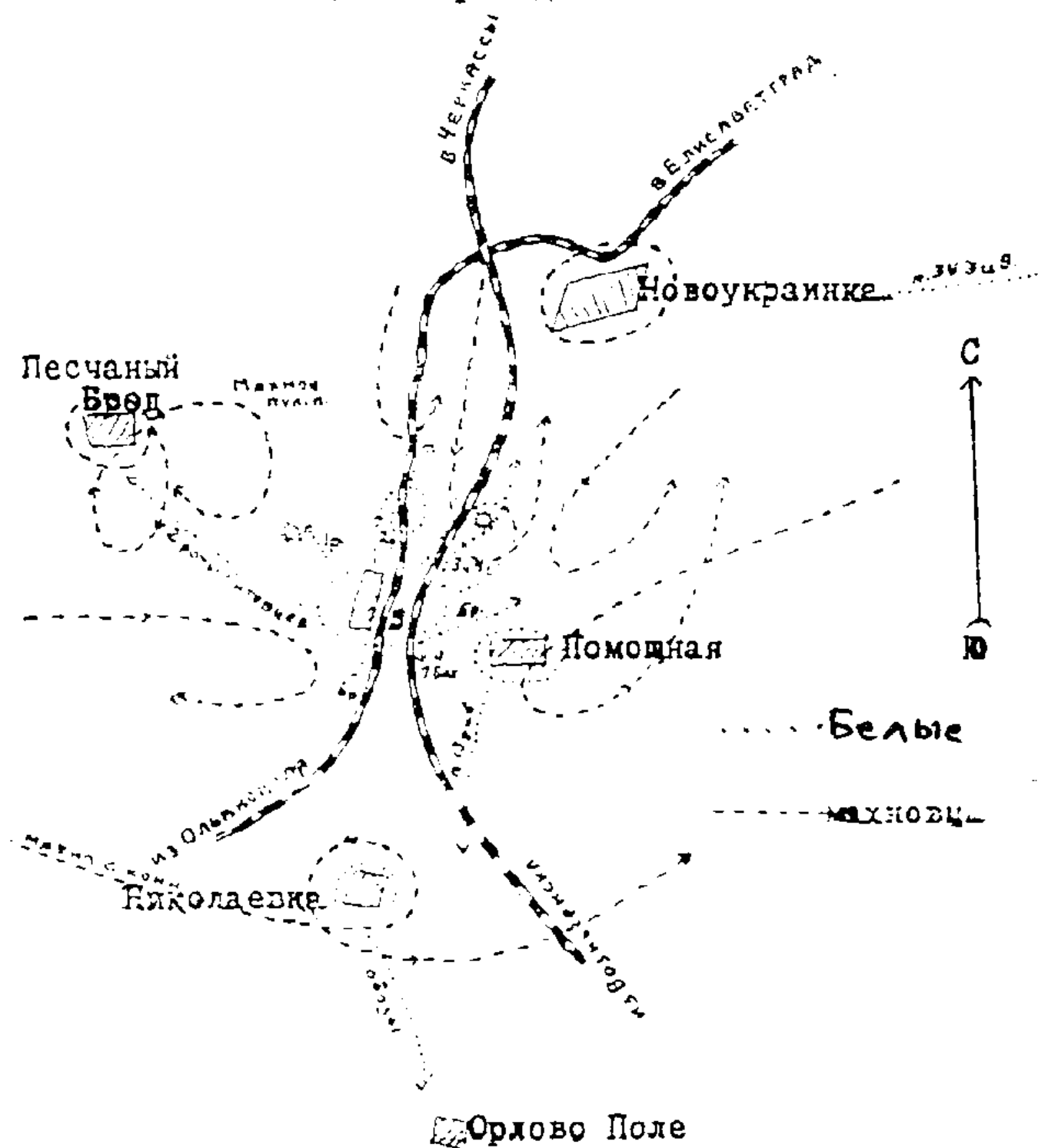
Бой у ст.Помощной 24 августа 1919 г.

/10 вер. в дюйме/

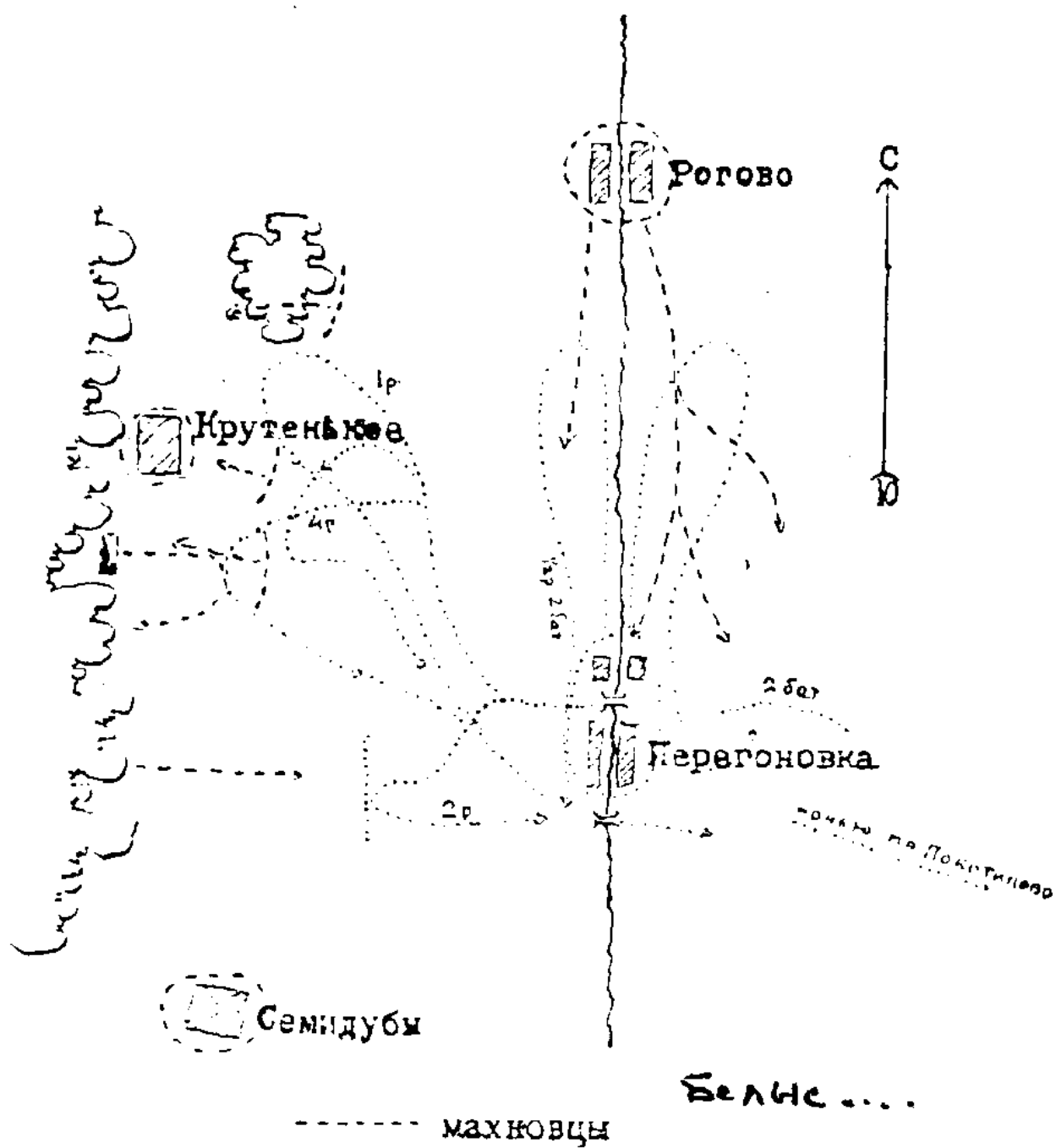
Бой у ст.Помощной 24 августа 1919 г.

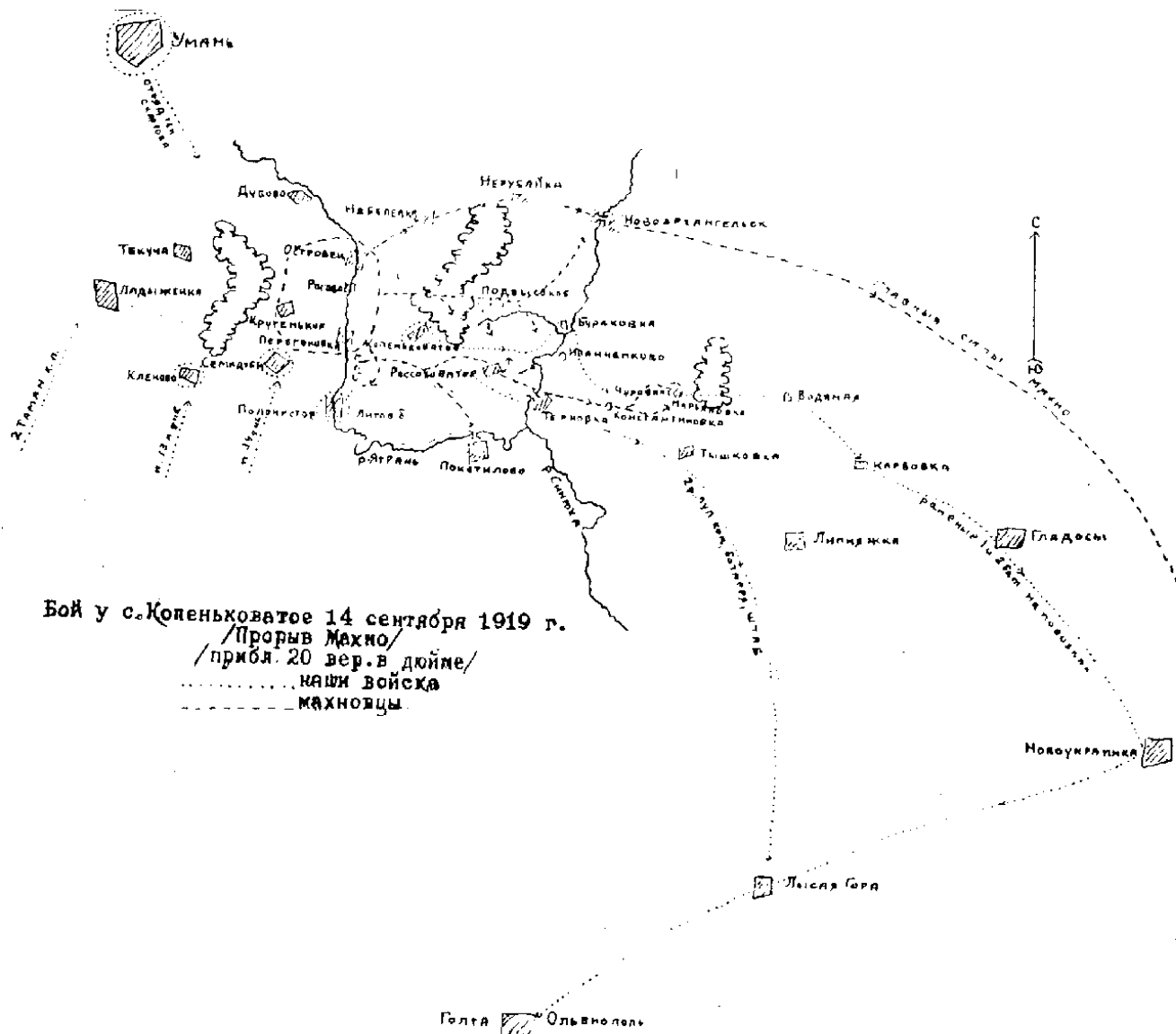
/10 вер. в дюйме/

Бой у с. Перегоновки 9 сентября 1919 года.

/5 вер. в дюйме/

- 1 – Место столкновений с белыми у станции Помощной, 24 августа 1919 г.
 2, 3 и 4 – Битва под Перегоновкой 26 сентября 1919 г. и прорыв махновцев.

Белые следовали за повстанцами, решив покончить с ними. Они пошли на Умань и отрезали доступ к ней махновцам. Таким образом, махновцы оказались окруженными с трех сторон, взятыми в страшные тиски; их отступление длилось четыре месяца и увело их за 600 км от гуляйпольской базы. Момент был критическим, партизаны были истощены непрерывными боями на протяжении более месяца, им ужасно не хватало боеприпасов, хорошо вооруженный и снабжаемый противник, состоящий из отборных, уверенных в себе войск, превосходил их в числе и горел желанием их уничтожить. Именно в это время Махно еще раз показал свои исключительные качества предводителя: он заявил повстанцам, что совершаемое до сих пор отступление было вынужденной стратегией, а теперь наступил момент навязать их собственную стратегию. Это заявление вызвало большой энтузиазм у повстанцев.

22 сентября боевые действия возобновились. Слащев использовал свои лучшие войска, в том числе Симферопольский офицерский полк, в качестве тарана, чтобы отодвинуть

повстанцев к Умани, где он рассчитывал раздавить их окончательно. В этот раз у него был формальный приказ продолжать любой ценой операцию по уничтожению до ее окончания. Слащев имел все козыри на руках, так как обеспечил себе спокойствие со стороны Петлюры; он знал также, что у Махно катастрофически не хватает боеприпасов и по этой причине ему приходится отправлять людей. Воинствующими криками он призвал свои войска к энергичной атаке на противника. На протяжении нескольких дней вокруг Перегоновки происходили столкновения (см. карту операций № 2), в непосредственной близости от махновцев. Деревня неоднократно переходила из рук в руки. Махно, очевидно, хорошо изучил поле битвы, так как он расположил свои части в лесах и на высотах вокруг Перегоновки, которая была своего рода приманкой; он выжидал, когда белые бросятся на нее, чтобы их опрокинуть с тыла. Местность хорошо подходила для такого маневра: в этой части Украины степь изрезана достаточно глубокими оврагами, незаметными издали.

Решающая битва началась рано утром 26 сентября, цепи махновской пехоты атаковали позиции противника на востоке, тогда как кавалерия повстанцев раздавила Литовский полк на западе и затем, как было предусмотрено, ударила в тыл 1-ому Симферопольскому офицерскому полку³¹⁰, посеяв там панику.

Аршинов, свидетель и участник этой сцены, рассказывает, как битва достигла своего кульминационного момента в 8 часов утра, в настоящей пулеметной буре; махновская пехота начала терять опору и отступила до Перегоновки, преследуемая белыми, которые шли со всех сторон. Все члены повстанческого штаба, культурного отдела и женщины из медсанчасти вооружились винтовками и начали вести огонь по улицам деревни; казалось, что это конец. Вдруг огонь и залпы противника ослабели, затем совсем удалились. Что произошло? Противник был как бы сметен ураганом: это Махно и его «черная сотня», исчезнувшие накануне с наступлением ночи, обошли вражеские позиции и набросились на противника в решающий момент в неудержимой атаке. «Батяка впереди!.. Батяка рубит саблей!» – кричали повстанцы, бросаясь с удесятеренной энергией на врага. Это был рукопашный бой невиданной силы, «рубка», как говорили махновцы. Белые дрогнули, отступали, сохраняя порядок на протяжении нескольких минут, затем побежали, увлекая за собой все другие полки и подразделения; в панике все спасались бегством – охотники стали вдруг дичью, они пытались достичь речки Синюха, протекавшей в каких-то пятнадцати километрах от Перегоновки. Командир полка, недавно произведенный генерал-майоры Гвоздаков, штаб Симферопольского полка и одна рота достигли первыми брода, затем продолжали бежать, не оглядываясь, как бы охваченные ужасом, так что к вечеру они достигли Лысой Горы, в 40 км отсюда, оторвавшись от остального полка. Один из спасшихся, полковник Альмендингер, заместитель командира 2-го батальона этого полка, свидетельствует:

Штаб полка, 2-я рота, часть полковой пулеметной команды, батарея и обоз быстро отошли и успели захватить переправу у Терновки, но командир полка не стал удерживать ее до подхода других рот и поспешно отошел на Тышковку, а к вечеру очутился в с. Лысая Гора без полка.

1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я и 7-я роты с пулеметами отходили под сильным давлением махновской пехоты справа и с фронта и под давлением непрерывных атак конницы на левый фланг.

Артиллерия противника, очевидно боясь попадания по своим, обстреливала какие-то объекты впереди наших рот. Войдя в лес, что восточнее Копеньковатого, ротам пришлось бросить пулеметы и патронные двуколки, ибо лес был окопан широкой и глубокой канавой, которую коням преодолеть было невозможно. Выйдя из леса, роты взяли направление на Россоховатое, но вынуждены были пройти севернее этой деревни, так как она уже была занята противником с артиллерией. Тщетно роты сигнализировали флагами, чтобы вызвать своих на помощь. Ответа не было. Кругом враг, впереди р. Синюха. Впоследствии выяснилось, что на переправе в Терновке видали флаги и все-таки командир полка решил оставить переправу, не дождавшись подхода своих рот. Роты шли обреченные на гибель. Знали, что пощады не будет. Двигались без дорог, по крупной пахоти.

Солнце начало припекать. По пятам двигалась пехота махновцев, но цепи наши расстрелу не подвергала, так как, по-видимому, у нее кончились патроны, что мы тотчас же почувствовали. Но кончался и у нас, носимый с собой, запас патронов. Конница противника все время набрасывалась на нас на обоих флангах, пытаясь бросанием ручных гранат вызвать среди нас панику, чтобы затем действовать холодным оружием. Нужно было непрерывно останавливаться и залповым огнем отбивать конные атаки. Падали раненые и, чтобы не попасть живыми в руки врага, сами себя достреливали. Легко раненые продолжали отходить с ротами. Подходили к реке Синюхе, но не знали, где находится переправа. Река глубокая и довольно широкая. Наконец, подошли к самой реке в излучине севернее Терновки. Несколько человек бросилось вплавь, часть потонула, часть вернулась обратно. Пехота махновцев остановилась. Отстреливаясь от конницы, роты двинулись вдоль берега реки, в надежде найти переправу. К 15 часам роты подошли к Буравке, откуда были встречены пулеметным огнем. Роты атаковали Бураковку и заняли ее, там им достался махновский пулемет. Только здесь, сделав без дорог по пахоти около двадцати верст, роты остановились и приготовились к последней обороне. К счастью, жители указали греблю, по которой можно было перейти на левый берег реки. Двинулись, нашли греблю и переправились через р. Синюху. В шести ротах осталось около ста человек. Куда идти? Предполагали, что штаб полка и команды находятся в Тышковке и решили двинуться на Константиновку. Медлить было нельзя, махновцы уже подошли к берегу. На встречные подводы посадили раненых. Стали приближаться к Константиновке. Одновременно туда же подошли какие-то колонны со стороны Терновки. Думали свои. Вдруг колонны стали разворачиваться, и артиллерия открыла по нам огонь. Раненые на подводах сразу повернули на Чуровку и ускакали в направлении Водяное-Карбовка-Глodosы-Новоукраинка, куда и прибыли поздно ночью. Оставшиеся около 60 человек под командой командира 2-го батальона кап. Гаттенбергера повернули цепью на Чуровку и стремились добраться до леса, что восточнее этой деревни. Не суждено было им уйти. Конные атаки они отбили, но артиллерия махновцев, выезжая поорудийно перекатами, расстреливала цепь картечью. Патроны кончились. Оставшихся в живых конница перерубила. Капитан Гаттенбергер застрелился. Пленных не было ни одного.⁴¹¹

Рассказ Альмендингера соответствует почти полностью воспоминаниям Махно, озаглавленным «Разгром деникинцев», появившимся в № 4 газеты Путь свободы, от 30 октября, за исключением того, что кроме его полка, были порублены саблями и другие: сотни трупов усеяли дорогу на протяжении километров, как описывает Волин, который правдиво замечает: «Вот что было бы со всеми нами сейчас, если бы они победили. Судьба?

Случай? Справедливость?»⁵¹²...

Махно максимально воспользовался ситуацией: превратившись из дичи в охотника, он пустил во весь опор всю кавалерию и артиллерию вслед за белыми, затем бросился сам со своей черной сотней напрямик по проселкам преследуя деникинцев, и ему удалось захватить в плен штаб дивизии и резервный полк. Только несколькими сотням белых удалось уйти.

Добыча была огромной: 23 пушки, более 100 пулеметов, 120 офицеров и 500 солдат пленных. Много деникинских стратегов и офицеров предпочли покончить с собой, чем попасть в руки повстанцев. Поля были усеяны погонами и нашивками, владельцы которых скрылись в лесах. На следующий день крестьяне удивлялись такому странному урожаю⁶¹³. Это был разгром деникинского экспедиционного корпуса.

Результаты этой битвы под Перегоновкой неоценимы – по сути они решили исход гражданской войны. Именно это осознает другой оставшийся в живых деникинский офицер Сакович: он находился вблизи поля битвы, но его часть не вступала в бой, ожидая все еще продвижения махновцев на восток, где их ждала приготовленная Слащевым западня. Он слышал какое-то время интенсивную канонаду, затем наступила тишина; он почувствовал, что случилось что-то первостепенной важности:

На предвечернем, покрытом осенними облаками небе блеснули последние вспышки выстрелов и... все замолкло. Все мы, рядовые офицеры, чувствовали, что произошло нечто трагическое, хотя конечно никто не мог дать себе отчета в размерах постигшего нас бедствия. Никто из нас не знал, что в этот момент национальная Россия проигрывала войну. Кончилось – почему-то сказал я стоящему рядом со мной поручику Розову. – Кончилось... – мрачно подтвердил он.⁷¹⁴

Почему все было кончено? Как бои, в которых участвовало немногим более десятка тысяч человек с каждой стороны, могли повлиять на исход войны, в которой противостояли сотни тысяч?

Несомненно, Махно разбил лучшие войска Слащева, который, несмотря на это, взял в плен 1000 раненных и бродивших вокруг махновцев, но белый генерал был не в состоянии организовать преследование повстанцев и довольствовался небольшими боями с желто-синими петлюровцами. Махно же не почил на лаврах; он бросил оставшихся у него 7000 человек сразу в трех направлениях: на восток – левый берег Днепра, их родину; главные силы в 3500 человек продвигались галопом к самым важным стратегическим точкам; сам Махно во главе своей черной сотни находился уже на следующий день после своей блестящей победы на расстоянии более 100 км оттуда. Воспользовавшись эффектом неожиданности, повстанцы молниеносно заняли все местности и все города, расположенные на пути их следования и обороняемые слабыми гарнизонами, за исключением Никополя, где они раздавили три полка дивизии Корнилова, взяв 300 пленных. За десяток дней галопом была освобождена огромная территория, включающая города Кривой Рог, Елисаветград, Никополь, Мелитополь, Александровск, Гуляй-Поле, Бердянск и Мариуполь.

20 октября, отряд авангарда занял в первый раз Екатеринослав, затем был оттуда выбит, пока лично Махно, с более многочисленными подразделениями не овладел столицей южной Украины. Еще более серьезным для белых был контроль махновцев над всей железнодорожной сетью региона, с важными железнодорожными узлами Пологами, Синельниково, Лозовой, а также взятие портов Мариуполя и Бердянска, где французы и англичане выгружали необходимое для Деникина снаряжение. Все нервные центры наступления Деникина на Москву рушились под таранными ударами махновцев. Белые были отрезаны от своих баз снабжения боеприпасами и провизией. Повстанцы дошли даже до ворот Таганрога, где находился главный штаб Деникина и были остановлены только в самый последний момент. Деникин был вынужден срочно призвать на помощь свои наилучшие казачьи войска Шкуро и Мамонтова, готовившиеся брать Москву. Действительно, красная армия была полностью разбита, в наиболее продвинутой точке деникинское наступление в этот момент находилось всего в 200 км от Москвы, а белые генералы спорили, кому выпадет честь войти туда первым. Что касается Ленина и большевистских руководителей, они готовились оставить Москву и укрыться в Финляндии, радуясь тому, что продержались дольше, чем Парижская Коммуна. Таким образом, Махно сломал хребет большому деникинскому наступлению, которое не могла остановить красная армия. С этой точки зрения битва под Перегоновкой была решающим военным событием всей гражданской войны. Летописец Махновщины прав, когда утверждает, что:

Мы, таким образом, в соответствии с исторической истиной, должны сказать здесь, что честь поражения деникинской контрреволюции осенью 1919 г. принадлежит, главным образом, махновцам. Не будь уманьского прорыва и последовавшего за ним разгрома тыла, артиллерийской базы и всего снабжения деникинцев, последние, вероятно, вошли бы в Москву приблизительно в декабре 1919 г.⁸¹⁵